

09.010/
1552

ОБСЕДЕННОСТИ

ПЬЕР-МИШЕЛЬ БЕРТРАН

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЛЮДИ
ИСТОРИЯ ЛЕВШЕЙ

PIERRE-MISHEL BERTRAND

HISTOIRE DES GAUCHERS

«DES GENS À L'ENVERS»

ÉDITIONS IMAGO
2001

ПЬЕР-МИШЕЛЬ БЕРТРАН

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

ИСТОРИЯ ЛЕВШЕЙ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА
2016

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Альбрехта Дюрера «Ева». 1507. Прадо, Мадрид*

Бертран, П.-М.

- Б41** Зеркальные люди. История левшей / Пьер-Мишель Бертран; пер. с франц. К. Щербино. 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 304 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-0534-3

Книга французского исследователя Пьера-Мишеля Бертрана посвящена левшам. Поразительно, что это, казалось бы, элементарное свойство вызвало у окружающих самые разные, подчас прямо противоположные эмоции — от страха и отвращения до уважения и восхищения. Сегодня оно считается вполне обычным явлением и не вызывает удивления, но всегда ли думали так? Леворукость интересует автора прежде всего как культурный феномен. Небыстрый процесс либерализации леворукости находился в постоянном колебании, знал как взлеты и падения, так и периоды застоя. Как относились к леворукости (считай меньшинству) в эпохи, когда царили остракизм, изоляционная политика, принуждение? Бертран рассматривает культурно-исторический процесс от античности до современности в необычном ракурсе — с точки зрения взаимоотношения правшей и левшей. Читатель найдет в книге разнообразный материал — от искусствоведческих описаний до статистических таблиц и уголовных хроник двухсотлетней давности, познакомится с биографиями и мемуарными свидетельствами как знаменитостей, так и вполне заурядных современников той или иной эпохи.

© Éditions Imago, 2001

© К. Щербино, пер. с франц., 2005

© ООО «Новое литературное обозрение», 2005; 2016

— Кто это? — спросил я.

Черт объяснил мне:

— С вашего позволения, это все левши — народ, что все делает шиворот-навыворот, а потому и недоволен, что не находится вместе с остальными осужденными. Здесь мы никак понять не можем, люди они или что другое, ибо при жизни они только и знали, что причиняли досаду своим ближним, являясь дурным предзнаменованием. <...> Да что говорить — народ этот сделан шиворот-навыворот, в толк не возьмешь, люди это или нет.

Франсиско де Кеведа.

«Сновидения и рассуждения об истинах, обличающих злоупотребления, пороки и обмань во всех профессиях и состояниях нашего века», 1608

ВСТУПЛЕНИЕ

Как мне кажется, праворукость является наследственной, врожденной, инстинктивной и... фатальной. Вполне может быть, что она станет все больше и больше преобладать над леворукостью.

Фортуне Мазель, 1892

Вряд ли можно поспорить с тем, что из года в год в нашем обществе все больше и больше левшей. Сейчас уже не найдешь такого класса в школе, в котором бы не учились два-три левши, такого зала библиотеки или ресторана, ателье, офиса, стойки в кафе, где не стоял бы хотя бы один левша (значит, их еще замечают?), нет такой семьи, которая была бы «застрахована» от леворукости. По крайней мере два человека из десяти все делают левой рукой. Получается, что только в Европейском союзе их около семидесяти четырех миллионов... Весьма многочисленное меньшинство!

Причина роста числа левшей кроется, несомненно, во все возрастающей вседозволенности, на которую наше общество взяло курс в послевоенные годы. То, что раньше казалось явной патологией, от которой человеку никогда не избавиться, уже несколько десятилетий считается обычновенным вариантом внутреннего строения человека, абсолютно безвредным. В том, чтобы быть левшой, нет ничего особенного. Это все равно что быть белым, желтым или черным, высоким или низким, худым или толстым, блондином, брюнетом или рыжим, лысым или бородатым, гомо- или гетеросексуальным. Определенно, природа боится однообразия — ей больше не нравится повторяться. Что ж, нам остается только порадоваться.

Но всегда ли люди думали так? Как относились к леворукости в эпохи, когда царили остракизм, изоляционная политика, принуждение? Похоже, точного ответа на этот вопрос нам никто не даст¹.

Больше всего распространена точка зрения, что к левшам традиционно относились с глубокой враждебностью². И на самом деле, как мы увидим в первой части этой книги, раньше почти повсеместно считалось, что руки являются символическим отражением двойственности, характерной для нравственной сферы. Правая обозначала добро, нравственную чистоту, правду; левая — зло, порок, заблуждение. Быть левшой значило не только отличаться от физиологической нормы, но и демонстрировать своим телом — отражением души, согласно иудео-христианской традиции — отсутствие правоты. Репутация левши всегда была зловещей³.

Это предположение во многом отражает реальное положение вещей, однако не охватывает всех аспектов проблемы. На самом деле каждый случай столкновения с левшами нужно разбирать отдельно, так как отношение к ним зависело от многих внешних обстоятельств. Хотя

неприязнь, конечно, и являлась самой распространенной реакцией, однако она вовсе не являлась единственно возможным отношением к меньшинству левшей со стороны доминирующих правшей. При всестороннем анализе проблемы оказывается, что чувства, испытываемые последними, можно условно разделить на три группы: враждебность, терпимость или равнодушие и уважение. Как бы нам ни хотелось рассматривать их в рамках постепенного развития отношения к левшам, это невозможно. Процесс либерализации леворукости, благодаря современной широте взглядов далеко продвинувшийся в последнее время, на самом деле находился в постоянном колебании, был как взлеты и падения, так и периоды застоя или медленного распространения идей (в соответствии с классической схемой эволюции нравов). Таким образом, рост вседозволенности, характерный для Европы с 50-х гг., последовал за фазой категорического неприятия левшей, апогей которой пришелся на последнюю треть XIX в. Этот период, в свою очередь, следовал за эпохой Просвещения, когда люди впервые стали критиковать гегемонию праворукости. В связи с определенными причинами, которые мы постараемся раскрыть позднее, переходный период от Средневековья к Ренессансу сыграл ключевую роль в установлении запретов и обязательств, которые до того не были распространены.

Может ли социологический феномен прилива и отлива объяснить статус левшей в течение веков? Анализируя тексты, мы сразу видим, что отрицание и восхищение зачастую шли рука об руку. В одну и ту же эпоху в одной культурной среде один автор мог задыхаться от негодования, что кто-то может пользоваться левой рукой во время еды, а другой — фактически утверждать, что левши гораздо более одарены, чем обычные люди. Сверх того, можно отметить, что и хвалебные отзывы

не всегда полностью свободны от изначальной дискриминации и зачастую мало чем отличаются от презрительных отзывов. Наконец, нравы и отношения в разных уголках Западного мира могли существенно отличаться. Каждая страна имеет свои собственные традиции и прежде всего собственную политическую и культурную историю. Судьба же меньшинств всегда зависит от внешних факторов, составляющих национальные особенности⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что историю развития отношения к левшам нельзя представить в виде равномерной линии. Их недавняя реабилитация – итог долгого развития, в котором было много разнородных фаз, если и не противоречащих друг другу, то, по меньшей мере, характеризующихся многочисленными перебоями, замедлениями и ускорениями. Для того чтобы лучше осветить все проблемы, мы решили написать типологическое, а не хронологическое исследование. После обстоятельной преамбулы, где мы постараемся разобрать культурный фон, на котором развивалась история левшей, наша работа будет разделена на три части:

1. Случаи презрительного отношения к левшам.
2. Случаи терпеливого отношения к левшам.
3. Случаи восхищенного отношения к левшам.

Каждая из этих трех частей, в свою очередь, делится на подразделы, в которых отдельно рассматривается какой-то аспект проблемы. Каждую из глав следует читать в перспективе других глав, чтобы не создалось предвзятого, одностороннего отношения к проблеме, которая включает в себе множество внутренних сложностей.

Конечно, может быть, было бы много проще и в какой-то степени и удобней рассмотреть проблему существования левшей в ее прогрессивном развитии во времени и в пространстве. В таком исследовании каждая глава фикси-

ривала бы отдельный этап последовательного движения к определенной цели. Однако история, в особенности история менталитетов, и состоит именно из этих калейдоскопичных отображений реальности. В этом и сложность, и интерес, который она представляет для исследователя.

¹ Насколько нам известно, по теме леворукости не существует никакой общей работы, учитывающей методы исторического исследования. Во всех работах — около восьмисот названий, перечисленных в книге Х. Экаэн «Левши» (H. Nécaen, *Les Gauchers*, Paris, PUF, 1984), — эта тема излагается достаточно поверхностно, в маленьких главах, плохо документированных. Исследование М. Барсли «Книга Левшей. Исследование зловещей истории леворукости» (M. Barseley, *The Left-handed book. An Investigation into the sinister history of left-handedness*, Londres Souvenir Press, 1966), несмотря на многообещающее название, не является исключением. Стоит отметить работу М. Дж. Харриса «Леворукость: ранние теории, факты и фангазии» (M. J. Harris, *Left-handedness: early theories facts and fancies*) в сборнике под ред. Дж. Херрона, «Невропсихология леворукости» (ed. J. Herron, *Neuropsychology of left-handedness*, New-York, Academic Press, 1980, р. 3–78), оказавшуюся для нас неоценимым источником информации, хотя в ней рассматривается только XIX в. Упомянем и статью М. Жандро-Массалу «Левша у Кеведо: человек наоборот» (M. Gendreau-Massaloux, «*Le gaucher selon Quevedo: un homme à l'envers*»), в сборнике статей под ред. Дж. Лафонд и А. Редондо «Образ перевернутого мира и его описания в литературных и околослитературных источниках XVI — середины XVII в.» (J. Lafond et A. Redono, dir., «*L'Image du monde renversé et ses représentations littéraires et paralittéraires du XVI siècle au milieu du XVII*», *Colloqui internat.*, Tours, 1977, Paris, Vrin, 1979, р. 73–81), в которой приведено множество цитат из оригинальных текстов, в основном на испанском языке, и без которой в нашей работе было бы гораздо больше лакун.

ВСТУПЛЕНИЕ

² «Долгое время левши рассматривались как особенные существа: в зависимости от эпохи и места их представляют как возмутителей спокойствия, людей испорченных и злобных, негодяев, колдунов, еретиков, нечестивцев; позднее, они становятся исключениями социального характера, больными» (А. де Монтрон, «Левши» (H. de Montrond, *Etres gaucher*, Paris, Richaudeau, Albin Michel, 1993, p. 152).

³ См. латинское *sinister* — левый и французское *sinistre* — зловещий.

⁴ Именно эти несоответствия наряду с недоступностью многих источников заставили нас сосредоточиться в основном на Франции, а затем и на ее ближайших соседях — англичанах, немцах, итальянцах, бельгийцах и испанцах.

Часть первая

ХОРОШАЯ РУКА И ПЛОХАЯ РУКА

Почему мы оказываем такое предпочтение правой руке — вопрос, на который не найти ответа.

Томас Карлейль¹, 1870

В современном мире, который давно уже взял курс на либерализм и вседозволенность, правая и левая стороны все еще находятся в неравном положении. Разве не бытовало еще совсем недавно мнение, что правая рука — «хорошая рука»? Ведь именно правую руку протягивают при встрече для рукопожатия, поднимают для приветствия или для клятвы (как там по тексту: «Поднимите правую руку и повторяйте за мной: «Клянусь...»). Правой рукой освящают себя крестным знамением. И разве не говорят о человеке, что «он встал не с той ноги»², если у него плохое настроение? Разве верного помощника и соратника не называют «правой рукой»? Не называют ли «левым» человека лишнего, со стороны?³ Не говорят ли о «правом деле» как о правильном, нужном, важном? Не сохранилось ли в романских языках слова *sinistre* (зловещий), происходящее от латинского *sinister* (левый) и характеризующее человека, преступающего законы нравственной правоты, сбившегося с праведной дороги? Не употребляем ли мы прилагательное «левый» в значении «плохого качества» или «неправильный»? В романских языках выражения с прилагательным «левый» может означать также и людей, разбогатевших нечестным путем⁴, находящихся на грани смерти, оказавшихся в неловкой ситуации или живущих в незаконной связи.

Эти общие языковые моменты (в той или иной степени присутствующие в большинстве индоевропейских

языков⁵) отнюдь не случайны. Они свидетельствуют о существовании в далеком прошлом нравственных и религиозных устоев, которые сводились к одному твердому убеждению: левая сторона менее угодна Богу, чем правая. Мы не пытаемся провести в рамках этой главы детальное исследование многочисленных верований, традиций, обычаев, правил повседневной жизни — слишком уж часто именно это правило приоритетности правой руки вставало во главу угла — по нему люди жили, действовали, говорили, думали, и, чтобы разобрать все примеры, потребовалась бы отдельная книга. Однако мы постараемся объяснить некоторые понятия, ключевые для последующих глав, посвященных истории левшей.

I. ПОЧЕМУ ЛЮДИ СТАЛИ ПРАВШАМИ?

Вопрос о том, почему человек изначально ориентирован на то, чтобы выполнять все действия правой рукой, другими словами, вопрос о причинах преобладания правшей, — очень важен и сложен. Для того чтобы дать на него мало-мальски вразумительный ответ, нужно обратиться к истокам нашей цивилизации, тем далеким временам, когда закладывались основы коллективного менталитета, которые и в наши дни определяют наши действия и мысли. В рамках этой работы мы выделили три возможных сценария, не столько противоречащих, сколько в той или иной степени дополняющих друг друга.

Обычаи воинов

Знаменитый французский физиолог Ксавье Биша (1771—1802) первым высказал предположение о том, что

приворукость, возможно, была связана с методами ведения боя⁶. Доисторические воины, похоже, отдавали себе отчет, что раны, нанесенные с левой стороны брюшины, более смертельны, чем те, что с правой стороны. Чтобы защитить сердце, они брали щит в левую руку, а копье — в правую. Таким образом, копье было направлено в уязвимые места противника. Этот обычай передавался из поколения в поколение в течение многих тысяч лет. Учитывая, что, как говорит Биша, «привычка действовать оттачивает действие», этот обычай как атавизм и явился причиной неравных возможностей управления и неравной силы правой и левой руки.

Как правильно подметил известный нейропсихолог Анри Экаэн, эта привлекательная теория тем не менее имеет ряд недостатков. Например, из нее не следует, почему женщины, которые в большинстве своем вряд ли когда-либо имели дело с оружием (удел женщин — материнство), стали правшами вместе с мужчинами. Можно, конечно же, предположить, что правая рука, обеспечивающая воину победу, а охотнику — добычу, изначально стала предметом заботы, особых ритуалов и шаманских обрядов, в то время как левая рука, пассивная помощница, не была столь почитаемой (благословляют всегда оружие, а не щит). Таким образом, правая рука стала основной для всех, включая женщин и детей, так как она была «хорошей» рукой, которая служит основную службу племени. Даже в мирные времена правой рукой делалось больше, чем левой, что обеспечивало увеличение ее роли и значения в повседневной жизни.

Путь солнца по небосклону

Некоторые исследователи склонны видеть истоки главенствующей роли правой руки в древних космогониче-

ских мифах⁷. И на самом деле примитивные религиозные культы были гелиотропны, т.е. основаны на поклонении солнцу. Молитвы, которые верующие возносили боже-ству, были обращены на восток, к горизонту, на котором появлялось светило и рассеивало мрачные тени и беско-нечные ужасы и опасности ночи⁸. У человека, чье лицо обращено к востоку, юг всегда был с правой стороны, а север — с левой. Таким образом, и мир он воспринимал как пространство, разделенное на две половины — правую и левую. Тесная взаимосвязь этого разделения мира на правую и левую сторону и разделения на север и юг оста-вила свой отпечаток и на общем восприятии простран-ства, даже после расширения географических и космого-нических знаний. На это указывает тот факт, что в языках множества древних цивилизаций один и тот же корень служил для обозначения и стороны тела, и одной из двух основных пространственных точек. Так, в древнееврей-ском *sem'ol* означает и левую руку, и север, а *ya'mon* — пра-вую руку и юг (равно как и *kedem* — впереди/восток, а *achog* — позади/запад). В кельтских языках, *tuath* означа-ет «левый» и «север». В латыни прилагательное *sinister* иногда употребляется в значении «смотрящий на север». Санскритское *dakshina*, как и ирландское *dess*, называют юг и правую сторону. Даже в наши дни жители острова Сейн⁹ употребляют такие выражения, как *ag mor dehou* (море справа) и *ag mor klei* (море слева), для того чтобы назвать южную и северную части океана. Таким же обра-зом, в Уэссане, *an tu dehou* (правая сторона) означает южную часть архипелага, а *an tu kleiz* (левая сторона) — северную часть¹⁰. Галлы называли юг своей страны «*De-heubarth*», т.е. «часть по правую руку»¹¹. В арабском языке слово «*yamone*» (правый) ведет свою этимологию от корня «*yimn*», от которого произошло и название Йемен, страна юга. Напротив, Сирия, расположенная на севере,

называется «Sâm», что образовано от su'm (несчастье, дурное предзнаменование) и mas'amat, выражение, используемое в Коране для «левой руки»¹².

Таким образом, древний человек до определенной степени рассматривал топографию мира как отражение строения собственного тела. Он определил, что обожествляемое им солнце всегда поворачивает в правую сторону и никогда не появляется на левой (солнце восходит на востоке, растет на юге и заходит на западе). И эти две позиции становятся для него двумя противоположными полюсами сверхъестественного мира: правый полюс — это источник света и тепла, а значит, оплот благосклонных к человеку сил; левый же средоточие темноты, ночи и зимы, куда не заходит бог-солнце, ассоциировался со злыми и вредоносными силами¹³. Древний человек верил, что его собственное тело является микроскопическим отражением Всего Сущего и воплощает в себе эту двойственную природу, и потому правая рука стала для него более значимой, чем левая. Впоследствии с развитием монотеистических религий это представление было увековечено в постулате о том, что вся вселенная, ее строение, протекающие на ней процессы и законы, которым она подчиняется с неизменной регулярностью, — все это проявление божественного порядка, вечное и непогрешимое выражение его желания. В то время как страны, находящиеся по правую руку и залитые солнцем, в полной мере наслаждались щедротами Всевышнего, страны, расположенные по левую руку, погруженные в беспокойные сумерки, стали землей — обителью зла¹⁴. Об этом свидетельствует текст святой Хильдегарды Бингенской, жившей в XII в.:

Когда Адам проснулся и поднял голову, Бог повернул лицо... Адама в направлении востока. Его правая рука указывает на южные берега, где царит красота; его левая рука указывает на мрачные долины, имя которым аквилон, север¹⁵.

Для Хильдегарды противопоставление правой и левой руки как можно лучше символизировало противопоставление добра и зла.

С помощью божественной благодати зло в человеке подавлено добром, равно как и левая рука находится в подчинении у правой¹⁶.

Таким образом, религиозные представления, как чистый продукт примитивных культов солнца, без сомнения, если и не ориентировали человека на праворукость, то, по меньшей мере, развивали, укрепляли, определяли в нем эту склонность. И пути светил в какой-то степени повлияли и на путь становления цивилизации¹⁷.

Закон полярных противоположностей

Третий вариант развития событий, описанный антропологом Робертом Херцем в 1909 г., дополняет первые два.

Херц отдает себе отчет в том, что главенство правой руки над левой, признанное фактически повсеместно, в первую очередь связано с коллективными представлениями об устройстве мира. Он считает, что на заложенные первыми цивилизациями основы большое влияние оказывал закон полярных противоположностей, согласно которому вся вселенная делится на контрастные пары. С развитием религиозных представлений человек в повседневной жизни оказывается перед лицом изменений и контрастов как мира природы (день противоположен ночи, женщина — мужчине, вода — огню, земля — небу, рождение — смерти и т.д.), так и социального порядка (законность — нарушение закона, снаружи — внутри, работа — отдых, горе — радость и т.д.). Все вещи изначально разделены по этому дуальному признаку. Так у чело-

иска возникает представление о двух всеобъемлющих категориях, одной положительной, другой отрицательной, к которым принадлежат эти противоположности: категории священного и мирского (чистого и греховного, хорошего и плохого). И таким образом, «и общество, и вся вселенная в целом рассматриваются как имеющие сторону священную, благородную, драгоценную, и сторону мирскую, обычную; сторону мужскую, сильную, активную, и женскую, слабую, пассивную, или, другими словами, правую и левую стороны»¹⁸. И разве можно предположить, задается вопросом Херц, что человеческое тело, этот микрокосм, мог не подчиниться действию столь важного закона?

Если подумать, то во всем этом существует определенное противоречие: подобное исключение было бы не только не поддающейся объяснению аномалией, но и полностью разрушило бы внутреннюю экономику духовного мира. Учитывая, что сам человек находится в центре Творения; он сам должен манипулировать грозными силами жизни и смерти, чтобы лучше направлять их. Разве можно представить, чтобы все эти вещи и силы, разделенные и противоположные, исключаящие друг друга, отвратительнейшим образом сосуществовали в руке священника или ремесленника? Просто жизненно необходимо, чтобы каждая из рук «не ведала, что творит другая» (Матфей, VI:3), — эта евангельская заповедь является всего лишь частным случаем применения этого закона несовместимости противоположностей, действующего в религиозной сфере. Если бы асимметрии в органическом мире не существовало, ее следовало бы выдумать¹⁹.

Таким образом, продолжает Херц, правая и левая рука оказались втянуты в манихейскую систему бытия. Учитывая физиологическую, фактически «незначительную» предрасположенность к праворукости, люди были прямо-таки вынуждены признать, что их руки противопоставле-

ны друг другу не только в ловкости, но и в моральном значении. Правая рука стала не только более сильной и умелой; она стала и более добродетельной.

Идеал праворукости

Возможно, нам никогда не удастся с достаточной точностью назвать внутренние пружины того механизма, который заставил людей отдавать предпочтение правой руке перед левой. Разные варианты развития событий позволяют предположить, что корень вопроса кроется не столько в физиологии, сколько в символическом значении вопроса. Человек не стал ценить больше правую руку исключительно в силу функциональной необходимости (хотя и гипотезу о влиянии органического мира не стоит отбрасывать совсем); но подчинился тому правилу, которое он сам же и установил. Изначально, правая и левая руки отличались не только на уровне схемы строения человеческого тела, но и были противопоставлены друг другу по своему значению, за счет индивидуального опыта, даже в самой структуре символического мышления и религиозного культа. Приоритет правой руки являлся следствием высокой трансцендентальной идеи, предполагающей действие внешних сил, которым человек, за счет божественного начала, обитающего в нем, инстинктивно подчиняется. И ориентация на праворукость воспринималась не как естественное разрешение вопроса, но, скорее, как идеал, максимально приблизиться к которому стремится смиренный смертный. У человека были не просто правая и левая рука, но рука «хорошая» и рука «плохая», и нужно было отдавать предпочтение первой.

В следующей главе мы рассмотрим некоторые принципиальные следствия этой дискриминации, которые сказа-

лись на бытующих в нашем обществе идеологиях и на образе жизни, принятом западной цивилизацией.

II. ПРАВИЛА ПРАВОРУКОКРАТИИ

Религиозные предрассудки

Мы уже видели, как примитивные системы верований фактически всех древних цивилизаций сыграли важную роль в установлении доминирования правой руки над левой как в физиологическом, так и в моральном плане. Посмотрим же, в какой степени Библия, на которой зиждется вся западная цивилизация, могла способствовать распространению этой идеологии.

Святой Августин говорит: «Правой рукой совершаются добрые дела, праведные и справедливые; левой рукой совершаются дела худые, неправедные и несправедливые»²⁰. В Писании мотив правой и левой руки встречается достаточно часто. «Сердце мудреца — на правую сторону, а сердце безумца — на левую», говорится, например, в книге Экклезиаста (10:2). Из Псалмов следует, что у нечестивцев правая рука служит для клятвопреступлений (Псалмы 144:8 и 11). А в книге Ионы говорится, что жители Ниневии, питающие малую веру в Бога, «не умеют отличить правую руку от левой» (Иона 4:11). И Книга Бытия тоже дважды разъясняет нам смысл различий между правой и левой рукой. Даже в имени Вениамина, родоначальника двенадцатого колена Израилева, сына патриарха Иакова и Рахили, кроется ключ к пониманию загадки. Роды Рахили протекали очень тяжело, и перед смертью она хотела назвать своего сына Бенони, что значит «сын боли моей». Однако Иаков принял другое решение и назвал сына Вениамин, дословно «сын правой руки»

(Ben-Yâmon) (Бытие 35:18). Чем продиктовано это решение? Тем, что Вениамин будет и любимым сыном отца (Бытие, 42:4) и «Возлюбленным Господа» (Второзаконие 33:12). Так что вполне естественно, что у него должно быть особое имя, которое бы указывало на те особые качества, которые были ему дарованы. Это означало, что в какой-то степени он был рожден под знаком правой руки.

В 48-й главе той же Книги Бытия нам рассказывается другая история, связанная с превосходством правой руки. Иосиф приводит двух своих сыновей, Манассию и Ефрема, к ложу умирающего Иакова, отца своего, чтобы он благословил их перед смертью. Согласно обычаем, принятым в общине, старший сын пользуется большими благами, чем младший, и Иосиф поставил Манассию с правой стороны от Иакова, а Ефрема, младшего, с левой. Однако, несмотря на его предусмотрительность, старец перекрестил руки так, чтобы возложить правую свою руку на голову Ефрема.

И увидел Иосиф, что отец его положил правую руку свою на голову Ефрема, и прискорбно было ему эту. И взял он руку отца своего, чтобы переложить ее с головы Ефрема на голову Манассии, и сказал Иаков отцу своему: не так, отец мой, ибо это — первенец; положи на его руку правую руку твою. Но отец его не согласился и сказал: знаю, сын мой, знаю, и от него произойдет народ, и он будет велик, но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ (Бытие, 48:17—9).

Этот текст весьма красноречив: благословение правой рукой более почетно, чем благословение левой рукой. Однако это не самое главное. Дело в том, что разница между важностью правой и левой руки больше, чем обычная традиция, призванная подтвердить уже определенное превосходство (в данном случае первородство). Благословение правой рукой — изменение порядка, благодеяние,

Опилио, Франция, середина XVI в. Гравировка по дереву (11,6×8,6 см)

Типографское клеймо Жана и Варфоломея Массе в книге Франциско Джорджио «*Promptiarium rerum et theologiarum, et philosophicarum*», Париж, типография Жана Массе, 1564 г. (титульный лист). На нем изображена женщина, которая сидит у подножия дерева, в правой ее руке — фигура Победы, а левую ее руку обвивает змея, символ греха. По этому же принципу противопоставления ее правая нога гордо опирается на мраморный постамент, а ее левая нога тщетно ищет точку равновесия на охваченной огнем шаре. Название гравюры — «*Opinio*», т.е. «Мнение», или, даже в большей степени, «Репутация». В обрамлении виньетки гравер поместил девиз: «*Dextra vincit/ Laeva perimit*», что значит: «Правая рука приносит победу, а левая влечет к поражению». Наконец, можно отметить, что с левой стороны дерево высохло. На мертвой ветке висит предостерегающая табличка: «*A sinistra caveta,*» что значит: «Бойся левой руки своей!»

которое дарует первенство приемлющему его человеку. Манассия, в ущерб всем полученным от рождения привилегиям, окажется в подчинении своего младшего брата, так как тот, благословленный правой рукой отца своего отца, становится избранным наследником²¹. В какой-то степени Ефрем, подобно Вениамину, тоже становится «сыном правой руки»; он получил благословение правой руки, предназначенное тем, кому уготована великая судьба, даже если их социальное положение в обществе (в обоих случаях — положение младшего сына) не располагает к этому.

С первого взгляда кажется, что в Библии есть, по меньшей мере, один персонаж, чья история противоречит этому всемогуществу правой руки — некий Аод, который избавит народы израилены от их врага — Еглона. Его подвиг описан в книге Судей (3:15—26) и отличается большой реалистичностью, если не сказать грубостью. И хотя Ветхий Завет во многих местах оставляет тягостное впечатление длинного перечня убийств, деяние воина Аода отличается от других особой тщательностью, с которой выписаны ужасные детали его. Нас этот рассказ интересует в основном потому, что совершает его герой левой рукой. Ею убивает он царя Еглона, царя Моавитского, овладевшего Иерихоном и угрожавшего всем народам израиленным.

Тогда возопили сыны израилены к Господу, и Господь воздвигнул им спасителя Аода, сына Геры, сына Иеминиева, который был левша. И послали сыны израилены с ним дары Еглону, царю Моавитскому. Аод сделал себе меч с двумя остриями, длиною в локоть, и припоясал его под плащом своим к правому бедру, и пришел, и поднес дары Еглону, царю Моавитскому. Еглон же был человек тучный. Когда поднес Аод все дары и проводил людей, принесших дары, то сам возвратился от истуканов, которые в Галгале, и сказал: у меня есть тай-

ное слово до тебя, царь. Он сказал: тише! И вышли от него все стоявшие при нем. Аод вошел к нему; он сидел в прохладной горнице, которая была у него отдельно. И сказал Аод: у меня есть слово до тебя, царь, слово Божие. Еглон встал со стула пред ним. Когда он встал, Аод простер левую руку свою и взял меч с правого бедра своего и вонзил в чрево его, так что вошла острием и рукоять, и тук закрыл острие, ибо Аод не вынул меча из чрева его, и он прошел в задние части. И вышел Аод в преддверие, и затворил за собою двери горницы (Книга Судей, 3:16–24).

Согласно этому тексту, именно то, что герой, во-первых, привязал меч к правому бедру, а во-вторых, нанес удар левой рукой, и определило его успех: фактор неожиданности сыграл свою роль и свел к минимуму возможное противодействие со стороны Еглона. Так что именно левая рука стала освободительницей Израиля. В то же время возможно, что в глазах летописца, который записал этот библейский рассказ, героизм Аода не шел ни в какое сравнение с его бесчестьем. Об этом свидетельствует и резкость всего рассказа. «Праведный и справедливый человек никогда не будет прибегать к хитростям и приговору, — замечает Доминик Пиньон. — Такое поведение характерно для другого типа людей, и исключения только подтверждают правило». Правая рука Аода, «преступная и хитрая», является инструментом «деяния преступного и даже извращенного»²² (острие входит в живот жертвы вплоть до самого своего основания и остается в теле жертвы, испачканное нечистотами).

История, подобная подвигу Аода, описывается и во второй книге Самуила, в XX главе. После того как Иоав впал в немилость, Давид отстранил его от управления войсками, а вместо него назначил Амасая. Недалеко от города Габаона бывший военачальник совершает страшную месть над тем, кого считает узурпатором.

Иоав был одет в воинское одеяние свое и препоясан мечом, который висел при бедре в ножнах и который легко выходил из них и входил. И сказал Иоав Амасая: Здоров ли ты, брат мой? И взял Иоав правую рукою Амасая за бороду, чтобы поцеловать его. Амасай же не остерегся меча, бывшего в руке Иоава, и тот поразил его им в живот, так что выпали внутренности его на землю, и не повторил ему удара, и он умер. (Вторая книга Самуила, 20:8–10.)

Во второй раз мы сталкиваемся с притворством, можно даже сказать, коварством. И опять именно левая рука наносит решающий удар (правой рукой Иоав держит Амасая за подбородок), и снова рассказу сопутствуют непристойные детали — выпавшие внутренности. Таким образом, злодейская репутация левой руки в системе еврейских ценностей проявляется не только в сравнении с почитаемой правой рукой... Во всех действиях ей не хватает правильности, «правоты»²³.

Множество красочных пассажей можно отметить также и в Новом Завете, в особенности в Евангелии от Матфея (главы 5–7), в знаменитой «Нагорной проповеди», где Христос рассказывает ученикам и собравшейся вокруг толпе об основах своего учения. В ней Иисус указывает на шесть основных положений заповедей пророков, которые нужно не просто тщательнейшим образом соблюдать, но и доводить в своей жизни до полного совершенства. Осуждая прелюбодеяние, Иисус осуждает одновременно и сам грех, и искушение согрешить, пусть даже и не воплотившееся на самом деле. В какой-то степени он призывает к внутренней порядочности, к самой строгой самодисциплине и добавляет:

И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геену. (Матфей, V:30.)

Это утверждение великолепно вписывается в систему символов, распространенную в те времена: именно вер-

ним, во имя правого дела, и неверным использованием правой руки и определяется судьба человека. Святой Иероним (347—420), комментируя этот отрывок, несколько в этом не сомневается:

Правая рука... участвует в первых же порывах пробуждающегося желания и чувственности, которые заставляют нас совершить в действии то, что мы осознали для себя в мыслях. Потому будем же настороже, чтобы лучшая часть нас самих не низверглась с сокрушительной скоростью во грех. Ибо верно, если... наша правая рука может согрешить, то к чему же способна наша левая рука! Если душа будет попустительствовать, с какой охотой тело склонится к греху!²⁴

Если вы хотите заслужить благосклонность Всевышнего, никакого пожертвования, даже самого дорогого (правая рука, «самая ценная наша часть»), жалеть не стоит. В свою очередь, левая рука согласно евангельским предписаниям всегда должна находиться «в забвении»²⁵. И на самом деле все в той же «Нагорной проповеди» Иисус потребовал от своих учеников, чтобы, когда они творят милостыню, «левая рука не знала, что делает правая» (Матфей, VI:3). Смысл этого высказывания ясен: не следует «творить милостыню перед людьми с тем, чтобы они видели» (Матфей, VI:2) и не следует «трубить перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди» (Матфей, VI:1). Другими словами, не следует демонстрировать тщеславное самодовольство, столь характерное для левой руки. Именно правой рукой, изначально творящей во благо и бескорыстной, и благословляют с амвона, без ведома зловещего левого сотоварища²⁶. Левая же рука, от природы обладающая греховной натурой, не должна оказывать на нас никакого влияния. Истинно верующий должен с презрением отвергнуть ее, пусть даже и чисто символически.

Церковь Сент-Фуа де Конк, деталь фронтона западного портика (XI–XII вв.) Жест Христа выражает разделение человечества, которое произойдет в Судный день. Поднимая правую руку, он приглашает избранных последовать за ним в небесный рай; опуская левую руку, он отправляет грешников в ад.

Подобные соображения несут в себе отражение нравов, царивших на Ближнем Востоке две тысячи лет назад. Иисус из Назарета, чтобы аудитория лучше поняла его слова, прибег к образу, понятному всем (он же фигурирует еще в книге Экклезиаста: «Сердце мудреца — на правую сторону, а сердце безумца — на левую»). Вы должны быть смиренны, милосердны и непритязательны, учил он. Другими словами, вы должны предпочитать правую руку левой. В философском подтексте этой метафоры нет ничего необычного... единственный вопрос, если можно так выразиться, заключался в том, что, будучи провозглашенной Иисусом Христом, эта метафора разошлась по свету, повторялась и цитировалась бесчисленное множество раз, переводилась, осмысливалась, провозглашалась истиной, комментировалась, в течение столетий став неотъемлемой частью сознания миллионов и миллионов людей, изначально далеких от иудейской культуры, породившей ее. Нетрудно представить, какое влияние распространение этой сентенции оказало на испокон веков сложившуюся дискриминацию левой руки. Правая рука не только стала внутренне восприниматься как «хорошая», не только стала играть ведущую роль в жизни общества (говорил же Иоанн Дамаскин²⁷: «Под десницею — Его помощь в справедливых случаях, так как и мы, при совершении дел более важных, благородных и большей силы требующих, действуем правою рукою»²⁸), но ее превосходство над левой рукой было предопределено самим создателем.

Разве не предрекали апостолы, что, сойдя на землю, чтобы судить людей, Господь, через своего Сына, отделили тех, кто достоин райской благодати, от тех, кто заслужил муки адовы:

Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престол славы Своей, и соберутся пред Ним все народы и разделит одних от других,

как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: <...> Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его²⁹. <...>

Сцена Страшного суда являет собой вполне понятную модель разделения на две части. По правую руку Христа (ведь и сам он сидит «одесную Отца своего»³⁰) соберутся «овцы», другими словами, верующие, которые смиренно следовали евангельским заповедям; по левую руку — «козлы», т.е. те, кто эти заповеди при жизни нарушал. Призыв, который воспринимают люди, вполне понятен: нужно оказывать всяческое предпочтение правой руке, чтобы дожидаться благословения Божьей десницы. Именно об этом говорит и Бернард Клервоский³¹:

О блаженный Иисус! Оставайся всегда со стороны моей правой руки и никогда не покидай меня, ибо знаю я, что тогда никакая беда не случится со мной и никакая тревога не поднимется во мне. И... сколько бы ни осыпали меня оскорблениями и унижениями, я выставляю напоказ все, что несет в себе левая рука, если ты хранишь мою душу и остаешься на защите моей правой руки. В то время как наша душа хранится в правой нашей части, преходящие блага представлены нашей левой частью... берегитесь, те, кто с трепетом относится к своей левой части и пренебрегает правой: как бы однажды не обнаружили вы себя среди козлов, в тени той левой руки, столь вами лелеемой...³²

Язык

Для того чтобы понять возможные мотивы, которые управляли чувствами и поведением людей другой эпохи,

ним следует обратиться к их языку. Это тем более важно, что наша западная цивилизация до определенной степени построена на предпосылке всемогущества языка (логоса). Может быть, из-за ошибочной этимологии, может, из-за слишком вольных предположений или даже из-за каламбура, но Исидор Севильский³³ (560—636), например, утверждает, что слово является непосредственным участником той реальности, которую оно обозначает, что правда заключается в глаголе. Можно также сказать, что в Средние века тот, кто знал «значение слова», знал и «сущность предмета»³⁴.

Правый

В латыни прилагательное *dexter* имело два основных значения: «тот, который справа», и «благоприятный, благосклонный». *Dextra* — «правая рука», а также в переносном значении «помощь, дружба, дар». Многие выражения указывают на то, что с правой рукой была связана идея искренности и доброго знака. Например:

- *Libertatem in dextris portatis*. Вы несете свободу в наших руках. (Сальвиан.)
- *Dextram porrigere*. Протяните руку помощи. (Тацит.)
- *Jungere dextras*. Свидетельствовать о взаимной дружбе. (Вергилий.)
- *Cedo dextram!* Твою руку, прошу тебя! (Теренций.)
- *Dextram alicui offerre*. Желать благополучного прибытия. (Квинт Курций.)

В средневековой латыни *dextrare* одновременно означало и «судить», и «возводить», и «готовить». *Dextratus* означало «верный клятве», а *dextras dare* — «положиться на чье-либо могущество». Существительное *dexter* обозначало пространство вокруг церкви, предоставляющее право убежища. А вот другой красноречивый пример: некто Аттон, закончив отделку романской церкви Святого Пет-

ра в Боваре, выгравировал на стене следующий эпитафия: «...sua dextra templum fecit»³⁵. А в средневековой Германии о людях, к которым судьба благоволила, говорили, что они пришли в мир «с золотом в правой руке» (sunt alii dextris aurum nascendo tenentes)³⁶.

Отметим, что хотя от изначального значения латинского *dexteritas* (умение, способность) во французском появилось *dextérité* (ловкость, сноровка), *dexter* не образовало прилагательного со значением «правый». На самом деле *droite* (правый) во французском языке и все его дериваты (*le droit* в значении закона, власти или пошлины, прилагательное «правый» в значении прямолинейный, как в прямом, так и в моральном смысле, а также слова *adroit* (проворный, умелый), *direct* (прямой), *en-droit* (место), *dresser* (воздвигать) и т.д.) были образованы от *directus* (по прямой линии, без отклонений). Вплоть до XVI в. во французском языке существовало *dextre* (или *destre*) в значении «тот, кто находится справа». Положительная роль правой руки от этого не была менее явной: «*Par ma destre!*» («Правой клянусь!») — говорили люди, чтобы убедить в своей правдивости или решимости³⁷. «*Volonters, dame, par ceste meie destre!*», чтобы показать свою куртуазную обходительность и добропорядочность³⁸. Так же существовали *adestrer quelqu'un* (сопровождать кого-либо с целью помогать ему³⁹), *ester dessous sa destre* (подчиняться кому-либо) и *aller à sa destre* (восторжествовать над кем-либо)⁴⁰.

Левый

Левая сторона, в свою очередь, кажется, всегда была связана с идеей несчастья, предательства, порока, непоследовательности. Изначально для обозначения «левого» в латыни существовало три слова:

- sinister (*sinistra* для обозначения левой руки), которое также имело значение «несчастливого», «противоположного», «враждебного», «извращенного», «злого» и «кривого, неправильного»;

- *scaevus* (оказавшееся случайно паронимом к *soevus* — простный, жестокий), которое употреблялось со значением «неловкий, бестактный», «пагубный» и «неблагоприятный»;

- *loevus* (*loeva* для обозначения левой руки), при этом переносным смыслом этого слова являлся не только «неловкий», «бестактный», но и «несчастливый», «угрожающий», «глупый» («*O ego loevus!*» «Что я за глупец!»). Лексикографы Средневековья сближали его с *levis* (слабый, ничтожный)⁴¹.

От этих корней происходят многие слова, в той или иной степени имеющие отрицательное значение: *scaevitas* (несчастье), *sinisteritas* (неловкость, оплошность), *sinistrum* (злоба, злость), *loevo tempore* (невпопад, некстати), *sinister rumor* (неблагоприятные, недоброжелательные слухи), *sinistra fama* (дурная слава) и т.д.

В средневековой латыни *sinisteritas* стало употребляться в значении «несчастья». *Sinistrare* стало означать не только «быть с левой стороны», но и «быть вредным, неблагоприятным, недоброжелательным». Согласно Исидору Севильскому, *soevus* означало «в большей степени быть порочным, чем быть левым» (*sinister atque perversus*⁴²). Выражение «*sinistrante fortuna*» соответствовало современным «в результате несчастного случая» или «по фатальному стечению обстоятельств». Наконец, *sinistrum* употреблялось в значении «предубеждение», «предрассудок»; *soevum* — «преступление», «грех» и т.д.; *soevus* — «искалеченный», «испорченный», «изуродованный».

В среднефранцузском слово *senestre* (левый) являлось синонимом «неприятный, тягостный»⁴³. *Sinistrer* означа-

ло «не хватать», «не доставать» или «портить». *Mettre à senestre* означало не только «поставить, положить слева», но и «пренебрегать» (по ошибке или намеренно, с желанием оскорбить). *Faire cauche seniestre à quelqu'un* означало «сыграть с кем-то злую шутку».

Со значением «левый» употреблялись также слова *esclanche* (или *esclenche*⁴⁴) и *clanche*, близкие к валлонскому *clinche* и фламандскому *slinke*, в свою очередь заимствованными из общегерманского *slucken* (ослабевать). От них произошли *esclanchi* (или *esclanchier*) для обозначения левши. *Avoir main clanche* означало «быть скупым»⁴⁵. В более широком смысле выражение «*n'estre pas esclenchier*» имело значение «выказывать пыл, стремление»⁴⁶ или «выказывать щедрость». *La main pote* (левая рука), скорее всего, происходит от *put* (грязный, вонючий, неприятный, злой). В конце XVII в., похоже, левую руку все еще называли «*la pute*»!⁴⁷

В наши дни значение слова «левый» осталось столь же негативным, однако современное *gauche* происходит от других корней. Этимологию его можно проследить от древнего глагола *gauchir*, искаженного *guenchir* со значением «хитрить», «уклоняться», «петлять»⁴⁸. Первое появление слова *guauche* относится к началу XIII в.; значение его еще не несет никаких следов подчиненного положения, а лишь передает идею несовершенства («косой», «кривой», «неправильный»). Таким образом, как и *droite* заменяет *dextre*, *gauche* вытесняет *senestre* и наследует основные его значения. До сих пор *gauche* употребляется в значениях, когда-то присущих *sinistre*⁴⁹.

Из-за произвола языка левой руке зачастую отказывали в правах. Старая традиция возводит происхождение латинского *sinistra* (левая рука) к *sine dextra*, т.е. не имеющего правой руки⁵⁰. Это была своего рода бесполезный и бесцветный придаток, который и определялся-то только отрицаниями:

Левая рука: другими словами, в отсутствие десницы, т.е. рука, которая предоставляет действовать правой⁵¹.

У левой руки настолько явно не было ни функций, ни характеристик, что ее иногда так и называли «la main manquée»⁵², «отсутствующая рука». Это презрительное отношение сохранилось вплоть до нашего времени. В 1614 г. Пьер Дине посвящает одну из глав своей работы «Иероглифы» символике рук⁵³. В ней, единственный раз отметив несколькими краткими строчками, что две руки вместе означают «искусство, работу и произведение искусства», он рассматривает исключительно правую руку. Будь то «символ дружбы» или «знак расположения», «милость и любовь» или «символ веры», или даже «признак либеральности» и образ «мира» — все эти образы соответствовали «милым» характеристикам правой руки. Но ни разу, даже в описании зловещих символов, левая рука не появляется. Была ли она настолько «неназываемой», что ее и упоминать не считали нужным? Некоторые отрывки звучат весьма убедительно:

Говоря о руке, всегда имеется в виду правая рука, рука трудолюбивая; а не левая, праздная рука⁵⁴.

Тем не менее «праздную руку» удостаивали чести — без сомнения, незаслуженной — совершать все низкие поступки. Так, некоторые полагали, что по-латыни «левая рука» называется «*loeva*», потому что левая рука служила исключительно для переноски грузов (*levare*)⁵⁵...для тяжелой и грубой работы, в то время как умелой правой доставалась вся тонкая работа. Это означало, что «десница более легкая и искусная, чем левая рука»⁵⁶. В XVII в. бытовало выражение, которое ясно отражало идею того, что левая рука не имела другого применения, кроме как в посредственном безделье: *attendre de la main gauche* (ждать с левой руки), т.е. «всегда есть правой рукой в ожидании отсутствующих»⁵⁷. (Разве Иисус не учил нас, то левая рука не должна знать дел правой?)

Поэзия, назначение которой передать квинтэссенцию языка, раскрывает скрытые смыслы слов, зачастую обращалась к символическому противопоставлению, которое таили в себе правая и левая рука. Так, Рожер де Коллери (1470—1540), взывая к состраданию своего «Драгоценного Господина», обращается к нему следующим образом:

Несчастен твой служитель, сир и беден,
Нет за душою ничего на свете,
Не брезгуй, господин мой, потом и заботой,
И, все мои дела имея на примете,
Суди не левою, а правую рукой⁵⁸.

В свою очередь, Жоашен Дю Белле пишет в 1558 г.:

Я вижу два пути — добра и зла.
Направо добродетель позвала.
Земной надеждой полон и тревогой,
Я выбираю левую дорогу⁵⁹.

Да и сам Пьер де Ронсар (1524—1585), жалуясь на свою несчастную судьбу, спрашивает:

И что за дьявол левою рукой
Укачивал меня в тот миг, что я родился?⁶⁰

Вместе с тем он пишет себе такую эпитафию:

Ронсар, чтобы наперекор судьбе
Мог век грядущий вспомнить о тебе,
.....

ты правую рукой на жертвенник возложишь
своей бессмертной книги скромный дар⁶¹.

Исходя даже только из приведенных примеров, можно сделать вывод, что сами слова зачастую имели уже предвзятый смысл. «Правый» и «левый» никогда не использовались как слова, просто называющие, но как слова, выносящие определенную оценку, и соответственно являются собой пример извечной полисемии. Все, что попадает под категорию «правого», другими словами, все, что находится по правую руку или ассоциируется с ней,

еще более считается благотворным, почетным, уважаемым. В целом слово «правый» из разу в раз употреблялось для обозначения положительных идей правильности, целостности, нормы, благородства. Слово «левый», напротив, вызывает в памяти негативные ассоциации, потому все, что имеет какое-либо отношение к левой руке, воспринимается как неприятное. Традиционно само упоминание левой руки имеет целью ее осмеять, показать ее низость.

Эта дискриминация, существующая на языковом уровне, является прямым следствием господствующей идеологии. Слова, что бы там ни говорили древние философы, не обладают внутренним значением, однако наделены условным смыслом. Иначе говоря, они не более, чем отражение реальности, которая выходит за их пределы или же предшествует их появлению. Если «правый» всегда использовался в значении «правильного» и «благоприятного», то и любое действие во благо не может быть совершено иначе, чем правой рукой. Напротив, если «левый» всегда имел коннотацию действия в той или иной степени отталкивающего, то и в левой руке будут воплощены все табу и страхи общества.

Ритуалы и верования повседневной жизни

Зловещий аспект левой стороны в целом и левой руки в особенности, похоже, являлся одним из самых распространенных и глубоко укоренившихся в западном менталитете предубеждений. Вряд ли мы смогли бы в рамках этой книги перечислить все магически-религиозные ритуалы, все суеверия и приметы, традиции, легенды — в общем, все, что составляет мифологию повседневной жизни, которые основываются именно на этом предвзятом отношении. Похоже, что, куда ни обрати свой взор,

к одной из областей научной культуры или к простонародью, все неизменно убеждены в одном: по правую руку, с правого бока — все добродетели, с левого бока, под левой рукой — все зло и пороки.

Эта символическая дуальность занимает центральное положение в нашей культуре. Чтобы убедиться в этом, достаточно процитировать Иоанна Кассиана Римлянина⁶², писавшего в V в.:

Нет такого праведника, который может обойтись без того, что мы именуем левой рукой; однако совершенная добродетель узнается по тому признаку, что обе руки у нее правые, и обеим находит она достойное применение. Попробуем же сделать сие утверждение более понятным. У праведника есть правая рука — что есть духовная победа. <...> Однако так же есть у него и левая рука. Водоворот страстей захватывает ее; огонь похоти разжигает желания плоти; страсти высвобождают пылающий гнев; гордыня и пустое тщеславие раздувают и побуждают ее к действию. Меланхолия, призывающая смерть, ослабляют ее; лень осаждает ее во главе всех своих военных машин и покоряет ее. <...> И инок, чувствуя, что захлестывает его поток, знает, что истоки его в левой руке!⁶³

Петр Хризолог⁶⁴, архиепископ Равенны (406—450), более краток, чем Кассиан, но обличает греховную природу левой руки не менее яростно:

Как добродетели сосредоточены в нас с правой стороны, так и грехи наши находятся слева. <...> Двуличие, хитрость, притворство, обман, ложь, высокомерие, гордыня, тщеславие таятся в нас слева⁶⁵.

Вряд ли приведенные отрывки нуждаются в особых комментариях. Абсолютно ясно, что праведный человек должен подчинять свое поведение асимметрии собственного тела. Правая рука ловка и умела, чего не скажешь о левой; следовательно, правая содержит все хорошие человеческие качества, а левая — все недостатки. Подобное

противопоставление может показаться несколько упрощенным. Однако в течение многих лет именно оно определяло повседневную жизнь многих поколений людей.

Так, прежде чем письменная речь приобрела тот законотворческий характер, который имеет сейчас, жест и слово имели силу закона в течение многих лет; любая частная или публичная церемония, любое действие, имевшее сакральное или юридическое значение, было подчинено жестикуляционному и поведенческому кодексу столь подробному, что отступить от него и помыслить было нельзя. Нас изумляет теперь, до какой степени четко были распределены роли правой и левой руки, чтобы подчеркнуть преимущества первой. Всем известно, что феодальный рыцарский кодекс был очень формален в том, что касалось функционального превосходства правой руки над левой. Так, в дни турниров левой руке отводилась второстепенная роль держательницы защитного щита, в то время как правая рука вела атаку⁶⁶. Также, в то время как правой руке доверяли честь обнажить меч в битве⁶⁷, левая рука исполняла неблагоприятные действия, именно ею добивали сраженного врага. Кинжал, используемый для этого, хотя и крепился к поясу с правой стороны⁶⁸, носил название «левой руки»⁶⁹. Скакун, несущий в битву доброго рыцаря, назывался «le destrier» (боевой конь⁷⁰). Это название происходит от традиции: оруженосец всегда держал поводья в правой руке⁷¹. Другой пример, до банальности придерживающийся нравов времени: Роланд, находящийся при смерти, беспокоится о тех грехах, которые он мог совершить. «В грехах Роланд покался творцу, Ему в залог перчатку протянул»^{72, 73}. Как не раз отмечали специалисты по феодальной эпохе, правая перчатка, «в те времена, когда правое и левое были противопоставлены друг другу как норма и аномалия, добро и зло»⁷⁴, была традиционным символом власти. Ритуал,

заклучавшийся в том, что перчатка отдается третьему лицу, типичен для рыцарского кодекса и бесчисленное число раз повторяется в средневековых эпических сказаниях-«жестах»⁷⁵, в ситуациях, связанных с инвеститурой, присягой на верность, вассальной клятвой, или, как в вышеприведенном примере, для искупления. Эта демонстрация чести и благородства, вне сомнения, вторит римскому праву, в котором требовалось (и до сих пор требуется), чтобы присяга приносилась правой рукой:

И руку правую подняв,
Промолвит дама: «Будет так,
Как ты сказал, тебе клянусь я»⁷⁶.

Отметим также, что клятвы и присяги приносились несколькими разными способами: рука поднята ладонью назад; рука на Библии или священных реликвиях; рука на сердце. Однако в любом случае речь идет исключительно о правой руке⁷⁷. Пренебрежение этим правилом расценивалось как жестокое оскорбление, возмутительное нарушение. Как уже неоднократно отмечалось с достаточными на то основаниями⁷⁸, что Гарольд в центральной сцене на знаменитом гобелене Байе приносит присягу Вильгельму I, положив левую руку на ларец с мощами святого⁷⁹, что рассматривается как клятвопреступление и предопределяет его печальную участь в битве при Гастингсе⁸⁰.

Другой пример нарушения правила правой руки можно увидеть на миниатюре середины XIV в. В то время как Карл Великий приветствует Ганелона правой рукой, Ганелон приветствует его, подняв левую руку. Сами герои и известное событие, которое они изображают, достаточно широко известны для того, чтобы увидеть в подобной смене ролей определенный символизм. Ганелон, воплощение злодейства и коварства, глумится над нерушимым рыцарским кодексом чести, приветствуя своего короля

Гарольд принимает клятву верности (часть гобелена Байе, конец XI в., Гийе)

Ганелон и Карл Великий. «Роман о Фьерабрасе», середина XV в., Лондон, Британский музей, ms. Fr. Egerton 3028, f° 87r°.

Искривленный профиль Ганелона и то, что его изображение выступает за край рамки, согласно средневековой символике свидетельствуют о недобрых намерениях; он приветствует Карла Великого левой, зловещей рукой. Этот жест предвосхищает его предательство, повлекшее смерть Роланда

«мощней рукой». Весь сюжет «Песни о Роланде» словно бы написан в этом явно разрушительном жесте. Как известно, в результате предательства Ганелона племянник Карла Великого обретет трагическую смерть⁸¹.

В эпоху Средневековья значение сцен, подобных этой, было гораздо более явным, чем для нас, так как мы давно забыли большую часть традиций и обычаев, с которыми они были связаны. Кому в наши дни может прийти в голову, что предательство несовместимо с праворукостью, не говоря уже о достоинстве праворукости? Однако этот тип логического мышления был весьма широко распространен в прошлом. Об этом свидетельствует и сам обычай клеймить преступников — это постыдное наказание, берущее начало в римском праве и распространенное вплоть до начала XIX в., когда осужденному ставят на правом плече клеймо раскаленным железом⁸². Конечно, с одной стороны, это был удобный способ регистрировать преступников (ведь тогда еще не было антропометрических карточек и досье криминалистического учета), символически опозорить их, поставить их за пределы общества добропорядочных людей, т.е. людей праворуких. В силу все той же остракистской логики, самые тяжелые преступления, как, например, отцеубийство или святотатство, карались отсечением кисти правой руки. Это увечье, тем более нам непонятное, что оно явилось предтечей смертной казни, было весьма распространено в Средние века⁸³ и просуществовало у некоторых народов Европы вплоть до нашего времени⁸⁴. Желание унижить осужденного прослеживается здесь даже в большей степени, чем в случае с клеймом. В 1608 г. Франсиско де Кеведо писал, что отсечение кисти правой руки в меньшей степени увечье физическое, чем моральное, так как вынуждает человека пользоваться левой рукой⁸⁵. Небезынтересно узнать, что, несмотря на свою отмену 23 апреля 1832 г. (одновремен-

но с клеймом и надевавшимся на шею преступника железным ошейником), этот радикальный способ лишения человека социальных прав еще практиковался во Франции времен Второй республики. Так, в 1850 г. постановление суда присяжных в департаменте Алье гласило, что «некая Генриетта Индер, уроженка Лезу, округа Ганна, обвиняемая в убийстве своих отца и матери... и двух своих сестер, приговаривается к смертной казни и отсечению кисти правой руки»⁸⁶.

Главенство правой руки над левой являлось основой множества других постулатов повседневной жизни. Нам представляется невозможным привести в рамках данной главы полный список примеров. Нескольких примеров из числа самых ярких достаточно для того, чтобы понять, насколько важную роль играет приоритет правой руки в человеческих взаимоотношениях. Так, правила приличия, другими словами, нормы, помогающие человеку показать свою принадлежность к «хорошему обществу», которые установились с конца XVI в., всегда утверждали, что правая сторона тела в целом и правая рука в частности были символами уважения человека по отношению к окружающим. Если до сих пор принято, здороваясь, протягивать правую руку, то в прошлом ритуал был гораздо более сложным:

Существует несколько способов выказать свое почтение, в зависимости от страны, в которой вы находитесь, и от обычаев оной страны. Но французы сгибают только правое колено, мягко поворачиваясь всем телом, оставаясь скорее прямыми, чем согнутыми; и, снимая шляпу правой рукой, держат ее вывернутой наружу, опускают ее также с правой стороны⁸⁷.

При приветствии кого-нибудь, нужно взять край шляпы правой рукой и снять ее с головы⁸⁸.

При приветствии кого-либо с целью выказать ему глубокое уважение: что касается поцелуя, то нужно обнажить руку;

для сего достаточно поднять правую перчатку; благовоспитанность требует, чтобы перчатку снимали и передавая или принимая какой-либо предмет⁸⁹.

Однако больше всего ярких примеров связано именно с неравнозначными ролями правой и левой руки. Один древний обычай⁹⁰, от которого мы, похоже, только недавно начали избавляться, заключался в том, что место справа («высокое место») считалось более почетным, чем место слева («низкое место»). Потому если два человека шли или сидели рядом, то тот, кто был старше званием — или кому хотели оказать честь — находился по правую руку от младшего по чину. Об этом же пишет и Антуан де Куртэн в своем «Трактате о правилах хорошего тона» (1673):

Если вам случается проводить даму в церковь или по делам, вы должны поддерживать ее за правый локоть, в зависимости от высокого места дороги и почетного места, а также ваша рука должна быть в перчатке⁹¹.

Правило «почетного места» было настолько обязательным, что иногда служило поводом к весьма красочным позам во имя этикета:

Если дело происходит в саду, то вы должны встать с левой стороны от человека и сохранять свое место на всех поворотах прогулки, не тревожа спутника. Если вы прогуливаетесь втроем, то место в середине считается самым почетным, и потому отводится человеку благородному; после него ценится место справа, а потом уже и место слева. Потому считается, что на прогулках, где обстановка никак не определена, почетным местом считается место по правую руку от благородной персоны. <...> Если же ваш благородный спутник садится отдохнуть, не следует спешить садиться рядом, если вас не приглашают; если же вам предложат сесть, то вы должны выбрать низкое место и сесть слева на достаточном расстоянии. <...> Если вы встретились с благородной персоной на

улице, то вы должны встать ниже, там, где сточная канава: если же дорога не предполагает ни высокого, ни низкого места, то нужно расположиться так, чтобы мы могли пройти под левой рукой, чтобы правая рука благородной персоны оставалась свободной. Те же правила должны быть соблюдены и при встрече в каретах⁹².

Таким образом, в приведенных примерах четко прослеживается разница между правой и левой рукой и роль, которую эта разница играет в социальных отношениях. Предпочтение, выказываемое правой руке, было не просто данью обычаям; оно определяло взаимоотношения людей, устанавливало иерархию между ними и обозначало права и обязанности каждого. В определенной степени неравнозначное положение рук являлось фактором социального равновесия и своего рода гарантом вечности существования установившегося порядка.

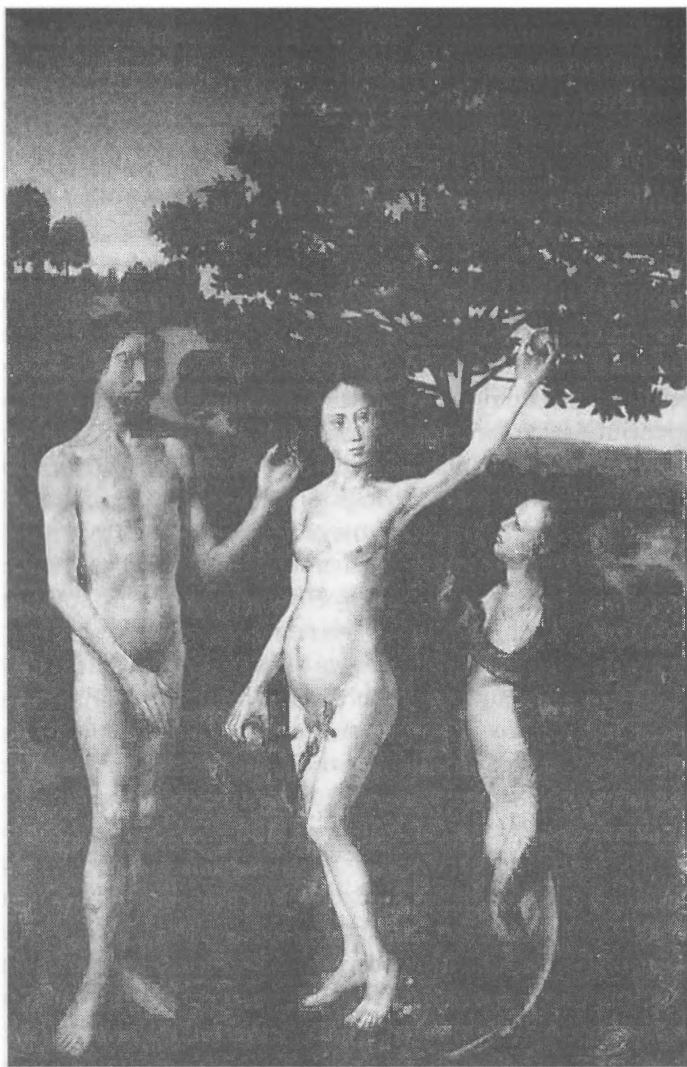
III. ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВОЙ РУКИ

Мы уже имели возможность убедиться, до какой степени вера в разные моральные качества левой и правой руки могла в течение столетий оказывать глубокое влияние на восприятие мира, ход размышлений, поведение и, в общем, воображение людей. В их представлении о мире, если и не манихейском, то в любом случае дуалистичном, в котором постоянно происходит борьба между силами Добра и Зла, функциональное превосходство правой половины над левой было навеки усвоено как разумная проекция духовного мира. Правой руке предоставляются все почести и награды, прерогативы и добродетели, левая рука довольствуется унижениями, вторыми ролями, мерзостью и грязью приземленного мира. В этом, за не-

значительными вариациями, и заключаются основные ценности западного мира, просуществовавшие без изменений до недавнего времени. Карл Густав Юнг, не раз поднимавший в своих работах вопрос о прямой связи между оккультными науками и подобными верованиями⁹³, считал, что по принципу противопоставления правой стороне, несущей национальные и общественные начала, левая сторона тела воплощает в себе, говоря языком психоанализа, «теневые характеристики» души, подсознание и инстинкты⁹⁴. Желая укротить дремлющие в нем беспокойные силы, человек поставил свою правую руку главенствовать над левой. Прибегнув к помощи неологизмов, мы могли бы сказать, что традиционное европейское общество в большей части своей деятельности является лекстрократией и сенестрофобией.

Именно в этом культурном окружении, на этом полотне, чью основу мы попытаемся восстановить, нам и нужно рассматривать проблему общественного положения женщины. Признавая себя адептами «плохой руки», они оказываются без опоры под ногами в установившемся равновесии условий существования человека. Своим строением и поведением они словно презирают основы мироздания, основы мира, которому сам Бог велел быть правосторонним.

Картина Гуго ван дер Гуса⁹⁵, относящаяся к концу XV в. и изображающая первородный грех, ярко иллюстрирует эту концепцию. На ней изображены фигуры Адама и Евы на фоне идиллического пейзажа. Женщина, изгибы тела которой не случайно напоминают изгибы тела игуаньискусительницы, спрятавшейся за Древом познания, прогибает левую руку, чтобы сорвать яблоко, которое и будет причиной падения и изгнания из Рая рода человеческого. Как ни удивительно, она словно знает, что яблоко окажется с левой стороны. При виде этого жеста впол-

Гуго ван дер Гус, «Первородный грех», ок. 1480 г. (масло по дереву, высота 35 см) Вена, Музей Истории Искусства

не понятны сомнения: в чем именно заключается падение — в том, чтобы сорвать яблоко, или в том, чтобы поддасться искушению левой стороны. О правильности этой догадки свидетельствует и то, что пейзаж построен на явном контрасте: со стороны Адама и Евы зеленое буйство, лазурное небо, высоты, с другой стороны, где стоит искушитель, — линия горизонта заметно снижается, превращается в низину, зелень блекнет, коричневеет, а небо становится тускло-желтым. Таким образом, перед нами явно раздвоенный, дихотомный задний план или даже два задних плана, наложенных друг на друга, словно два противоположных мира, границей которых является Древо познания⁹⁶. Протягивая «дурную руку», чтобы совершить грех, Ева как бы физически вторгается на чуждую ей территорию. Она проникает на левую сторону, на сторону Зла. Яблоко, которое она сорвет с той стороны, будет внесено на правую сторону и протянуто Адаму левой рукой. Снизу чудовищная рептилия, словно бы вторя действиям Евы, тайком позволяет своему хвосту залезть на другую сторону дерева. Это взаимопроникновение двух плоскостей — левой и правой — символизирует неизбежное сосуществование добра и зла на земле. Раньше о невинности райского сада можно сказать, что все было только правым. Первородный грех, грех левой руки, стал началом появления зла и левосторонности в духовной топографии мира⁹⁷.

Конечно, подобный образ не представляет собой особого этнографического интереса. Искусство прежде всего выдумка, изобретение разума, а не объективное восприятие реальности, и с его помощью нельзя судить о ценностях общества. Однако своей внутренней планировкой картина ван дер Гуса наводит на определенные мысли, и, скорее всего, толчком к ее написанию послужила идея, в то время не подвергавшаяся сомнению: левору-

кость угрожает идеальной жизни, воплощенной в праворукости. Она представляет собой отклонение в строении тела, которое неминуемо ведет к отклонениям в поведении. Таким образом, она подрывает основы общества.

В какой степени установившийся порядок может находиться под угрозой со стороны «людей шиворот-навыворот»? Как он будет защищаться от них и какими средствами? Именно эти вопросы мы планируем рассмотреть в дальнейшем.

¹ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитаты даются в переводе К.Щербино.

Карлейль (Карлайл) Томас (1795 – 1881) – английский писатель, публицист, историк, философ, автор концепции «культы героев», согласно которой законы мира открываются лишь «избранным», «героям» – единственным действительным творцам истории. Среди произведений – «Французская революция» (1837), «Герои, культ героев и героическое в истории» (1840), роман «Сартор Резартус» (1833 – 34) (*примеч. пер.*).

² В большинстве европейских языков – «встал с левой ноги», см. фр. «levé du pied gauche» (*примеч. пер.*).

³ Ср. во фр. языке «gauche» – левый – в значении неловкий, неуклюжий (*примеч. пер.*).

⁴ См. соответственно фр. «il a beaucoup mis à gauche», «passé l'arme à gauche», «être sur le pied gauche», «mariage de la main gauche».

⁵ В связи с нехваткой места и знаний нам представляется невозможным проводить в рамках этой книги углубленный лингвистический анализ. Те, кто хочет подробнее ознакомиться с вопросом, могут обратиться к весьма познавательной книге Д. Фрикльунда «Изменения в значениях выражений со словами «правый» и «левый» в романских языках и, в частности, во французском языке» (D. Fryklund, «Les changements de signification des expressions de droite et de gauche dans les langues romanes et spécialement en français», диссертация на соис-

кандидатской степени, Uppsala, 1907); А-Ж. Веррье, «Левый, правый. Разнообразные способы выражения значения этих слов во французском языке и других языках, как мертвых, так и живых» (A. J. Verrier, «Gauche, droite. Différents manières d'exprimer le sens de ces mots en français et dans d'autres langues tant mortes que vivantes», Angers, 1908); С.Д. Бак, «Словарь избранных синонимов в основных индо-европейских языках. Вклад в развитие идей» (С.Д. Buck, «Dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages. A contribution to the history of ideas», Chicago, Univers. Press, 1949), Дж. Хупс, «Правый и левый в германских языках», (J. Hoops, «Right and left in the Germanic languages», Etudes germaniques, V, 2–3, 1950, pp. 81–96); П. Шантерэн, «Названия левой руки в греческом языке» (P. Chanteraine, «Les noms de la gauche en grec», Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres, 1955, p. 374–377); А. Мартинет, «Синхронная лингвистика. Исследования и работы» (A. Martinet, «La linguistique synchronique. Etudes et recherches», Paris, PUF, 1970, ch. X:2 p. 190–200); Я. Ван Лейвен-Турновкова, «Правый и левый в Европе: Очерк о семантике и символике полярности» (J. Van Leuven-Turnovcova, «Rechts und Links in Europa. Ein beitrage zur semantik und symbolik der geschlechterpolaritat», Berlin, 1990).

Тем не менее хотелось бы привести хотя бы самые основные данные:

— В английском языке слово *right* является более мелиоративным, чем французское *droit*. В целом оно имеет как общее, так и юридическое значение, таким образом в языке постоянно смешиваются понятия о «правой стороне» и «правом деле». В своей адъективной форме *right* означает то «правый», то «справедливый, соответствующий моральным принципам, принятый, верный», то «в добром здравии, в порядке» и т.д. Так, например, сочетание *the right side* может означать как правую сторону, так и верную, правильную сторону. Положительное значение слова *right* настолько велико, что в некоторых случаях оно даже может иметь значение превосходной степени: *the right thing to do* (то, что следует сделать). Как наречие *right* в зависимости от контекста может переводиться как «направо», «прямо», «непос-

редственно», «именно», «точно», «правильно», «хорошо», «очень» и т.д. Как имя существительное *right* означает «правоту», «правосудие», «право», «порядок», т.е. несет значение порядочности и моральной правоты. Глагол *to right* означает «вернуть в исходное положение», «выпрямить», а также употребляется со значением «исправить», «привести в порядок». В состав некоторых терминов, имеющих отношение к идее права и правоты, тоже входит корень *right*, например: *right-of-way* (приоритет, право прохода), *right-thinking* (разумный), *righteous* (добродетельный, справедливый), *rightful* (законный). К ним можно добавить еще и *upright* (честный), *forthright* (прямой, откровенный), *downright* (прямой, открытый, честный), *outright* (полный, откровенный, неприкрытый). Что касается слова *left* (левый), то оно имеет только одно семантическое значение. Его этимология неясна; однако в XIII в. в английском существовало слово *lyft* со значением «слабый», «нестоящий». Можно еще упомянуть — хотя это, скорее, догадка, чем утверждение, — что *left* одновременно является и причастием прошедшего времени глагола *to leave* — «оставлять», «забывать»... так что левая рука в какой-то степени и «покинутая, забытая рука».

— В немецком языке от *die linke* (левая рука) были образованы *linkisch* (неловкий, бестактный) и *slinken* (ослабевать). *Links liegen lassen* означает «оставить», «забыть», «пренебречь». Прилагательное *recht* (правый) имеет значение «правильного», «подходящего», «справедливого» и «сильного», «хорошего»; а также является омонимом существительного *das Rechts* (право, правосудие, разум), от которого были образованы *rechtgläubig* (правоверный, православный), *rechtlich* (честный), *rechtmäßigkeit* (законность), *rechtschaffen* (честный) и даже *rechtschreibung* (орфография, правописание; дословно «написание вправо»). Синонимом *rechte* в словосочетании «правая рука» выступает *die schoene hand* (красивая рука).

— Нидерландский язык, как один из германских языков, близок к немецкому в том, что касается оппозиции левый/правый. Отметим только, что в нем существует выражение *iemand links laten liggen* (буквально «позволить кому-то спать на левой стороне») в значении «пре-

шреть», а про человека бестактного и неловкого говорят, что у него «две левых руки» (*hij heeft twee linkerhanden*).

В итальянском языке для обозначения левой руки используется *sinistra*, т.е. «дефектная», «неполноценная» (от глагола *manca* – «не хватать», «недоставать»), или *stanca* (уставшая). Заимствованные из латыни выражения *dare la destra* (подать правую руку) в значении «приветствовать» (другое значение «жениться») и *congiungere le destre* (соединить правые руки) в значении «обещать».

– В испанском языке существуют два слова – *derecha* и *diestra*. *Dar la derecha* (подать правую руку) означает «отдать должное», «отдать честь». *Derecho* означает «правый» (о стороне) и «прямолинейный». *La derecha* – моральная правота, правильность. *El derecho* – право, окружение, рассудок, правило и т.д. *Diestro* также имеет значение ловкого, умелого, искусного, умного, опытного и т.д., это слово напрямую связано с *destreza* (умение, искусство, ловкость) и с *adiestrar* (направлять, обучать). Выражение *no hacer nada a derechas* (ничего не делать правильно, правой рукой) означает делать что-то вопреки здравому смыслу. Тот, кто «ничего не делает правой рукой» (*hace nada a derechas*), является *un sago a la izquierda* (дословно «ноль в левой руке»), т.е. абсолютно неспособен что-то сделать. *Izquierdear* означает «говорить чепуху, бред», «опускаться», «дегенерировать». Возможно, что само слово *izquierda* восходит корнями к баскскому *eskuerd*, «половина руки», что показывает, насколько низко оценивалась роль левой руки. *Siniestro* означает «находящийся с левой стороны», но также и «мрачный, приносящий несчастье, порочный, злонамеренный, роковой». Как существительное, *el siniestro* означает «порок», «дурные наклонности».

– На санскрите «правый» – *dakṣiṇa*, корень этого слова восходит к индоевропейскому корню *daks* (от которого происходит и латинское *dexter*, породившее, в свою очередь, французское *dextérité*), который означает «действовать с целью», «быть способным», «быть полезным», «служить», «заслуживать». Среди переносных значений корня *dakṣiṇa* можно выделить: «способный», «искусный», «прямой», «откровенный», «честный», «верный». Прямота, честность, искрен-

ность — все эти значения можно передать словом *daksinatva*. А *dāksi-
nya* означает «умение», «ловкость», «хитрость», «доброжелатель-
ность», «вежливость», «учтивость». *Vāma* означает «левый», но также
и «косой», «искривленный», «противоречащий», «враждебный», «не-
благоприятный», «жестокий», «зловредный», «порочный», «низкий»
и, таким образом, является антонимом *daskina* во всех его основных
смыслах. (André Bareau, «Norme et latéralité dans la civilisation indienne»
(Андрэ Баро, «Норма и функциональное превосходство в индий-
ской цивилизации»), см. в сборнике R. Kourilsky à P. Grapin «Main
droite et main gauche. Norme et latéralité» («Правая и левая рука. Нор-
ма и функциональное превосходство»), Paris, PUF, 1968, p. 157–179.
Все примеры из санскрита были заимствованы у этого автора.) От
корня *vāma* образованы также *vāmatva* (несчастье, невезение, проти-
востояние), *vāmācāra* (тот, кто ведет себя дурно), *vāmācīla* (тот, кто на-
ходится в дурном настроении; тот, кто дурно говорит).

⁶ Bichat X. «Recherches physiologiques sur la vie et la mort», 1800, éd.
C. Legallois, Paris, A. Delahays, 1855.

⁷ В написании этой главы мне оказали неоценимую помощь сле-
дующие книги: Cuillandre J. «La droite et la Gauche dans les poèmes
homériques», Rennes, Imprimeries réunies, 1943; Chelhod J. «Contri-
bution au problème de la prééminence de la droite, d'après le témoignage
arabe», *Anthropos*, vol. 59, 1964, p. 529–545; М. де Вольф, «К вопросу
об одной из простейших форм символизма — значения левой и пра-
вой руки» (M. de Wolf, «Sur une des formes les plus élémentaires de la
symbolisation: les significations de la gauche et de la droite», *Cahiers
internationaux de symbolisme*, № 19/20, 1970, p. 87–112). Первым, кто
выдвинул гипотезу о солнечных культах, был, видимо, Ф. Фон Май-
ер в работе «К вопросу об источнике различий между правым и ле-
вым» (F. von Meyer, «Ueber der ursprung von rechts und links», 1873),
однако к этой книге мы не обращались.

⁸ Подобная практика осталась в целом ряде религий. Например,
христианство постоянно сравнивает приход Мессии с восходом солн-
ца, которое просвещает человечество. Эта метафора часто встреча-
ется в Библии (Иисус Навин, I:15, Псалтирь, XVIII:6, Псалтирь,

I XVII:35, Экклезиаст, VI:5, Песнь Песней, V:6, Исайя, XLIV:9–12, I X:1–2, Иеремия, XXXI; Даниил, IV:35; V:5; Иезекииль, VIII:16; XI:1; и далее; Аввакум, III:3; Захария, III:8; VI:12; Малахия, IV:2; Матфей, II 2, 9; XXIV:27; Апостолы, I:16). На этом построена вся средневековая теологическая традиция (см. выражения «Sol Iustitiae», «Sol salutis», «Sol invictus», «Verus Sol», «Sol Oriens» и т.д., используемые для обозначения Христа). Это уподобление Христа солнцу привело к тому, что во всех соборах Европы клирос смотрит на восток (сам глагол «orienter» (ориентировать, направлять) происходит от «orient» — восток). Именно поэтому и праздник рождения Христова приходится на 25 декабря — день зимнего солнцестояния, с момента которого солнечный день прибывает. (Об этом см.: П.-М. Бертран, «Символика правого и левого в Средние века и в начале Нового времени» (P.-M. Bertrand, «La symbolique de la droite et de la gauche au Moyen Age et au début des Temps Modernes, Etude d'anthropologie sociale et d'iconographie», Univ. de Paris I – Sorbonne, 1998), диссертация на соискание докторской степени, р. 106–127).

⁹ Остров в Бретани (*примеч. пер.*).

¹⁰ См.: Ж. Куийяндр, «Распределение ветров в бретонской розе ветров» (J. Cuillandre, «La répartition des aires dans la rose des vents bretonne», Rennes, 1943, р. 8).

¹¹ См.: Р.С. Лумис, «Артуровский цикл и Кретьен де Труа» (R.S. Loomis, «Arturian tradition and Chrétien de Troyes», New York, 1949, р. 71). Ранее автор высказывает предположение, что «reume d'Outre-Gales» (королевство за пределами Галлии), откуда родом Эрек из «Эрека и Эниды», может быть искаженным «Destregales», южной провинцией Галлии.

¹² См.: Ж. Шелод, «К вопросу о проблеме превосходства правой руки» (J. Chelhod, «Contribution au problème de la prééminence de la droite», р. 535). Согласно В. Фришу и его работе «Правая и левая рука. Правда и иллюзии зеркальности» (V. Fritsch, «La Gauche et la Droite. Vérités et illusions du miroir», Paris, Flammarion, 1967, р. 35), египтяне использовали одно и то же слово для обозначения «запада» и «правого», равно как и для «левого» и «востока». Именно поэтому их люби-

мым направлением был юг (потому они и использовали одно слово для обозначения «юга» и «лица», а для «севера» использовали другое слово, которое переводилось как «за головой»). Мы знаем, что в древние времена предзнаменование определялось не неизменными и объективными факторами (как Север-Восток-Юг-Запад розы ветров), но позицией наблюдателя. Авгур мог трактовать предсказание по полету священных гусей в благоприятную или неблагоприятную сторону, встав по левую или по правую руку от того, кому он делал прогноз, определяя тем самым его судьбу (см.: А. Буше-Леклерк, «История предсказаний в эпоху античности» (A. Bouché-Leclerc, «Histoire de la divination dans l'Antiquité », Paris, E. Leroux, 1879–1882, v. 1, p. 136–144); уже упоминавшаяся книга Ж. Куийяндра, «Правая и левая рука в поэмах Гомера» (J. Cuillandre, «La Droite et la Gauche dans les poèmes homériques», ch. 5); О. Нуссбаум, «Оценка левой и правой стороны в римской литургии» (O. Nussbaum, «Die bewertung von rechts und links in der romischen liturgie», Jahrbuch für Antike und Christentum, 5, 1962), S. 158–171, S. 164–165). Тит Ливий ясно свидетельствует о существовании естественной взаимозависимости – по крайней мере, так оно предполагалось – между правой и левой рукой авгура и пространством предсказания: «Тогда птицегадатель-авгур, чье занятие отныне сделалось почетной и пожизненной государственной должностью, привел Нуму в крепость и усадил на камень лицом к югу. (7) Авгур, с покрытой головой, сел по левую его руку, держа в правой руке кривую палку без единого сучка, которую называют жезлом. Помолившись богам и взяв для наблюдения город с окрестностью, он разграничил участки от востока к западу; южная сторона, сказал он, пусть будет правой, северная – левой; (8) напротив себя, далеко, насколько хватало глаз, он мысленно наметил знак. Затем, переложив жезл в левую руку, а правую возложив на голову Нумы, он помолился так: (9) «Отец Юпитер, если боги велют, чтобы этот Нума Помпилий, чью голову я держу, был царем в Риме, яви надежные знаменья в пределах, что я очертил». Тут он описал словесно те предзнаменования, какие хотел получить. (10) И они были ниспосланы, и Нума сошел с места уже царем». («История Рима», 1:18.)

¹³ Конечно, траектория солнечного пути проходит направо только для того, кто смотрит на восход солнца в части света, расположенной к северу от тропика Рака. В отличие от того, что пишет Р. Херц в работе «Превосходство правой руки над левой. К вопросу о религиозной полярности» (R. Hertz, «La prééminence de la main droite. Etude sur la polarité religieuse», *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, LXVIII, dec. 1909, p. 553–580), сам факт, что «правая сторона для австралийцев и маори совпадает с нашей правой стороной», не отрицает эту натуралистическую концепцию превосходства правой руки. Как вполне обоснованно замечает Ж. Шелод, «К вопросу о проблеме превосходства правой руки» (J. Chelhod, «Contribution au problème de la prééminence de la droite», p. 544–545), «разные очаги великих классических цивилизаций и, может быть, даже сама колыбель человечества, находятся в северном полушарии. Именно отсюда разошлись в разные стороны волны великой миграции народов, позволившие человечеству заселить даже самые отдаленные уголки земного шара. Поэтому нам представляется абсолютно естественным, что вместе с человеком по земле кочевали и укоренившиеся в его сознании понятия, сопровождая его в постепенном преодолении границ северной зоны в направлении к югу, даже если они и начинают противоречить новой системе ориентации».

¹⁴ «Солнце никогда не проникает в те области, где дьявол явил свои козни и противостоит Господу» (Хильдегарда Бингенская, «Книга божественных деяний», II:32). Святой Иероним («Комментарии Захарии», IV) говорит о «ледяном северном ветре, которым является дьявол». В его «Письме к Фабиоле» он поносит идола Ваал-Цефона, воплощение дьявола, который «является хозяином аквилона, северного ветра, самого холодного из ветров... дуящего с севера». (*Epistulae*, LXXVIII:IV [6].) Если в древнееврейском «sem'ol» означает и левую руку, и север, то в нем же представлена и зловещая коннотация, так как Самаэль в Талмуде является князем демонов (см.: M. Barsley, *Left-Handed Book*, p. 15). В древности многие народы, выделявшие различные провинции на небесах, считали, что северный регион, примыкающий к западу, был населен богинями судьбы, парками или

феями, и богами ада» (Р. Шиллинг, «Комментарии к “Естественной истории” Плиния Старшего» (R. Schilling, *Commentaire à Pline l'ancien, Histoire naturelle*, Paris, Les Belles Lettres, 1977, № 5, p. 217). Согласно О. Бейгбедеру, «в эволюции Ordo Romanus [Римского Чинопоследования] можно проследить, как с XI в. священник или жрец поет Евангелие, стоя лицом на север, так как именно там находится обитель демонов, которых он призван прогнать. Похоже, именно поэтому и ризницы всегда располагаются справа от престола, на юге, защищенные от дьявола» (O. Beigbeder, «*Lexique des symboles*», s. I. Ed. Zodiaque, 1969, p. 192). Об этом свидетельствует и следующий отрывок из Гуго из Сен-Виктора: «Вавилон расположен по направлению к Аквилону, где царит вечный холод и мрак, так как никогда не заглядывает туда солнце. И посему ассирийцы, именуемые вавилонянами, якшаются с демонами, ибо выбрали они местом проживания себе близость к Аквилону, и потому лишены они света солнечного и правды, и сковал их холод неверия» (H. de Saint-Victor, «*De scripturis et scriptoribus sacris proenotatiunculae*», XVI, ed. J.-P. Mignem *Patrol. lat.* 175, p. 23C). В своем «Объяснении к церемонии мессы» святой Бонавентура говорит, что Евангелие должно читать лицом на север, так как Иисус должен обратить Люцифера. В третьей главе он напоминает, что север — левая сторона. О злокозненном севере в средневековой традиции можно прочесть также у Гига II Шартрского, «Размышления», VI:1–13.

¹⁵ Хильдегарда Бингенская, «Книга божественных деяний», III:95.

¹⁶ Ibid, IV:48.

¹⁷ Мы обязаны этой формулой Жану Брену, «Брать и понимать. О взаимоотношениях руки и духа» (Jean Brun, «*Prendre et comprendre. Essai sur les rapports de la main et de l'esprit*», Paris, 1963, p. 67).

¹⁸ Р. Херц, «Превосходство правой руки над левой» (R. Hertz, «*La prééminence de la main droite*», p. 562).

¹⁹ Ibid, p. 562–563.

²⁰ Святой Августин, «Изречения в семи книгах» («*Locutionum in Heptatechum libri septem*», I:88).

²¹ Конечно, в средневековой традиции толкования Библии эта подмена рук со стороны Иакова комментировалась достаточно час-

10 Так, святой Бонавентура в «Объяснении к церемонии мессы» (I) видит в этом прообраз превосходства Народов над иудеями. Пусть Иисус Христос был иудеем, но именно другие народы вняли слову и приняли христианство. Таким образом, иудеи перешли с правой стороны на левую, а другие народы — с левой на правую сторону. Другие примеры можно найти у У. Дайтмаринга в «Значение правого и левого в теологических и литературных текстах до 1200» (U. Deitmaring, «Die bedeutung von rechts und links in theologischen und literarischen texten bis um 1200», Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur, XCVIII, 1969, p. 265–292).

²² Д. Пиньон, «Дикая рука. Левши и другие» (D. Pignon, «La main sauvage. Les gauchers et les autres», Paris, Ramsay, 1987, p. 61–62).

²³ Папа Григорий Великий (540–604), комментируя преступление Ноава в книге, которая считается одним из столпов западной морали, ни на мгновение не дает нам в этом усомниться: «Таким образом, Ноав держит правой рукой Анасая за подбородок, однако тайком он кладет левую руку на меч свой и внутренности Анасая вывалились на землю. Держать за подбородок правой рукой — без сомнения, это проявление дружеской ласки. Однако положить левую руку на рукоять меча — значит, нанести удар тайком и со злым умыслом». («Мораль в книге Иова», XV:11 [13].)

²⁴ Святой Иероним, «Комментарии к Матфею», I:V:29–30.

²⁵ Святой Иероним, «Комментарии к Псалмам», CXXXVI.

²⁶ Вот комментарий Святого Августина, проливающий свет на библейский текст: «Левая рука есть плотская зависть к душе, правая рука — духовное человеколюбие. Если, давая милостыню, к духовному человеколюбию примешивается жажда временных благ, которая и становится основной причиной действия, значит, левой руке открываются деяния правой. Если же, напротив, милостыня подается из искреннего человеколюбия и с чистой совестью перед глазами Всевышнего, и нет в том иной цели, кроме как быть угодным тому, кто повелевает нам подавать милостыню, то неведомо левой руке то, что делает правая». («Проповеди», CXLIX:14.) См. также: «Об Ионе», VI:3.

²⁷ Иоанн Дамаскин (р. около 675 — ум. до 753), византийский богослов, философ и поэт. Родился в христианской арабской семье.

Получил энциклопедическое образование в греческом духе. По-видимому, был приближенным халифа; затем стал монахом (*примеч. пер.*).

²⁸ Иоанн Дамаскин, «Точное изложение православной веры», кн. 1, гл. 11.

²⁹ Матфей XXV:31–34, 41. О. Нуссбаум, «Оценка левой и правой стороны» (O. Nussbaum, «Die bewertung von rechts und link», p. 170–171), показал, что это превосходство одной половины тела над другой и разделение на доброе и злое – пережиток античной эсхатологии. Подобные описания встречаются во всех значительных произведениях, предшествующих христианству, в частности у Платона («Республика», X:614C) и Вергилия («Энеида», VI:540–543).

³⁰ (Мих XVI:19.) Образ Сына, сидящего по праву руку Отца, – один из самых частых в Новом Завете: у евангелистов-синоптиков (Мт XXII:44, XXVI:64, Мих XII:36, XIV:62, XVI:19, Лк XX:42, XXII:69), в писаниях Павла (Рим VIII:34, Еф I:20, Кол III:1, Евр I:3;13; VIII:1; X:12; XIII:2) или в католических посланиях (1Пет III:22). Он отсутствует разве что в писаниях св. Иоанна (Евангелии, Посланиях и Апокалипсисе). (По поводу формулы «ad dextram» (по правую руку) как основной принцип христианской исповеди см.: М. Гург, «По правую руку от Бога. Воскрешение Христово и воплощение в жизнь Псалма 110:1 в Новом Завете» (M. Gourgues, «A la droite de Dieu. Résurrection de Jésus et actualisation du Psaume 110:1 dans le Nouveau Testament», Paris, Lecoiffe, 1978, p. 31–32). В общем, можно говорить о мессианической транспозиции 109 Псалма (Сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня), означавшего, в соответствии с той почетной ролью, которую Библия отдает правой руке, что «Господь выказывает свое благоволение к Иисусу, возводя его в сиянии славы на престол и допуская его к участию во власти своей и управлении всем миром» (*ibid*, p. 34). Ветхий Завет изобилует отрывками, в которых «правосторонность» Яхве (идет ли речь о его правой руке, правом боку или его присутствии справа от человека) символически соответствует его могуществу, его правосудию, его действиям как творца, защитника и высшей мудрости: Эккл XII:12; Исх XV:6, 12; Быт XXXV:18; XLVIII:13–18; Ис XLI:10, 13; XLV:1; XLVIII:13; LXII:8; Иов XIV:15; XL:14; Иер XXI: 24; 1 Макк VI:58; XI:50; 2 Макк IV:34; XII:11; XIV:33; XV:15; Псал XV:11;

XXVIII:11; XX:8; XXVI:10; XLIV:4; XLV:10; XLVIII:11; LIX:5; LXII:8; LXXIII:11; LXXVI:11; LXXIX:18; LXXXVIII:14; XCVII:2; CVII:6; CVIII:30; CIX:6; CXVII:16; CXX:5; CXXXVII:8; CXXXVIII:9; Прит V:17; 2 Цар XX:9; Зах VI:13. За одним исключением — За III:1. Конечно, в Библии есть упоминания и просто длани Божией, без уточнения, правая она или левая (например, Втор XXXIII:27; Псал CXLIII:8; Ис LXVI:2; Езд I:3; Пер XXV:15, 17, 28, XXXII:17, 21; Иов XXXVI:13 и др.); однако чаще всего подразумевается «десница» и ее могущество. Наконец, следует сказать о Новом Завете: Деян II:25; Откр I:16, 17, 20, II:1, V:1, 7; Евр I:13; Мф XXV:33,34. По этому вопросу см. также: У. Дайтмаринг в «Значение правого и левого» (U. Deitmaring, «Die bedeutung von rechts und links», р. 267–268); «Словарь христианской археологии и литургии» («Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie», dir. F. Cabrol à H. Leclercq, Paris, Letouzey à Ané, 1907–1953, v. IV:2 1547–1549); А. Лесестре, «Рука» (H. Lesestre, «Main» // «Dictionnaire de la Bible», dir. F. Vigouroux, Paris, Letouzé à Ané, 1895–1912, v. 4, р. 580–585); П. Оре, «Десница Божия» (P. Auray, «Droite de Dieu») в сб.: «Католицизм: вчера, сегодня, завтра» («Catholicisme: hier, aujourd'hui, demain», dir. G. Jacquemet, Paris, Letouzey à Ané, 1948–1985, v. III, р. 1119–1120).

³¹ Бернар Клервосский (1090–1153) — мистик, эрудит, государственный муж и «Божий человек» (*примеч. пер.*).

³² Бернар Клервосский, *Sermo in Psalmum «Qui habitat»*, 15 (éd. F. Leclercq à B. Rochais, Sanctii Bernardi Ioera, Rome, 1966), t. IV, р. 424.

³³ Исидор Севильский (около 560–636), испанский церковный деятель и писатель. С 600 г. архиепископ Севильи. Автор «Этимологии» (своеобразной энциклопедии раннего Средневековья), «Истории королей готов, вандалов и свевов» (главным образом политической и церковной истории вестготской Испании) (*примеч. пер.*).

³⁴ Э. де Брюйн, «Исследования средневековой эстетики», I (E. de Bruyne, «Etudes d'esthétique médiévale», I, Bruges, 1946, р. 75). Также см.: Ж. Ле Гофф, «Цивилизация средневекового запада» (J. Le Goff, «La civilisation de l'occident médiéval», Paris, Champs-Flammarion, 1997, р. 301. При написании этой главы мне очень помогли следующие

щие книги: Ф.-П.-Э. Пуатье, «Левый» (F.-P.-E. Pottier, «Sinister», в сб. «Mélanges Gaston Bossier», Paris, A. Fontemoing, 1903, p. 405—413); Д. Фрикльунда, «Изменения в значениях выражений со словами «правый» и «левый» (D. Fryklund, «Les changements de signification des expressions de droite et de gauche»); А. Эрну и А. Мейе, «Этимологический словарь латинского языка» (A. Ernout à A. Meillet, «Dictionnaire étymologique de la langue latine», Paris, 1934); С.Д. Бака, «Словарь избранных синонимов в основных индоевропейских языках» (C.D. Buck, «Dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages», p. 864—867); И. Малкиля, «Лексическая полярность в романе» (Y. Malkiel, «Lexical polarization in romance», Language, XXVII:4, 1951, p. 485—518); Я. Ван Лейвен-Турновковой, «Правый и левый в Европе» (J. Van Leeuwen-Turnovcova, «Rechts und Links in Europa»).

³⁵ Приводится у Е. Кастельнуово, «Художник» (E. Castelnuovo, «L'artiste»), в сб. Ж. Ле Гоффа «Человек Средневековья» (J. Le Goff, «L'Homme médiévale», Paris, Points/Histoire, 1996, p. 255).

³⁶ Приводится Кл. Лекуте, «Монстры в немецкой средневековой литературе» (Cl. Lecouteux, «Les monstres dans la littérature allemande de Moyen Age», Kummerle Verlag, 1982, t. III, p. 8).

³⁷ «Песнь о Гийоме» (прибл. 1200), СХХХIV:2103.

³⁸ Ibid, CLXXXVI:3462. То же выражение в «Песни о Роланде», IV:47.

³⁹ «Песнь о Гийоме», II:29, III:33, СХV:1729, СХХХI:1987.

⁴⁰ De Renart ne va nus destre / Renart fet tot le monde pestre (Никто не победит Лиса, Лис обманет весь мир) («Роман о Лисе», IV:23)

⁴¹ Исидор Севильский, «Этимологии» («Libri etimologiarum»); Хьюго из Сент-Виктора в XIII в. (саксонский монах. — *Примеч. пер.*) (Hugues Saint-Victor, «De bestiis et aliis rebus liber tertius», LX), «De Hominis membris ac partibus» (éd. J.-P. Migne, Patrol. lat. 177, c. 124D). См. также У. Дайтмаринг в «Значение правого и левого» (U. Deitmaring, «Die bedeutung von rechts und links», p. 266).

⁴² Исидор Севильский, «Этимологии», X:253.

⁴³ «О сколько впереди... тягостных приключений» («Книга о любовных крушениях» («Livre des eschés amoureux»), Франция, XV в.

⁴⁴ Интересно отметить, что слово «*esclanche*» существовало еще в XVIII в., однако использовалось для обозначения бараньего бедра (см.: «Новый словарь Французской Академии», издание 1718 г., переизд. в Женеве, 1994).

⁴⁵ «Коль ему угодно будет их отсечь, к вам протянув скупую руку» (Подфруа Парижский, «Хроника времен Филиппа Красивого» (1300).

⁴⁶ В наши дни в разговорном языке уже не говорят «*n'être pas mancheg*», но «*n'être pas manchot*» («не иметь руки»), что с этимологической точки зрения имеет те же корни (см. примеч. 44).

⁴⁷ Об этом свидетельствует такой отрывок: «Другие называют ее [левую руку] бранным словом, которое приличия не позволяют мне употребить здесь» (Н. Катрино, «Рука Сцевола», 1682 (N. Catherinot, «La main de Scaevola»).

⁴⁸ Так, когда Лис встречает Изенгрима, с которым предпочел бы не сталкиваться, он говорит: «Лис видит, что не может ускользнуть, нет способа от встречи уклониться» («Роман о Лисе», V:14–15, а также II:759). «*Pog poient guenchisciés!*» («Бессмысленно лукавить!») – говорит Александр Пору («Роман об Александре», вторая половина XIII в., III:225:4020).

⁴⁹ Согласно А. Дарместеру, «Жизнь слов, показанная через изучение их значений» (A. Darmesteter, «La vie des mots étudiée dans leur significations», Paris, 1889), «*senestre*» было заменено на «*gauche*» именно в связи со зловещими коннотациями первого слова. Вслед за этим последовала логическая замена «*destre*» на «*droit*», как парного к «*gauche*».

⁵⁰ См. у Исидора Севильского в «Этимологиях», XI:1:68. См. также: Рабан Мавр в IX в. (богослов и схоластик, 776–856) (Raban Maur, «De Universi Libri XII», VI:1) и Гуго Сент-Виктора в XIII в. (саксонский монах, примеч. пер.) (Hugues Saint-Victor, «De bestiis et aliis rebus liber tertius», LX).

⁵¹ Варфоломей Английский, «Владелец вещей» («Le propriétaire des choses», пер. на фр. яз., 1485), V:28.

⁵² От латинского «*mancus*» («изувеченный», «калека», «неполноценный»), от которого в итальянском появилось «*mançino*» («левша») и «*manchot*» («однорукий») во французском.

⁵³ П. Дине, «Пять книг об иероглифах, в которых сокрыты самые редкие секреты природы и свойства всех вещей» (P. Dinet, «Cinq livres des hiéroglyphiques, ou sont contenus les plus rares secrets de la nature, à proprieté de toutes choses», Paris, J. De Neuqueville, 1614, p. 534–537).

⁵⁴ Н. Катрино, «Рука Сцеволы», 1682 (N. Catherinot, «La main de Scaevola», p. 8).

⁵⁵ См.: Исидор Севильский, «Этимологии», XI:1:68 и V:31.

⁵⁶ Варфоломей Английский, «Владелец вещей» («Le propriétaire des choses», V:28).

⁵⁷ А. Уден, «Французские примечательности» (A. Oudin, «Curiositez françoises», Paris, A. de Somaville, 1640, p. 315). Английская поговорка того времени все-таки дает левой руке хоть какое-то право на действие: «to refuse with the right hand and take with the left» («отказываться правой рукой и брать левой») (о лицемерном поведении) (М.П. Тилли, «Словарь английских поговорок шестнадцатого и семнадцатого века» (M.P. Tilley, Dictionary of the proverbs in England on the sixteenth and seventeenth centuries, Ann Arbor, Univ. Of Michigan Press, 1950, H100).

⁵⁸ Р. де Колери, «Рондо», XXXVII.

⁵⁹ Жоашен Дю Белле, «Сожаления», 45.

⁶⁰ П. де Ронсар, «Любовь», I:56.

⁶¹ П. де Ронсар, «Клятва» в «Любовных стихотворениях к Кассандре».

⁶² Иоанн Кассиан Римлянин (360–435), основатель монашества в Галлии, около десяти лет провел в странствованиях по монастырям и скитам Египта, написал 12 книг «О постановлениях киновий палестинских и египетских» и 24 «Собеседования» («Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», *примеч. пер.*).

⁶³ Иоанн Кассиан, «Собеседования», VI:10.

⁶⁴ Петр Хризолог, латинский христианский писатель, епископ Равенны в 425–450 гг. н.э. Является автором примерно 200 гомилий и речей, написанных в риторическом стиле (*примеч. пер.*).

⁶⁵ Петр Хризолог, Проповедь IX.

⁶⁶ «Mes il tient l'escu à senestre/et le branc d'acier à la destre» («Но левой щит он держит свой, а правой/ стальное древко он сжимает») (Роман о Кларисе и Ларе», строки 1600–1601). См. также: «Песнь о Роланде», CCLXXX:3868; «Роман об Александре», III:224:4005 и VIII:6795, и т.д.).

⁶⁷ См., например: «Песнь о Гийоме» (строки 137, 226, 740, 775, 919, 943, 1114, 1214, 1502).

⁶⁸ См.: В. Гэ, «Археологический словарь Средневековья и эпохи Ренессанса» (V. Gay, «Glossaire archéologique du Moyen Age et de la Renaissance», I, Paris, 1887, p. 532).

⁶⁹ В. Фриш, «Правая и левая рука» (V. Fritsch, «La Gauche et la Droite», p. 36); Д. Фриклунд, «Изменения в значениях выражений со словами “правый” и “левый”» (D. Fryklund, «Les changements de signification des expressions de droite et de gauche», p. 104).

⁷⁰ Термин этот употребляется с конца XI в., очень часто упоминается в «Песни о Роланде». «Destrier», «боевого коня», отличали от «ralefroï», «прогулочного коня», и от «гонсін», «грузовой лошади». Похоже, что поводья прогулочного коня, который тоже был благородных кровей, тоже держали в правой руке (см.: Кретьен де Труа, «Рыцарь со львом», строки 2976 и 3084).

⁷¹ См.: Кретьен де Труа, «Рыцарь Телеги», строки 254–256. Также по этому вопросу см.: В. Гэ, «Археологический словарь Средневековья и эпохи Ренессанса», (V. Gay, «Glossaire archéologique du Moyen Age et de la Renaissance», I, p. 517; Л. Готье, «Рыцарство» (L. Gautier, «La Chevalerie», Paris, 1895, p. 200 et 722).

⁷² В оригинале стоит «правую перчатку».

⁷³ «Песнь о Роланде», CLXXVI:2389 и 2373, русский перевод строфа CLXXVI.

⁷⁴ Филипп Менар, «Жесты и позы в «Песни о Роланде»: позы приказания и вызова» (Philippe Ménard, «Les gestes et les expressions corporelles dans la Chanson de Roland: les attitudes de commandement et de défi» // W.V. Emden à Ph.E. Bennet; éd., «Guillaume d'Orange and the chanson de geste», 1984, p. 85–92).

⁷⁵ По этому вопросу см.: Д. Фриклунд, «Изменения в значениях выражений со словами «правый» и «левый»» (D. Fryklund, «Les

changements de signification des expressions de droite et de gauche», p. 53–55); В.М. Хэкетт, «Перчатка Роланда» (W.M. Hackett, «Le gant de Roland», Romania, 1968, p. 253–256).

⁷⁶ Кретъен де Труа, «Ивейн, или Рыцарь со львом». Этот ритуал был весьма ясно сформулирован во множестве средневековых юридических текстов, например в «Книге Правосудия и Жалоб» («Li Livres de Jostice et de Plet»), (1260–1270), XIX:XXXIII:2 (éd. T. Rapetti, Paris, 1850, p. 308).

⁷⁷ См.: Р. Жакоб, «Образы правосудия: Очерк о судебной иконографии от Средних веков до классической эпохи» (R. Jacob, «Images de la justice. Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen Age à L' Age classique», Paris, Le Léopard d'or, 1994, p. 81–87).

⁷⁸ См.: Е.Е. Гудйонсон, «Гарольд Годвинсон и его рука. Заметки по поводу детали на гобелене Байе» (E.E. Gudjondon, «Haroad Godwinsons venstre hend. En kort bemaerkning om en detalje I Bayeux-tapetet», IconographiskPost, 4, 1988, p. 31–35); Дж.К. Шмидт, «Смысл жестов на средневековом западе» (J.C. Schmitt, «La raison des gestes dans l'Occident médiévale», Paris, Gallimard, 1990, p. 16); «Справа от Отца» («A la droite du Père»), журнал «L'Histoire», № 162, 1993, p. 24); «Жесты» («Gesti») в «Энциклопедии средневекового искусства» («Enciclopedia dell'arte medievale», dir. A.M. Romanini, Rome, Istituto della encyclopedia italiana, t. VI, 1995, p. 588–598).

⁷⁹ На самом деле поза Гарольда двойка, так как пальцы правой руки Гарольда касаются другой святыни – своего рода клятва краем губ. Левая рука (действующая сзади), скорее, символизирует нарушенное слово.

⁸⁰ Нарушив данное им слово, Гарольд откажется повиноваться Вильгельму Завоевателю, когда тот решит покорить Англию в 1066 г. Гобелен Байе воссоздает сцену за сценой эту эпопею.

⁸¹ Мишель Пастуро, специалист по истории символов, в одном из своих очерков недавно отметил, что леворукость к концу Средних веков постепенно стала достаточно часто встречающимся элементом в «арсенале символов» Иуды. Художникам было недостаточно рисовать предателя-апостола с рыжей шевелюрой – в знак бесчестия, они, в большей степени северные школы, стали изображать его левшой.

«Тот же именно левую руку протягивает он за тридцатью сребрениками; левой рукой он прячет за спиной украденную рыбу; левой рукой подносит ко рту еду во время Тайной Вечери; а затем в левой руке держит перевку, готовясь повеситься, ибо пришло время покаяния». Автор приходит к выводу, что «все левши в той или иной степени — плохие персонажи. И будь герой на первом плане или в толпах на заднем фоне, отдающихся подлыми и достойными осуждения делами по краям или в глубине изображения... среди них большинство изгой и нечестивцы. <...> Но именно среди нехристей (язычников, иудеев, мусульман) и обитателей преисподней (сатаны и демонов) средневековое изображение помещает левшей: здесь властители отдают приказы левой, проклятой, роковой рукой, и этой же рукой солдаты исполняют их приказания. Вселенная зла — это вселенная, населенная левшами» (М. Пастуро, «Красный, желтый и левша: О средневековых традициях изображения Иуды» (M. Pastoureau, «Rouge, jaune et gaucher. Note sur l'iconographie médiévale de Judas») и «Цвета, образы, символы: Черски истории и антропологии» («Couleurs, images, symboles. Etudes d'histoire et d'anthropologie», Paris, Le Léopard d'or, s.d., p. 79). Конечно, это слишком уж прямое утверждение. Если считать, что «все левши по определению плохие персонажи», то получается, что каждый жест в средневековой иконографии, будь он совершен правой или левой рукой, имел особое значение. Однако не стоит думать, что жест правой рукой был отличительным символом героя, а жест левой рукой — стигматом злодея. Как нам уже пытались показать (П.-М. Берtrand, «Символика правой и левой руки» (P.-M. Bertrand, «La Symbolique de la droite et de la gauche», p. 357 и далее), художники Средневековья достаточно охотно наделяли леворукостью второстепенных героев (бесчисленное множество анонимных левшей разбросано по гобелену Байе). В этом случае определяющую роль играли основы композиции. Так, если два персонажа или две группы персонажей находились лицом к лицу, то любовь к симметрии (столь характерная для средневековой эстетики вплоть до XIV в.) подчас заставляла художника сделать одних правшами, а других левшами. Это правило было проверено нами множество раз. Строго говоря, не леворукость являлась отличительной чертой злодейства, но предполагаемое зловещее изо-

бражение героя наряду с особенным его положением на полотне, что придавало особый смысл его жестам. Мишелю Пастуро следовало бы написать, что «отрицательные персонажи в средневековой иконографии зачастую использовали левую руку для совершения каких-то действий». В этом нюансе заключается большое значение. На самом деле, как мы увидим в дальнейшем, в Средние века к левшам относились более-менее терпимо. Не леворукость как психологическая особенность являлась символом злодеяния, но сама левая рука (которая есть и у каждого правши). В примерах с Ганелоном и Гарольдом подмена рук проявляет свое негативное значение только в рамках общей символики. Другими словами, только потому, что приветствие и клятва должны совершаться правой рукой, сам факт того, что они совершаются левой, выдает будущее злодеяние. Отрицательные герои не являются левшами в прямом смысле этого слова (и левша мог поприветствовать короля правой рукой); они нарушают кодекс правой руки, принятый в обществе.

⁸² При старом режиме клеймо имело вид королевской лилии, затем, после 1724 г., оно стало соответствовать первой букве совершенного преступления («V» за «voleur» («воровство»), «F» за «faussaire» («подделка, фальсификация») и т.д.). Это наказание было отменено после Революции, однако восстановлено законом от 23 флореаля года X и 12 мая 1806 г. Окончательно из уголовного кодекса оно было изъято по закону от 23 апреля 1832 г.

⁸³ См.: У. Дайтмаринг, «Значение правого и левого» (U. Deitmaring, «Die bedeutung von rechts und links», p. 274). В средневековой литературе предательство зачастую каралось увечьем правой руки. Именно правую руку теряет язычник Марсилий в битве при Ронсевале («Песнь о Роланде», строки 1903, 2571, 2701, 2719, 2781, 2795, 2809). И Ланселот взмахом меча отсек презренному Мелеганту, обманом его пленившему, правую руку (Кретъен де Труа, «Рыцарь телеги», строки 7060–7065), и именно этой руки лишается коварный волшебник, завлекший героя «Романа о Кларис и Ларе» в ловушку (строки 16082–16085). Тема отсеченной правой руки появляется в целом ряде романов артуровского цикла, например: «Флориан и Флорет», «Безумие Тристана» и т.д.

⁸⁴ См.: Дж. Хэйстингс, «Энциклопедия религии и этики» (J. Hastings, «Encyclopaedia of religion and ethics», Edinburgh, T. à T. Clark, 1908–1926, t. VI, p. 495B); М. Жандро-Массалу, «Левша у Кеведо» (M. Gendreau-Massaloux, «Le gaucher selon Quevedo», p. 75); А. Редондо, «Увечья и позорные метки в Кастилии в XVI в.» (A. Redondo, «Mutilations et marques corporelles d'infamie dans la Castille du XVIe siècle»), «Тело в испанском обществе XVI и XVII вв.» («Le Corps dans la société espagnole des XVIe et XVIIe siècles», colloquium в Сорбонне, 1980), p. 185–199).

⁸⁵ «И когда за сопротивление правосудию кого-нибудь присуждают к отсечению правой руки, суть наказания не в том, что виновного оставляют с культей вместо кисти, а в том, что из него делают левшу» (Ф. Де Кеведо, «Сон о преисподней», 1608, в пер. И. Лихачева).

⁸⁶ Rambervillers, impr. Mejeat, 1850.

⁸⁷ См.: Урс де Калвияк, «Правила хорошего поведения в обществе для детей. С обучением чтению, произношению и правописанию с самого начала» (Hours de Calviac, «La Civile honesteté pour les enfants. Avec la manière d'apprendre à bien lire, prononcer et escrire: qu'avons mise au commencement», Paris, R. Breton, 1560).

⁸⁸ Дж.-Б. де Ла Салл, «Правила приличий и христианского хорошего тона» (J.-B. De La Salle, «Les Règles de la bienséance et de la civilité chrétienne», Troyes-Reims, 1703, p. 67).

⁸⁹ Ibid, p. 71.

⁹⁰ Эта традиция существовала и в далекой древности (см. библейскую историю благословения Иакова, которая уже приводилась ранее). О ее существовании в начале эпохи христианства мы знаем из отрывка из «пастора», где персонифицированная Церковь приглашает автора занять место подле нее. «Я хотел было сесть по правую сторону, но она рукою показала, чтобы садился я по левую сторону. Когда опечалился я, что не позволила сесть мне по правую сторону, она проговорила:

— Не печалься, Герма. Место по правую сторону принадлежит тому, кто уже угодил Богу и пострадал за имя Его. У тебя много недостатка для того, чтобы сидеть с ними. Но оставайся в простоте своей, как прежде, и будешь сидеть с ними, равно как и все, кто будет тво-

рять дела их и претерпит то, что они претерпели». (Цит. по изд.: Пастырь Гермы, III:1:9, М.: Присцельс, 1997 (текст издания 1862 г. «Памятники древней христианской письменности», т. 2).)

⁹¹ А. де Куртэн, «Новый трактат о правилах хорошего тона, принятого во Франции среди честных людей» (A. De Courtin, «Nouveau Traité de la civilité qui se pratique en France parmi les honnestes gens», 3e éd., Paris, H. Josset, 1673, p. 88–89). Под «высоким местом дороги» здесь имеется в виду часть дороги, наиболее удаленная от стока (который был расположен в центре улицы). Предоставлять «высокое место» человеку означало оказать ему честь, оградив его от пятен грязи и вони (откуда в современном французском выражение «tenir le haut de pavé» («принадлежать к элите, первенствовать»)).

⁹² Ibid, p. 93, 94, 95.

⁹³ См., в частности: К. Юнг «Психология и алхимия» (C.-G. Jung, «Psychologie et Alchimie», éd. Paris, 1970, p. 162, 168, 184, 187, 202, 214, 224, 226–227, 244, 250, 253).

⁹⁴ C.-G. Jung, «La Psychologie du transfert» éd. Paris, 1980, p. 69, 77.

⁹⁵ Гус, Хуго ван дер (между 1430 и 1440–1482), фламандский живописец. Продолжил художественную традицию, идущую от Рогира ван дер Вейдена; однако в его произведениях, особенно в поздние годы творчества, появляется сильная эмоциональность, отличающая его творения от молчаливой напряженности образов Рогира Ван дер Вейдена. Самое известное произведение Хуго ван дер Гуса – большой алтарный образ «Поклонение пастухов», так называемый алтарь Портинари. (*примеч. пер.*).

⁹⁶ Это тот тип картин, который в иконографии называется морализирующим пейзажем.

⁹⁷ Уподобление смертного греха греху, совершенному левой рукой, не такая уж редкая тема в эпоху Ренессанса. Мы сталкивались с рядом столь же ярких случаев, как и этот (П.-М. Бертран, «Символика правой и левой руки» (P.-M. Bertrand, «La Symbolique de la droite et de la gauche», p. 272–273, 370–373, 376–377, 380–381).

Часть вторая

ПРЕЗИРАЕМЫЕ ЛЕВШИ

Праворукость — цена, которую приходится платить цивилизации совершенной и обладающей всевозможными талантами; леворукость же является архаизмом, возвратом к примитивному состоянию.

Из медицинского отчета, 20 ноября 1886

Хосефа Йотейко, возглавлявшая психофизиологическую лабораторию Брюссельского университета, в 1916 г. опубликовала в серьезном и престижном журнале «Философское обозрение Франции и зарубежья» внушительную работу о «Психофизиологической теории праворукости». Мы приводим отрывок из нее:

Процент левшей был крайне невелик — 2,8%, и в этих незначительных цифрах стоит видеть доказательство того, что леворукость должна рассматриваться как анатомическая аномалия, как исключение из правил. Левша, как гигант или карлик, должен оставаться исключением, так как человечество как вид должно развиваться в соответствии с нормой. Также Галипп признает, что леворукость передается как дурная наследственность. Для него левши отличаются в той или иной степени от обычных людей и входят в тот класс, которому Морель и Маньян¹ дали название «дегенератов», и Ломброзо присоединился к этому мнению в следующем виде: «Леворукость имеет атавистический и дегенеративный характер. Левши <...> обладают тяжелой наследственностью; леворукость зачастую сопровождается эпилепсией; она нередко встречается у сумасшедших, преступников <...> и, наконец, у гениев. Леворукость <...>, как о том свидетельствует статистика, всегда отмечалась лишь у незначительного процента населения, и потому леворукого народа существовать не будет, так как само это качество за все время существования

человека было не более чем случайной проблемой, вступающей в постоянную оппозицию с нормой².

Сей ошеломляющий текст объединяет и возводит до уровня догмы фактически все предубеждения против левшей, которые еще существовали в те времена. Насколько же распространенным было подобное презрительное отношение к левшам, если даже ученые его разделяли!

В наши дни подобный категоричный тон может разве что вызвать улыбку. Тем не менее не стоит ударяться в столь объяснимую иронию: не будем забывать о том, что каждая эпоха подчиняется определенным суждениям, присущим только ей, и потому никто не может похвастаться тем, что он более просвещен, чем его предшественники. Даже если ошибки наших предков столь бросаются нам в глаза, не будем обманываться — мы наверняка слепы к своим собственным. В этой книге мы не собираемся ни судить, ни осмеивать предрассудки прошлого. Мы хотим представить типологию предубеждений согласно найденным нами примерам, чтобы за подчас экстравагантной маской обнаружить логику культуры, которой они подчинялись.

I. ЛЕВОРУКОСТЬ КАК АНОМАЛИЯ

Заглянем в трактат Оригена «О началах», написанный около 220 г. В нем содержится одно из первых свидетельств предубежденного отношения к левшам в эпоху христианства. Ориген комментирует известный отрывок из Матфея (Мф V:39), где Иисус советует своим ученикам подставить левую щеку тому, кто ударит их по правой. Это удивляет Оригена, он видит в этом явную непоследовательность:

Также, когда говорится об ударе в правую щеку, то представляется в высшей степени невероятное дело, потому что

всякий бьющий, если только он не страдает каким-нибудь недостатком, противным природе, бьет правую руку в левую щеку³.

Отсюда сразу становится ясным, что под «каким-нибудь недостатком, противным природе» подразумевается леворукость. По мнению Оригена, которое, вне сомнения, разделяло большинство его современников, предпочтение левой руке правой недопустимо от природы (быть левшой — не все равно, что быть рыжим или блондином, высоким или низким), но «противно природе», и страдающий им в какой-то степени болен.

Откроем теперь любой словарь, изданный до 1960-х годов, и посмотрим, какое определение там дается слову «левша»: это не просто человек, у которого основной действующей является левая рука, но и человек, который «пользуется левой рукой *вместо того, чтобы* пользоваться правой»^{4, 5}. Семнадцать веков спустя после писания Оригена предрассудки все те же: у левши нет другого определения, кроме как нарушителя законов природы, противопоставленного праворукой норме. Человек является левшой *вместо того, чтобы быть правшой*. Его особенность является аномалией. Эта концепция — какой бы ни была сопровождающая ее оценка — составляет общую истину, изначальный постулат для всех вопросов и обсуждений, которые нам предстоит рассмотреть.

Несоответствие

Гоше де Шатийон, коннетабль Франции и советник Филиппа Красивого, жил с 1250 по 1328 г. В 1632 г., когда знаменитому живописцу Симону Вуэ⁶ поручили написать его портрет для Галереи известных людей в современном Пале-Рояле⁷, никто не знал, как выглядел великий пол-

Гуго ван дер Гус, «Первородный грех», ок. 1480 г. (масло по дереву, высота 35 см), Вена, Музей Истории Искусства

конодец. Конечно, имелись его биографии⁸, может быть, даже документы в архивах, однако это слабое подспорье для художника, который должен воплотить на полотне черты лица. У Вуэ было два варианта. Гоше де Шатийон прожил 78 лет — удивительно долгую жизнь по меркам того времени, — и можно было бы изобразить его стариком. В то же время, учитывая необычное имя («гоше» по-французски означает «левша») коннетабля, художник решил изобразить его левшой. Весьма творческий подход к делу, хотя и абсолютно неоправданный с исторической точки зрения. Имя Гоше не имеет никакого отношения к леворукости, а является видоизмененным на французский манер именем Гашериус, или Гаршерус, достаточно распространенным в Средние века⁹. Соответственно ничто не говорит о том, что почтенный коннетабль был левшой. Его имя досталось ему всего лишь по наследству — по меньшей мере, пять Гоше насчитывается среди его предков и четверо — среди его потомков (в их числе и его сын). Тем не менее во времена Вуэ, когда это имя фактически вышло из употребления, люди стали думать, что оно как-то связано с тем, какая рука была ведущей. Симон Вуэ решил, что может понять имя буквально и воспользоваться им, как ключом к жизни человека: в какой-то степени он рисует не портрет Гоше де Шатийона, а портрет левши из Шатийона. Какие бурные эмоции, должно быть, вызвал у некоторых современников художника тот образ, который он придал коннетаблю-левше:

В отношении этого великого деятеля [Вуэ] постарался представить и присущую ему леворукость и то, что он принес миру. Он стоит к нам спиной, опираясь на правую ногу менее уверенно, чем на левую. Левая рука упирается в бок, голова властно смотрит через левое плечо. Все действия левши, которые столь сложно воплотить, достойны восхищения¹⁰.

Однако, несмотря на достойный восхищения талант портретиста, предполагаемая леворукость коннетабля являла разительный контраст с известными историческими деяниями коннетабля Франции. Его «леворукость», о которой говорится в этом тексте, воспринимается как... недостаток. Вуэ это прекрасно осознавал и постарался разрешить проблему, поместив на заднем фоне следующую надпись по латыни в форме каламбура: «*Dictus scaeva, sed hoc vitii male congruit illi/Nomen nemo magis dexter ad arma fuit*» («Его называли левшой, однако имя, обозначающее недостаток, мало ему подходило, ибо не было никого искуснее в обращении с оружием, чем он»).

Аномалия, которой считалась леворукость у человека, прославившегося своей ловкостью (и, значит, правотой), приводила людей в замешательство. Разве можно, упомянув первую, не запятнать вторую? Некоторые свидетельства жизни Леонардо да Винчи, самого известного левши в истории человечества, свидетельствуют, насколько остро стояла эта дилемма. Все современники превозносят таланты Леонардо до небес. Джорджио Вазари (1511–1574), например, посвящает ему следующий пассаж:

Небесным произволением на человеческие существа воочию проливаются величайшие дары, зачастую естественным порядком, а порой и сверхъестественным; тогда в одном существе дивно соединяются красота, изящество и дарование, так что к чему бы ни обратился подобный человек, каждое его действие носит печать божественности, и, оставляя позади себя всех прочих людей, он обнаруживает то, что в нем действительно есть, то есть дар Божий, а не достижения искусства человеческого. Именно это и видели люди в Леонардо да Винчи, в котором сверх телесной красоты, не получившей сколько-нибудь достаточной похвалы, была еще более чем безграничная прелесть в любом поступке; а дарование его было так велико, что в любых трудных предметах,

к которым обращалась его пытливость, он легко и совершенно находил решения; силы в нем было много, и соединялась она с легкостью; его помыслы и поведение были всегда царственны и великодушны¹¹.

И далее:

Природа настолько во всем улагодворяла его, что куда бы ни обращал он свою мысль, свой разум и душу, он проявлял везде столько божественности в действиях, что никто не мог сравняться с совершенством его находчивости, живости, доброты, любезности и обаятельности¹².

Однако был предел и у его таланта:

Леонардо, при его понимании искусства, начинал много произведений, но никогда ни одного не довел до конца, так как ему мнилось, что рукой человеческой нельзя довести до художественного совершенства вещи, которые он замыслил¹³.

Интересно, что замечание Вазари совпадает и с мнением Себастьяно Серлио (1475—1554), его современника: «Его рука не поспевает за совершенством его разума»¹⁴.

Эту легенду о том, что Леонардо не мог воплотить в жизнь все свои помыслы, стали повторять многие критики искусства. В XVIII в. Пьер-Жан Мариэтт писал, например, что когда художник хотел запечатлеть лик Христа во время Тайной вечери, «его рука не смогла воплотить в жизнь его идею»¹⁵.

Что же стоит за всем этим? Неужели творческое воображение художника достигло того предела, когда мысль не находит конкретного воплощения? Может быть. Однако не кроется ли за этой историей образ беспомощной руки, которая не может воплотить идеи разума — аллюзия на то, что Леонардо, какими бы талантами он не был наделен, будучи левшой, считался в определенной степени калекой. В любом случае Йоген Мюнц в 1899 г. знал, о чем он пишет: «Своеобразная болезнь соседствовала с его удивительными дарованиями — он был левшой»¹⁶.

Своеобразная болезнь

«Своеобразная болезнь...» Употребляя это выражение, Мюнц, при всем восхищении перед фигурой Леонардо, уступает всемогущему и древнему предрассудку.

В «Евангелии веретена», известном произведении средневекового фольклора, написано:

И когда видите вы левшу, знайте, в крещальне он прежде был положен на левую руку, в коей скрыт вред его¹⁷.

В этом отрывке левша предстает перед нами человеком, у которого нарушена физическая целостность (ошибка в ритуале крещения стала причиной его несчастья). Эта идея находит отражение в средневековой латыни, где видна связь между словами *scoeva* (левая рука) и *scaevus* (калека, раненный, понесший ущерб), а также между *sinistra* (левая рука) и *sinistrum* (ущерб, урон), в старофранцузском *manс*, означающим и «левый», и «искалеченный, неполный, неполноценный» (от латинского *manсus*, от которого произошло французское *manсhot* (однорукий) и итальянское *manсino* (левша); и в этимологии испанского *izquierda* (левая рука) (от баскского *esku-erdi* — половина руки).

Эти же умонастроения царили и в Испании в начале XVII в.:

«Говорят, левши неловко управляют с руками»¹⁸.

Долгое время леворукость будет считаться заболеванием. В здравом уме никто не мог отдать предпочтение левой руке, разве что призвать ее на смену занемогшей правой. Левша по определению являлся жертвой «случайной беды»¹⁹. В некоторых случаях для того, чтобы спровоцировать эту беду, немного было надо. В 1885 г. Луи Жобер описывает случай некоего «г-на Д.», неисправимого левши, у которого ужасная аномалия развилась после того, как «в детстве гувернантка-левша подавала ему все

предметы левой рукой»²⁰. Сами родители, если потеряют бдительность, могли повредить своему ребенку:

В одной семье из пяти человек ни мать, ни отец не были левшами. Старший из детей, воспитанный кормилицей, тоже не был левшой; второй ребенок был левшой с ранних лет и таким и остался. <...> Третий ребенок стал левшой в возрасте одного года. <...> Двух последних детей мать кормила сама. Ее очень раздражало, что дети, которым она отдает столько сил и забот, растут левшами. Я увидел, что она держит маленького ребенка левой рукой; когда я сказал ей об этом, она ответила, что всегда держала в левой руке обоих детей, пока кормила их. Я посоветовал ей качать ребенка только на правой руке. Через несколько месяцев ребенок оставил дурную привычку все делать левой рукой и сейчас, в десять лет, он полноценный правша²¹.

Некоторые предосторожности могут помочь избежать зла, однако левшой можно стать и после несчастного случая. Так гласит теория посттравматической леворукости:

...Речь пойдет о молодой девушке 23 лет, не страдающей наследственными патологиями, родившейся без осложнений и родовых травм, которая в возрасте двух с половиной лет упала с определенной высоты. От шока она потеряла сознание, ее охватили конвульсии и развился паралич правых конечностей. С тех пор она левша. Других случаев леворукости в семье нет²².

Потрясение, вызывающее леворукость, не обязательно должно носить физический характер, оно вполне может быть и психологическим. Так в конце 1920-х гг. был зафиксирован резкий рост левшей в английских школах, который иногда приписывался последствиям войны: бомбардировки могли травмировать детей или беременных женщин и спровоцировать развитие впоследствии различных нарушений в детских организмах²³.

Длительная болезнь тоже может вызвать подобный эффект:

Мы видели, как леворукость проявилась у девочки трех лет в условиях, которые подтверждают ее центральный характер. Ребенок страдал от коклюша и ветряной оспы, которые вызвали осложнение бронхопневмонией, а затем и правосторонний парез и обострение рефлексов. Выздоровление прошло быстро. <...> Однако ребенок, бывший правой, стал левой — она играла в мяч левой рукой, и стоило больших трудов заставить ее писать правой рукой²⁴.

Итак, леворукость редко развивается самостоятельно, но сопровождает целый ряд других симптомов, что лишь подтверждает ее пагубный характер:

«Нам приходилось сталкиваться с детьми-левшами. Меня удивило, что дети эти также страдают нарушениями физического развития, в основном сконцентрированными в одной половине тела»²⁵.

По этой причине слабая конституция, болезненный характер являются благотворной почвой для леворукости. Об этом свидетельствует портрет художника Анри Рено (1843—1871) в возрасте трех лет:

...Слабый, болезненный, хилый, лежащий на животе на коврике, он развлекается тем, что рисует на листе бумаги левой рукой²⁶.

II. СТИГМАТЫ ЛЕВОРУКОСТИ

Из приведенных выше примеров видно, что леворукость зачастую воспринималась как аномалия физического развития. Даже если она не мешала развитию талантов, в чем нам еще предстоит убедиться, — она является определенным ограничением, изначальной неловкостью, странностью или дефектом, который превращает своего носителя «в большей или меньшей степени изгоя из общества нормальных людей»²⁷. Если следовать этой остра-

кистской логике, леворукость является физическим отражением пугающих психических изменений, признаком постыдного происхождения или позорного социального статуса, клеймом, которое наложили на его тело разлагающиеся моральные качества, или символическим атрибутом физического уродства.

«Левша» — позорный эпитет

На старофранцузском *esclenchier* означает прежде всего левшу (*la main esclenche* или *clenche* означало левую руку). Однако это слово также использовалось для обозначения человека неловкого или плохого. Выражение «*n'estre pas esclenchier*» имело значение «выказывать пыл, ловкость»²⁸, в физическом плане, или «выказывать щедрость»²⁹. Напротив, леворукость ассоциировалась с жадностью, мелочностью, злобностью. Она также могла выступать синонимом заблуждения, испорченности. Когда Жиль ли Мюизиз (1275—1352) перечислял качества, необходимые хорошим священникам, он признавал, что некоторые служители церкви обладают далеко не всеми из них. Это весьма прискорбно, но неизбежно, как то, что среди правшей попадаются левши.

Люди грешат против природы, так же как и некоторые священники;

почти все из них все делают правой рукой,

некоторые левши, они все делают левой рукой:

так есть хорошие священники и священники плохие³⁰.

Ту же связь между леворукостью и порочностью проводит и «Книга о правлении принцев» начала XVI в. В ней говорится, что моногамность естественна для человека, как «естественно для людей быть правшами, хотя некоторые и становятся левшами»³¹.

Таким образом, фактически любое зловерное качество или действие могло удостоиться эпитета «левша». Поэт Жан де ла Тай (1540—1608) жаловался на судьбу в таком стихотворении:

О свет какой леворукой звезды пролился
несчастьем на жизнь мою с того дня, как я родился³²

В диалектах итальянских провинций Ломбардии, Эмилии и Тосканы о человеке, недостойном доверия, говорят, что он левша («A l'è mancìn») ³³. В итальянском языке сохранилось это негативное значение: современное *mancino* означает и левшу, и вора. *Un colpo mano* по-итальянски — подлое дело.

В английском, ирландском и их диалектах много выражений, связанных с левшами. Английская поговорка XVI в. гласит: «Счастье левши — несчастье» («Left-handed luck is ill luck») ³⁴. В опубликованных в 1602 г. проповедях Уильям Бертон (1575—1645) клеймит плохих христиан, которых называет левшами (*left-handed Christioans*) ³⁵. В геральдике полоса на щите, говорящая о незаконном рождении владельца щита, называется *left-handed bar* или *bar sinister* ³⁶ (леворукая полоса). *A left-handed compliment* (комплимент левши) — устаревшее английское выражение, означающее лицемерную лесть или оскорбление. *A left-handed spanner* (левый гаечный ключ) означает «ложный повод»: так говорят о воображаемом инструменте, который якобы где-то забыли, чтобы скрыться. Явные литоты: *a left-handed friend* (друг-левша) — означает «враг», *a left-handed blessing* (благословение левой рукой) — проклятие, *a left-handed diagnosis* (диагноз левой руки) — неправильный диагноз; продемонстрировать мудрость левши (*a left-handed wisdom*) — значит, совершать все больше ошибок. Также говорят, что особенно несчастливый человек был крещен священником-левшой (*he must have been baptized by a left-handed priest!*); а недоте-

ну называют a two left feet (человек, у которого обе ноги левые).

Одна из особенностей английского языка — удивительное разнообразие лексики для обозначения левши. Большинство слов (несколько десятков), такие, как one-handed (однорукий), skivvery (лодырь), bang-handed (от bang, шуклоподражание), несут в себе явно выраженную негативную характеристику. Некоторые из них, фактически не поддающиеся буквальному переводу, даже вульгарны. Так, в английском существуют sack-handed (с рукой из дерьма), cow-pawed (с коровьим копытом вместо руки), wasky-handed («с чокнутой рукой», что напоминает французское выражение patte-folle — дословно «с хромой коночностью») ³⁷.

В диалектах северной Ирландии для обозначения левшей имеется по меньшей мере девятнадцать разных слов (и около двух сотен, если учитывать все варианты ³⁸)! И в ирландском языке тоже сразу ясен их уничижительный характер, дающий качественную оценку левшам как людям неловким или зловредным (clootie, corry-fisted, cuddy, gammy, kathoge, wrang-handed).

Хотя испанский язык и не блещет столь же разнообразной лексикой для обозначения левшей ³⁹, испанское общество характеризуется давней традицией презрительного отношения к левшам. Так, поговорка XVII в. предупреждает:

Гнев рыжего, удар копья левши. Они жестоки ⁴⁰.

Другая пословица той же эпохи гласит:

Левши, лысые и рыжие недостойны жить на этом свете; рыжие из-за алого цвета, левши и лысые из-за того, что противны натуре человеческой ⁴¹.

Левша имел зловещую репутацию именно потому, что так отличался от общепринятого. Он считался человеком вне общества, в какой-то степени зловредным, даже пагубным. В 1608 г. Франсиско де Кеведо писал:

«А когда в одном старинном романе какой-то человек захотел бросить другому особенно сильное, язвительное и обидное проклятие, он воскликнул:

Шуйца мавра пусть смертельный

Нанесет тебе удар⁴².

В одном из своих произведений писатель рассказывает, как совершил воображаемое путешествие в Преисподнюю, где дьявол подвергает мучениям души людей. Внезапно он увидел группу людей, на которых никто не обращал внимания. Сам дьявол относился к ним как к существам, вызывающим отвращение, и предлагал помочь ему в его заботах.

— Кто это? — спросил я.

Черт объяснил мне:

— С вашего позволения, это все левши — народ, что все делает шиворот-навыворот, а потому и недоволен, что не находится вместе с остальными осужденными. Здесь мы никак понять не можем, люди они или что другое, ибо при жизни они только и знали, что причиняли досаду своим ближним, являясь дурным предзнаменованием. Встретиться с таким человеком, когда идешь куда-нибудь по делу, все равно что набрести на ворона или на сову. <...>Да что говорить — народ этот сделан шиворот-навыворот, в толк не возьмешь, люди это или нет⁴³.

Кеведо также написал театральную интермедию под названием «Левша — улан». Ее главный персонаж — мелкопоместный дворянин, трусливый и раболепный, демонстрирующий сомнительную сексуальность. Одним словом, как на то и указывает название пьесы, это левша... С точки зрения рыцарских мужественных ценностей той эпохи, это достаточно неприятный персонаж, которого автор постоянно высмеивает. Даже его родовое имя вызывает презрение у его собеседников:

Меня зовут дон Гонсалес.

— Ах вот как, друг мой, что ж, дон меня удивляет, а Гонсалес — это еще хуже чем левша⁴⁴.

«Хуже, чем левша» — вот уж точно оскорбление! Из этих цитат становится ясно, что леворукость влияет не столько на тело, сколько на дух. словно подчиняясь метонимии, которая характеризует все предрассудки, общественное мнение признает, что быть левшой — значит не только действовать левой рукой, но и действовать во зло. И именно эта тяга ко всему дурному, «духовная леворукость» и находит свое отражение в стигмате физического тела.

Сцеволе де Сент-Март (1536—1623), современнику Кесцо, без сомнения, пришлось пострадать от тех же предрассудков. Имя, данное ему при крещении, Гоше, не нравилось ему — он считал его унижительным. Потому он превратил его в латинский вариант Сцевола (ссылаясь на Муция Сцеволу, римского героя-левшу)⁴⁵. Этой «маскировке» не удалось никого обмануть, и один из друзей написал на него такую шуточную эпиграмму:

Рожденья день избрать не в силах ты
и с ним и имя роковое...⁴⁶

Итак, Гоше по прозвищу Сцевола, написал стихотворение, в котором утверждает, что он праведно прожил жизнь, несмотря на злое имя:

Хотя по воле несчастного предзнаменования
в день, когда небеса послали мне жизнь,
мне дали столь досадное имя Гоше,
словно бы все мои помыслы были направлены налево,
словно хотел я своей левой чтить твою правую,
но я, направляясь дорогой направо, и прилежный страж
не пронзит мою плоть стрелой за то, что я свернул налево,
и я иду к твоей правой руке, где собрались твои слуги⁴⁷.

Любопытно, что поэт не жалуется на то, что сам он левша (и ничто не говорит об этом). Его огорчает только то, что его «досадное» имя может навести людей на мысль, что и его «помыслы были направлены налево». Гоше (офранцузенная форма Гошерус), как мы уже от-

мечали, не имела никакого отношения к латеральности⁴⁸. Но предубеждения относительно левшей были столь распространены и могущественны в ту эпоху, что даже простое фонетическое созвучие имени могло быть оскорбительным и неудобным для его носителя.

Атрибут монстра

Во II в. н.э. Светоний оставил достаточно отталкивающий портрет римского императора Тиберия. Он не только наделил его жуткими моральными качествами, но и описал следующим образом: «Телосложения он был дородного и крепкого, росту выше среднего. <...> Цвет кожи имел белый, волосы на затылке длинные, закрывающие даже шею, — по-видимому, семейная черта. Лицо красивое, хотя иногда на нем вдруг высыпали прыщи; глаза большие и с удивительной способностью видеть и ночью и в потемках». Кроме того, он был левшой:

Левая рука была ловчее и сильнее правой, а суставы ее так крепки, что он пальцем протыкал свежее цельное яблоко, а щелчком мог поранить голову мальчика и даже юноши⁴⁹.

Его искаженные понятия о нравственности, его уродство, его необыкновенные способности и его внушающая ужас сила — все свидетельствует о том, что Тиберий был сверхъестественным существом, чем-то средним между человеком и монстром. Упоминание о ловкости и силе левой руки, чья странность подчеркивается и той жестокостью, которой демонстрируется ее сила, дополняет воистину мефистофельский портрет.

Перенесемся на несколько веков вперед и откроем средневековый роман о Мелюзине, в котором рыцарю Жоффруа предстоит сразиться с удивительным противником по имени Гедон. Этот Гедон, как его описывает повествователь, был приспешником дьявола, ужасным и

уродливым, великаном, обладающим такой силой, что никто не мог сразиться с ним, «дьявольское создание, огромное и враждебное», которое терроризировало страну Геранда. Интересная деталь: мало того, что Гедон обладал огромным ростом и был ужасно уродлив, он еще и оказался левшой⁵⁰.

Дальше по ходу романа Жоффруа отправляется в Норвегию, чтобы сразиться на этот раз с Гримальтом, другим «ужасного вида великаном», который тоже страдал от аномалии в строении тела:

Великан вновь вздрогнул от удара Жоффруа; он схватил свою дубину и нацелил ее в сторону правой руки рыцаря, ибо был он левшой и надеялся извлечь из этого преимущество⁵¹.

Перенесемся теперь ко двору короля Карла II Испанского в 1680-е гг. Эухения Мартинес Вальехо — девочка, живущая при этом дворе, в пышном убранстве королевского дворца, окруженная изящными дамами и прекрасными кавалерами. У нее нет ничего общего с мифическими великанами из сказания о Мелюзине, кроме того, что все окружающие называют ее «la Monstrua» — уродкой. Этим насмешливым прозвищем она обязана своей исключительной полноте (шестьдесят килограмм в шесть лет) и деформированным конечностями. Именно благодаря злобному любопытству, которое девочка вызывала у окружающих, ее сначала и доставили к королевскому двору на потеху придворным, а потом ее дважды нарисовал художник Хуан Карреньо де Миранда (1614—1685)⁵². На одном из этих портретов она изображена голой, на другом — в одежде. Каждый раз Карреньо помещает в ее левой руке какой-нибудь предмет: то ветку дерева, закрывающую ее лобок, то фрукт. Как уже высказывалось другими исследователями⁵³, эта деталь, повторяющаяся в каждом портрете, лишь подчеркивает физическую неполноценность модели. Как и в античной традиции, леворукость — атрибут монстра.

В этой связи между леворукостью и физическим уродством нет ничего удивительного. Разве Корреас за несколько десятков лет до того не утверждал, что левши — «противны натуре человеческой»⁵⁴? Разве не существовало предания, что молитвы, обращенные к святому Гоше, прежде всего помогали исцелить от физических уродств?

Его [св. Гоше] могила на самом деле является водоемом, будучи брошенными в который страдающие от застарелых и неизлечимых болезней могут найти свое исцеление. Парализованные и калеки, те, кто лишился руки или чьи ноги сухи и лишены жизни, или те, кто упал с высоты, если приблизятся к этой могиле с верой в сердце, излечатся⁵⁵.

В нашу эпоху леворукость все еще приравнивается к уродству («Левшей боятся так же, как необычных существ или монстров, так как они редко встречаются в странах», — считалось еще в 1914 г.⁵⁶). Однако, как мы вскоре убедимся, леворукость будет восприниматься не столько как физиологическая, сколько как психическая аномалия. Согласно убеждению, что деформированное тело несет в себе деформированный дух, предпочитать левую руку правой означает извращать душу.

Ужасная наследственность

В старой шотландской легенде, дата создания которой теряется во мраке времен, речь идет о роде, носящем имя Керр, большинство членов которого является левшами. В народной балладе говорится:

Но Керры были худшими из врагов,
С которыми когда-либо сталкивались англичане,
Ибо все они были левшами
И никто не мог сразиться с ними⁵⁷.

Фамилия Керр, встречающаяся в источниках по меньшей мере с XIV в., происходит от гэльского сеагг (или

сает, что значит и «левый», и «зловредный»), которое, в свою очередь, происходит от латинского *segitus* — безумный. От него во многих английских диалектах появились *left-handed* и *carry-handed* для обозначения левши. Дополненные своим превосходством Керры стали строить замки в Шотландии, в которых лестницы закручивались влево вопреки здравому смыслу⁵⁸.

Эта легенда о Керрах свидетельствует о том, что вера в глубокие корни леворукости очень стара. Только в последнюю треть XIX в. после революционных открытий биологии и генетики эта вера приняла форму научного знания. В то время люди все чаще и чаще склонялись к мысли о том, что леворукость — клеймо таких категорий человеческих существ, как слабоумные, преступники, «низшие расы» (см. далее), а также некоторых отдельных семей. Это наследственная черта, в той или иной степени пагубная, имеющая атавистический характер и передающаяся от поколения к поколению. Законы, которые управляли этой чертой, не должны были подвергаться сомнению, какими бы забавными они не казались:

Я утверждаю, что в большинстве случаев существует наследственная предрасположенность к леворукости, и никаким воспитательным методом, по крайней мере в детстве, ее не исправишь. Я могу привести в пример мою собственную семью, где в течение по меньшей мере трех поколений старшие сыновья — например, мой дед по отцовской линии, мой отец и я сам — левши⁵⁹.

Самые значительные ученые подтверждали теорию о генетическом характере леворукости. Так, например, в 1877 г. Чарльз Дарвин, узнав, что его новорожденный ребенок — левша, отмечает в своем дневнике:

Никакого сомнения, что эта предрасположенность — наследственная. Его дед, его мать и один из его братьев разделяют ее вместе с ним⁶⁰.

Теперь и врачи знали, какой диагноз ставить. В случае леворукости, как и со многими другими болезнями, наследственность является решающим фактором. Точнее, левшой становятся из-за «ужасной наследственности»⁶¹. Этим выражением, столь же неблагозвучным, сколь обманчива та действительность, которую оно отражает, так и пестрят страницы научных трудов того времени. Однако в некоторых случаях оно вызывает законное чувство беспокойства. Наша собственная семья, предрасположена ли она к этой болезни? И если да, то как разорвать порочный круг? Так, в «British medical record»⁶² от 17 октября 1885 г. кто-то записывает свои мысли⁶³. Его мать, вспоминает он, была левшой. Сам он — амбидекстр (что по-своему подтверждает, что он унаследовал болезнь матери) и честно признает, что это помогает ему в его профессии (он хирург). В то же время его беспокоит, что четверо его детей проявляют явную склонность к леворукости, несмотря на все его старания переубедить их. Что это значит? Нет ли в этой склонности своего рода семейного проклятия?

Яркие примеры подобной зависимости, о которой кричат повсюду, к несчастью, лишь подтверждают эту теорию. Посудите сами: у г-на X, правши, есть брат-левша, все пятеро детей которого тоже левши. Этот г-н X женится на г-же Y, левше, чей отец и пятеро братьев и сестер тоже левши. В этом «рискованном союзе» появятся по меньшей мере четырнадцать детей-левшей⁶⁴! Законы генетики непредсказуемы и неумолимы. К тому же именно в том, что «составляет церебральный порок, приобретаемый индивидумом и передающийся его семье»⁶⁵, манчизм (итальянский термин, производный от *mançino* — левша), характеризуется «неизлечимостью»⁶⁶. Медицинские записи пестрят упоминаниями о неисправимых левшах. Еще больше волнений вызывает то, что никакая се-

мья правой, сколь бы чистой она не была, не застрахована от несчастья. Достаточно того, чтобы волей случая в родовом древе появился левша, и все, заражение произойдет и будет угрожать потомству:

Здоровая праворукая клетка воспроизводит себя по отцовскому типу поколение за поколением, однако происходит сбой, ошибка, и появляется ребенок-левша, «паршивая овца», идиот⁶⁷.

Эта последняя цитата ясно показывает, что теорию об ужасной наследственности леворукости отделяет один шаг от теории о том, что леворукость является видом дегенерации, пороком или признаком принадлежности к низшей расе. И конечно, многие делали этот шаг.

III. ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕДОЛЮДЕЙ

Признак дегенерации или принадлежности к низшей расе

Мы объединили дегенерацию и принадлежность к низшей расе в одной главе, потому что так предлагают сами источники. Начиная с последней трети XIX в. вплоть до 1920-х гг. в мире зарождается определенная форма риторики, которая использует леворукость для того, чтобы исподволь продвигать захватывающую теорию. Итак, леворукость — общий признак всех недолюдей. Она затрагивает дегенератов, т.е. тех, кто потерял признаки своей расы; однако в широком смысле слова она затрагивает и низшие расы. В общем, левшей по определению больше среди женщин, чем среди мужчин, и среди рабочих классов, чем среди правящих кругов.

В 1882 г. в письме к Французской Ассоциации по Продвижению Наук доктор Гаэтан Делоне перечислил неко-

торые основные истины, которые он за несколько лет до этого развил в своих «Исследованиях сравнительной биологии»:

Высшие расы редко вынашивают в своей среде левшей. Напротив, леворукость часто встречается у некоторых низших рас.

Леворукость чаще встречается у женского пола, чем у мужского.

Многие умственно отсталые являются амбидекстрами или левшами. Многие эпилептики — левши.

Вывод. — В истории человечества эволюция означает переход от леворукости к праворукости, о чем свидетельствуют высокоразвитые индивиды⁶⁸.

Несколько позднее, Виктор Галипп, прибегнув к иезуитскому стилю, который мог бы вызвать улыбку, если бы тема не вызывала столько эмоций, доказывает следующую истину:

Каждый раз, когда человек несет в себе какой бы то ни было признак физического уродства (косоглазие, пигментные пятна, леворукость, шестой палец, заячью губу, прогнатизм, любую аномалию в нормальном строении тела), он становится также носителем и отклонений морального и интеллектуального характера, которые делают его дегенератом, хотя, несмотря на психическую неуравновешенность, которой отличаются большинство подобных людей, он и может обладать какими-либо доминирующими способностями⁶⁹.

На рубеже веков эта теория о том, что леворукость является «физиологическим признаком дегенерации», была очень распространена. Ее преподавали в медицинских школах, ее склоняли на все лады на страницах медицинских журналов и докторских диссертаций⁷⁰. Ее непредвиденные эффекты не могли не проявиться несколько позже, после того как Чезаре Ломброзо, известный криминолог, признал за этой теорией огромное социальное значение. В 1903 г. Ломброзо заявил, что ле-

леворукость, другими словами, преобладающая чувствительность левой стороны тела, вне зависимости от предпочтения той или иной руки, является более распространенным феноменом, чем кажется, так как затрагивает около 20 % «нормального населения». Таким образом, уточняет он, исследования показали, что с 44% эта психофизиологическая особенность фактически «является нормой» у людей, страдающих расстройствами личности⁷¹. Автор разделяет мысль, что исследуемая леворукость является стагнацией, если не регрессией интеллектуальной эволюции:

Учитывая, что асимметрия человеческого тела увеличивается в той же степени, что растет человек и что мозг относится к числу органов, которые развиваются значительно больше всех, он становится все более асимметричным за счет работы. Таким образом, цивилизованное существо по мере своего усовершенствования все более развивает правую сторону по сравнению с существом, оставшимся в диком состоянии. Тот же феномен действителен и для мужчин по отношению к женщинам, и для взрослых по отношению к детям. Это объясняет тот факт, что женщины и примитивные расы, хотя и не являются сплошь левшами по определению, более склонны к леворукости. <...> Это также объясняет и почему в древние времена и вплоть до наших времен некоторые малоцивилизованные народы, как, например, арабы, пользуются письмом справа налево, как дети, пока их не научат писать правильно⁷².

Скрытый реализм нашел отклик у последователей Ломброзо. В 1913 г., например, на страницах одного популярного английского журнала некий Э.Т. Брюстер, основываясь на доводах итальянского ученого, делал вывод, что особое значение левой стороне тела придают чаще всего «низшие социальные классы, в отличие от высших, негры, в отличие от белых, дикари, в отличие от цивилизованных людей»⁷³. Приблизительно в те же годы немец Штиер рассматривал леворукость как признак «дегенера-

ции» и утверждал, что левши являются «представителями вида организации, находящегося на грани исчезновения»⁷⁴. Он доказывал свою идею на основании часто встречающейся леворукости у эпилептиков (приравнивающих к истерикам) и умственно отсталых. В 1916 г. бельгийка Йотейко присоединилась к своим предшественникам, заявив, в свою очередь, что «левши, как карлики или великаны, <должны> оставаться исключением, так как любой вид тяготеет к сохранению своей нормы»⁷⁵.

В статье, опубликованной в 1919 г. в немецком психиатрическом журнале, Рудольф Гантер исследует эти сомнительные тезисы⁷⁶. Собранные им статистические данные указывают на 21,9% левшей среди эпилептиков и 18,7% среди слабоумных (против 2–6% среди здорового населения). Таким образом, цифры свидетельствуют о связи между леворукостью и психическими расстройствами. Это позволило утверждать, что «каждый ребенок-левша страдает от задержки в умственном развитии»⁷⁷ и что использование правой руки способствует «успехам в школе и развитию интеллекта»⁷⁸.

Чтобы подкрепить свои выкладки, Рудольф Гантер проводит перепись пациентов психбольницы, у которых хотя бы один из родственников — левша. Он приводит полученные цифры в той же статье:

Эпилептики — 45,9%

Умственно отсталые — 45,8%

(согласно Гантеру, 1919 г.)

Итак, левша присутствует в окружении фактически одного душевнобольного из двух! Эти цифры, несмотря на всю свою абсурдность, свой циничный и явно ошибочный характер, показывают, насколько предрассудки и предубеждение против левшей могли ослепить автора.

Из всех псевдонаучных исследований, которыми изобилует «Прекрасная эпоха» (весьма сомнительное название, особенно в том, что касается левшей), остановимся

подробнее на том, что написал сэр Джеймс Крайтон-Брайун в 1907 г. Вот уж истинный образчик невольного бурлеска!

Не могу с уверенностью сказать, как дело обстоит на данный момент, однако могу засвидетельствовать, что еще совсем недавно в суде, епископате и Парламенте Англии не было ни одного левши или амбидекстра. Подтверждаю также, что в данный момент ни среди членов Лондонской Королевской Академии, ни среди ее ассоциированных членов, ни среди членов Шотландской Королевской Академии, ни среди ее ассоциированных членов нет ни одного левши или амбидекстра. Напротив, абсолютно ясно, что эта особенность весьма распространена среди умственно отсталых⁷⁹.

В подтверждение своим словам автор сообщает, что в Дарентской школе для умственно неполноценных 50% чешшей среди больных микроцефалией — аномалией мозга, выражающейся в уменьшенном объеме мозга.

Сколь бы фантастичными не казались эти предположения, однако даже в наши дни им удается посеять в людях сомнения. Ведь даже если факты были собраны без научной точности, с представленной статистикой не поспоришь: среди нормальных людей левшей меньше, чем среди людей, страдающих психическими расстройствами. Какие же из этого следуют выводы? Объяснение этому феномену озадачивает своей простотой и кажется не постижимым, что никто до него не дошел: если дети с запаздывающим развитием и оказываются левшами чаще других, то исключительно в связи с врожденной неспособностью к адаптации. Изначально они не более других склонны к леворукости, просто у них ее невозможно исправить. Когда уравновешенный и в меру одаренный ребенок-левша к добру или к худу подчиняется тирании правшей (и тем самым становится правшой для статистики), ребенок-левша, страдающий нарушениями в физическом, психологическом или интеллектуальном развитии,

этого сделать не может. Достаточно с него и того, что с тем малым, что ему доверила природа, он хоть чему-то учится. Противоречить собственной природе ему не под силу. Он родился левшой, левшой он и останется. Соответственно не то, чтобы процент левшей среди умственно отсталых был непомерно высок; напротив, процент левшей среди нормальных людей непомерно низок (около 3%) в связи с оказываемым на них социальным давлением⁸⁰. Вот в чем заключается невероятный паралогизм, из-за которого ученые пытались связать леворукость и умственную неполноценность. Их логику можно сравнить с той, что попыталась бы утверждать, что больницы опасны для здоровья только потому, что в них самый высокий процент больных.

Потому удивительно, насколько подобная логика оказалась живучей. Накануне Второй мировой войны она все еще царила среди самых авторитетных врачей. Так, осенью 1934 г. во время одного из заседаний французского Общества судебной медицины нейропсихиатр Жак Рубинович, признанная фигура в парижских научных кругах⁸¹, авторитетно заявлял:

Изучая детей с ненормальным развитием, которых я наблюдаю, я обнаружил, что леворукость встречается среди них намного чаще, чем среди детей из обычных школ. Хотя леворукость редко проявляется у глухонемых, которые от природы правши, то левшей среди детей умственно отсталых, умственно неполноценных и т.д. намного больше, чем правшей. Отсюда я делаю вывод, что леворукость в большей степени является следствием врожденной и природной аномалии, чем упущением воспитания⁸².

Некоторое время спустя, английский ученый Сирил Берт, один из основоположников статистических методов в психологии, опубликовал результаты опроса, проведенного среди пяти тысяч мальчиков и девочек⁸³. Он об-

наружил, что процент леворукости находится в обратной зависимости от уровня развития. Другими словами, чем более выражена была умственная отсталость, тем чаще встречались левши.

	Нормальные	Отсталые	Слабоумные
Мальчики	5,8%	9,6%	13,5%
Девочки	3,7%	6,0%	10,3%
В общем	4,8%	7,8%	11,9%

Зависимость между леворукостью и умственным развитием (по данным С. Берта, 1938 г.)

По мнению автора, это идеальное соответствие критериев выявляло не только зависимость между леворукостью и умственным развитием, но и тем самым показывало «влияние» первой на второе⁸⁴. Предпочтение левой руке, не являясь единственной причиной, все-таки казалось благоприятной почвой для психомоторных нарушений. К тому же Берт много раз имел возможность удостовериться в верности своей теории, наблюдая за своими пациентами:

Дети-левши испытывают значительные трудности во всех формах сложной мускульной координации. Это в особенности верно для тех, кого я отношу к амбидекстрам: они косят, заикаются, волочат ноги, переваливаются, словно тюлени вне воды. Неуклюжие в повседневной жизни и увальни в играх, они ни к чему не пригодны и ничего не умеют. Очевидно, что их общая неспособность проистекает из нестабильности их характера и недостатка умственного развития. Для большинства из них контроль и уравновешенность нервной системы фактически не проявляются ни в какой области: их преследуют тики, спазмы, странные и неукротимые мании, всевозможные второстепенные одержимости⁸⁵.

Конечно, каждый из наших читателей-левшей может узнать себя в столь проницательно составленном портрете...

Криминогенный фактор

В 1850 г. дикое происшествие повергло в ужас жителей местечка Баньоль-сюр-Сез, что в департаменте Гард. Двенадцать членов одной семьи, мужчины, женщины и дети, были найдены убитыми:

«Все... лежали посреди кухни. Двенадцать полностью обнаженных трупов были покрыты (в особенности тела мужчин) ранами и синяками, что свидетельствовало об отчаянном сопротивлении. Были видно, что убийство было совершено с определенной симметрией и адским хладнокровием, что вызывало еще больший ужас. Трупы были сложены рядами; у всех было перерезано горло! Врачи, осматривавшие тела, подтвердили, что все раны были нанесены режущим инструментом так, чтобы привести к неминуемой смерти, и нанесены одной рукой, тренированной, не дрогнувшей ни разу! Более того, многочисленные признаки указывают на то, что все смертельные удары были нанесены левой рукой»⁸⁶.

Жандармы захватили банду бродяг, которые были приговорены к смертной казни.

Убежденность присяжных в виновности того, кого обвинение представило главарем этой банды убийц, сформировалась под влиянием двух обстоятельств, доказанных в ходе слушания, которые подтверждали странные наблюдения врачей. Главаря звали Гаспаром, он лично перерезал горло каждой жертве. Этот монстр раньше *занимался хирургией, и он был левшой!!!*⁸⁷

Дикость, извращенность, леворукость: триптих демонстрирует внутреннюю связь, которая бросается в глаза любому. Деталь, проясняющая ситуацию: это убийство не вошло в судебные анналы ни как «Двенадцать смертей в Баньоль-сюр-Сез», ни как «Хирург-преступник», ни как «Убийство целой семьи». Его занесли как «Преступления Гаспара-левши».

Фактически во всех списках «известных левшей», которые мы знаем, фигурируют два имени: Джек-Потрошитель, чьи садистские деяния повергли в трепет викторианскую Великобританию осенью 1888 г., и Билли-Мальш (1859—1881), символ разбойников Дикого Запада. Однако в жизни ни тот, ни другой не были левшами.

Согласно отчетам судебного эксперта все убийства, приписываемые Джеку-Потрошителю, за исключением одного, были совершены правой рукой⁸⁸. Что касается Малыша Билли, то легенда о его леворукости (популярная вестерном Артура Пенна «Стрелок-левша» (1957) появилась из того, что его портрет на объявление о розыске был обратным дагерротипом, а значит, показывал мужчину, чей колыт висел с левой стороны⁸⁹. Однако, если исторически доказано, что ни Джек-Потрошитель, ни Малыш Билли не были левшами, почему же в массах все еще бытуют подобные слухи? У нас есть своя гипотеза на этот счет.

Криминология, научное исследование преступления, появилась на свет в последней трети XIX в. (т.е. как раз во времена Джека-Потрошителя и малыша Билли) и подверглась влиянию работ Дарвина о естественном отборе и в более широком смысле влиянию течения позитивизма. Эта область знаний быстро завоевала невероятную популярность и множество приверженцев по всей Европе, которые вплоть до Первой мировой войны собирались на многочисленные конгрессы. После чего она прекратила свое существование, став составляющей уголовного права, психиатрии или социологии.

Основателем и вождем криминологии был итальянец Чезаре Ломброзо (1836—1909), профессор судебной медицины в университете Турина; его слегка отдающие расизмом работы мы уже могли оценить выше. Его значительный практический опыт в антропометрическом, прачебном и психиатрическом обследовании привел его

к мысли о том, что преступление не столько связано с обстоятельствами (как, например, убийство из ревности), сколько является следствием врожденных психических отклонений. Согласно его теории существует тип людей, предрасположенных к преступлению, «врожденный преступник», либо атавистически воплощающий архаичный уровень человеческой эволюции, либо страдающий от дегенерации. Эта доктрина биологического детерминизма преступности, разделяемая многими из его современников, была в большой степени направлена против левшей. В книге «Человек преступный», опубликованной в 1876 г. и переведенной на многие языки, Ломброзо выводит типологию злодеев, разбирая присущие им физические, психологические и социологические черты. Среди этих черт он выделяет и «манчинизм», т.е. вид общей «леворукости», поражающей и члены, и чувства. Высокий процент левшей, который итальянский ученый обнаружил в туринской тюрьме, свидетельствовал о его успехах⁹⁰:

Случайные преступники.....	9 из 96, т.е. 9,4%
Врожденные преступники.....	28 из 145, т.е. 19,3%
Мошенники, фальшивомонетчики..	10 из 34, т.е. 29,0%
Воры.....	19 из 141, т.е. 13,5%
Убийцы.....	4 из 52, т.е. 7,7%
Сексуальные преступники.....	1 из 10, т.е. 10,0%
Женщины-преступницы.....	10 из 44, т.е. 22,7%

Учитывая, что среди нормального населения левши составляли в среднем 3%, Ломброзо доказывал, что среди преступников «манчинизм» мог достигать соотношения, в десять и более раз превышающего норму! Другими словами, было «очевидно», что преступники «чаще оказывались левшами, чем честные люди»⁹¹. «Я не утверждаю, что все левши — преступники, — писал Ломброзо.— Но я считаю, что леворукость, в сочетании со многими други-

ми факторами, может способствовать развитию худших черт в человеке»⁹².

Естественно, столь грубый и предвзятый анализ в наши дни неприемлем. Однако он был возведен в ранг одной из тех красочных теорий, которыми так изобилует XIX в. и которые оказали столь значительное влияние на умы эпохи. В 1900 г. один из критиков пишет о Ломброзо, что тот был «одним из наиболее известных людей нашего времени: в глазах обычных читателей он является великим ученым. Его имя связывают со многими теориями, которые мелькают в разговорах на улицах и повторяются толпами людей, ни один из которых ни разу в жизни не читал его книг. <...> Пресса, которая должна отражать общественное мнение, распространяет идеи Ломброзо, их вещают с высот парламентской трибуны, их кричат ораторы на собраниях»⁹³.

Этот критик прав в том, что теории Ломброзо были невероятно популярны потому, что льстили общественному мнению. Благодаря им самые архаичные предубеждения, среди которых и известное уподобление левши злодею, возводились в ранг научных истин. Глас народа внезапно получил право отстаивать свою предусмотрительность и прозорливость, которые приветствуют ученые круги. Это подтверждает неслыханная запись профессора Медицинской Академии Ланлонга, сделанная им в 1905 г.:

Теория леворукости, которую я называю патологической, лучше демонстрирует существующие отношения между этой физической аномалией и расстройствами ментального характера, как то преступность, безумие, эпилепсия и слабоумие, которым она часто сопутствует. <...>В корне того, что люди с опаской относятся к левшам и обращаются с ними, как с вестниками несчастья, следует видеть реальный факт, исследовать и подтвердить который можно только путем длительного наблюдения⁹⁴.

По примеру Ланлонга, десятки эпигонов без стыда и совести, объединяя криминальность, социальную маргинальность и психиатрию, будут вторить демагогии Ломброзо, создавая ему международную славу. То, что изначально было, может быть, рабочей теорией, предназначенной для узкого круга специалистов, станет общим местом медицинской литературы⁹⁵. Важная деталь: даже обычная литература будет распространять ее. В 1929 г. в Париже была поставлена пьеса Байарда Вейе, «Процесс Мери Дюган», в которой адвокат Джимми Дюган доказывает суду, что убийца был левшой. Последний акт заканчивается столь театрально, что публика должна застыть от ужаса:

Д ю г а н. Не могли бы вы осмотреть этот нож? Видели ли вы его когда-нибудь?

В е с т. Я видел его здесь, в зале суда.

Д ю г а н. Ну хорошо, я попрошу вас посмотреть на него внимательнее. Держите! *(Он бросает нож. Застигнутый врасплох, Вест отклоняется и ловит его левой рукой. Все женщины вскакивают со своих мест. Чрезвычайное волнение. Дюган, наблюдающий со стороны, бросается к нему и перехватывает левое запястье, блокируя руку, в которой зажат нож. Мадам Райс испускает пронзительный крик. Дюган вплотную подходит к Весту.)* Попрошу внести в качестве улики леворукость любовника Гертруды Райс и тот нож, которым он совершил преступление.

Закончим с темой преступности диссертацией «Левши в судебной медицине», написанной неким Жаном Адамом и защищенной в 1935 г. на факультете медицины в Париже. Следует сказать, что в его утверждениях нет ничего скандального. Он лишь приводит без задней мысли те факты, которые считает объективными. Именно потому они и являются столь симптоматичными для той эпохи. Беспрестанно ссылаясь на работы Ломброзо, Адам анализирует многочисленные случаи судебной практики, когда убийца действительно оказывается левшой. Целая глава

той работы посвящена доказательству того, что убийство, совершенное левшой, отличается от «классического» убийства, совершенного правой. Совершая преступление, левша сразу же выдает себя с головой:

Так, в 1806 г. Этли Купер⁹⁶, прибыв в Депфорд тогда, когда там был выстрелом из пистолета убит мужчина, заявил, что в связи с направлением раны и расположением местности, он считает, что стрелял левша. В окрестностях проживал только один левша; это был друг убитого, и его бы никто не заподозрил. Его вина была впоследствии доказана⁹⁷.

Левша — архетип коварного изменника; один из авторитетной эпохи напоминает, что в общественном сознании левая рука — это «рука предательства, что вероломно наносит удар»⁹⁸ — отмечает преступление своим роковым жестом. Физиологическая аномалия, от которой он страдает, не только оставляет на нем позорный знак, но и тут же выдаст следователю, кто совершил преступление. После ознакомления с различными фактами, приводимыми Адамом, у читателя возникает смутное ощущение, что леворукость и извращение связаны. Мало когда двойственный смысл слова *sinistre* приобретал такую силу:

Убийца может застать свою жертву спящей и нанести ей удар, означающий фактически мгновенную смерть. В подобном случае именно тщательный осмотр раны и ее направления будет играть важнейшую роль. Именно так при аутопсии [в деле X] этот осмотр позволил экспертам из Лиона определить, что убийца нанес удар левой рукой⁹⁹.

От трусости автор переходит к лицемерию:

Если... левша, ранив сам себя, объявлял себя жертвой одного или нескольких нападающих, то расположение ран с левой стороны придавало после первого же осмотра достоверность словам жертвы. Именно в таких случаях судебный эксперт должен помнить, что некоторые люди являются левшами, даже если их соседи и люди из их окружения об этом и не подозревают¹⁰⁰.

За лицемерием следует обвинение:

Наконец, следует тщательно изучить расположение трупа и окружающую обстановку, есть ли следы насилия и борьбы по расположению окружающих предметов или самой жертвы; были ли нанесены жертве раны в результате самообороны, и, наконец, тщательно зарегистрировать отпечатки пальцев, пятна и следы ногтей. Последние будут весьма важной уликой, если жертва умерла в результате удушения или асфиксии, вызванной давлением руки на рот и нос. Так, на трупе новорожденного ребенка, умершего в результате удушения, г-н Турде обнаружил на передней части шеи следы пяти пальцев, расположенные таким образом, что оставить их могла только левая рука. Мать была левшой, и эта особенность и стала одним из *отягчающих вину доказательств*, которые заставили ее признаться¹⁰¹.

Мы видим, что лже-легенда о леворукости Джека-Потрошителя и Малыша Билли, бытующая среди людей на протяжении многих лет, основана на предубеждениях, которые ученые тщательно воспитывали в общественном мнении. Даже в наши дни более или менее сознательно мы видим в левше воплощение той тени человеческой души, той «тревожащей странности» (*unheimliche*), о которой писал Фрейд¹⁰².

Отклонение

Если бы берлинский врач Вильгельм Флисс (1858–1928) не был другом Фрейда в течение пятнадцати лет, его имя было бы давным-давно забыто. В любом случае ни его теория о назальном неврозе, в которой он устанавливает связь между носом и женскими половыми органами, ни его объяснение бисексуальности не принесли ему места в пантеоне великих ученых. Однако мы не можем

умолчать о некоторых из его привычек, которые связаны с нетерпимостью в отношении левшей, столь характерной для его эпохи.

Флисс, может, и был по образованию ученым, однако он весьма интересовался оккультными науками. Он хорошо был знаком с теорией герметики, согласно которой противопоставление правого и левого повторяет изначальное противостояние мужского и женского полов¹⁰³. Этот вопрос стал в 1861 г. объектом известного эссе немецкого антрополога Йоганна Якоба Бахофена¹⁰⁴. Брауруя своим знанием инструментов психоанализа, Флисс видит в этом мифе о «сексуальной латеральности» способ интерпретации определенных невротических проявлений. Согласно его теории, каждый индивид, будь то мужчина или женщина, символически проявляет в левой половине тела характеристики противоположного пола. Согласно здравому смыслу, каждый здоровый человек с правильной сексуальной ориентацией — правша. Напротив, если он предпочитает левую руку — правой, он может считаться извращенцем, и наоборот:

В случае леворукости может преобладать характер противоположного пола. Не только это утверждение правдиво, но и обратное ему: если женщина мужеподобна, или мужчина слишком женствен, то он или она отдает предпочтение левой стороне. Знающий это правило обладает магическим кольцом, способным вычислить левшу. Эта диагностика никогда не ошибается¹⁰⁵.

Для Флисса разница между правой и левой отражает разницу между гетеросексуалом и гомосексуалом. Зная, что в те времена гомосексуализм приравнивался к преступлению и грозил тюремным заключением (в соответствии с прусским законом, который был отменен только в 1969 г.), можно не сомневаться, что эта теория только способствовала пониманию леворукости как от-

клонения. Ломброзо и его последователи сделали из леворукости признак дегенерации, умственной отсталости, преступности, психического расстройства, принадлежности к низшей расе. Для полноты картины оставалось только приплести сюда сексуальное извращение. Психоанализ (или, скорее, его предшественники) пришелся весьма кстати. Следующее заявление дает ясно понять, что Флисс следовал пути, проложенному его предшественниками, и его идея была не более, чем все той же идеей исключения, не отступающей ни перед какими краткими путями демагогии:

Учитывая, что это проявление дегенерации <леворукость> состоит в изменении мужских и женских качеств, становится понятно, почему проституция и преступность несут в себе столь большое количество левшей¹⁰⁶.

На самом деле эти выводы повторяют в слегка завуалированной форме традиционные предубеждения пуританского общества XIX в. Они ли соблазнили австрийского психоаналитика Вильгельма Штекеля (1868—1940)? Страшно даже подумать об этом. Однако в своей работе «Толкование снов», опубликованной вскоре после работ Флисса, он предлагает способ анализа, весьма близкий к идеям его коллеги:

Правая дорога всегда означает дорогу добра, левая — дорогу преступления. Так, слева окажутся гомосексуальность, инцест, извращение; справа — брак, отношения с проституткой и т.д. При этом учитываются и моральные воззрения спящего¹⁰⁷.

Если сопоставить теорию Флисса с теорией Штекеля, то можно увидеть существование иерархии ценностей с сильной сексуальной коннотацией. Посещение проституток обществом, может, и не одобряется, однако с точки зрения естественной морали в этом нет ничего противозаконного. Напротив, это вполне объяснимый им-

нудыс любого нормального мужчины, потому он находится с той же стороны, что и брак, справа, со стороны нормы и приличий. Напротив, женская проституция, педерастия и другие сексуальные отклонения являются проведением левой стороны и леворукости. Доводы против левшей в данном случае объединены с женоненавистническими и гомофобными аргументами.

Хотя сам Фрейд и не поддерживал бессодержательность (и нам хорошо известно, почему) подобных схематичных рассуждений, они были весьма убедительны и встречали весьма теплый прием у общества, всегда готового принять новые идеи, которые не опровергают старые предрассудки. Именно благодаря их влиянию, например, в немецком языке существуют аллюзивные выражения *linksgewebt*, *linksgestrickt*, *linksgewicht*, а в английском — *left-handed* и *bent* для обозначения сексуальной ориентации, отличающейся от нормы¹⁰⁸. И именно Флису и Штекелю мы обязаны существованием неясных теорий об интерсексуальности — другого имени для гермафродитизма, специалистом по которым в 1930-е гг. являлся Историо Мараньон. Согласно этому автору, многие великие деятели прошлых лет, как, например, Тиберий, Леонардо да Винчи и Людовик II Баварский, страдали от так называемой «сексуальной застенчивости», т.е. «нарушением нормального инстинкта», заключающегося во врожденной неспособности проявлять мужественные черты характера (своего рода скрытый гомосексуализм). Из того, что эти исторические персонажи были левшами, Мараньон вывел с некоторыми диалектическими судорогами теорию, что «интерсексуальность чаще встречается у левшей, чем у нормальных людей»¹⁰⁹. Конечно, подобный спор о сравнительных достоинствах левшей и гомосексуалистов мог вестись только вокруг понятия *анормальности*.

IV. ПИК НЕТЕРПИМОСТИ

Даже учитывая все головоломки, которые нам подкидывает изобилие материала того периода, один факт остается неизменным: по всей Европе в период от последней трети XIX в. до Первой мировой войны были написаны самые мрачные страницы в истории левшей. Хотя враждебность по отношению к ним существовала всегда (об этом мы еще будем говорить в следующей главе), она никогда не демонстрировалась столь откровенно и столь организованно, как в ту эпоху.

Сложно выявить причины этого феномена. Можно подумать, что определенные черты буржуазной культуры того времени повлияли на расцвет этой неприязни. Господство Церкви в вопросах семьи и брака, пуританизм, прославление отеческой и материнской опеки, культ собственности и культ денег, подъем националистических движений (и обострение ксенофобии, которая за ними следует), отрицание эгалитарных утопий эпохи Просвещения, все возрастающая сила научного догматизма (к которой относятся и теории о социальной патологии и биологическом детерминизме) — все эти факторы, несомненно, повлияли на предпочтение единообразия и неприятие исключений любого характера. Какими бы не были глубинные источники сложившейся ситуации, очевидно, что под маской академического авторитета, здравомыслящее общество той эпохи выражает свое презрение всем элементам человеческого социума, которые не соответствуют его идеалу. Дискриминация левшей, во многом столь примитивная, столь спорная, кажется, была всего лишь поводом для того, чтобы сочетать сомнительные теории и узаконить консервативную идеологию (весьма показательно, что во Франции термин «гошизм», означающий политические мнения парламентской оппозиции,

с 1860-х гг. стал применяться к левшам. В определенной степени, левши, по мнению гошистов, представляли угрозу установленному порядку). Объединять, как некоторые не постеснялись сделать, высшие расы и классы в категорию правшей и, напротив, всех выходящих за рамки обычного, пролетариев, шизофреников, преступников, проституток, слабоумных, педофилов и других изгоев в категорию левшей, значит схематизировать жизнь, разделить ее на две антагонистические группы и отменить все возможные варианты другого взаимодействия. Вся система рассуждений о левшах — пример реакционного и прищипательного мышления, а точнее, она продолжает констатироваться в тех низостях, которые Берталь в 1880 г. назвал «комедией нашего времени».

Хотя эта эпоха и была весьма немилостива к левшам, но дело тут не только в обскурантистских идеях; как ни парадоксально, свою роль сыграли и гуманистические, и республиканские ценности.

Как мы покажем в следующей главе, школа всегда была одним из самых эффективных средств в борьбе против леворукости, так как в ней детям, вне зависимости от их природных склонностей, навязывали использование правой руки при письме. Потому в течение многих веков необразование — вечное бедствие низших слоев общества, в особенности деревенских¹¹⁰, — является, если можно так сказать, самым верным укрытием леворукости. Об этом свидетельствует источник конца XVIII в.:

В наших деревнях можно обнаружить крестьян-левшей... ибо природа некоторых из них не испорчена злоупотреблением образования¹¹¹.

В течение последующего века публичное образование получило значительное распространение. Ни один из слоев населения не мог теперь ускользнуть от влияния школы, безусловно просветительного, но и приводящего

к единой норме. В 1882 г. все маленькие левши Франции, каково бы ни было их социальное положение и где бы они ни жили, попали в унизительное рабство к декстократии и должны были во имя равенства отречься от своих природных склонностей. Источник того времени недвусмысленно дает понять роль образования в «приведении к нормам» населения:

Нам доложили о двух левшах, которые примитивным способом писали левой рукой, и только в школе их заставили *писать нормально*. Конечно, действие этого правила *неизменно* — учиться писать правой рукой, что действительно и для некоторых других видов деятельности. Во многих семьях детям не позволяется использовать левую руку за столом, когда они едят. Нам ясна важность этого образования, которое в целом делает правую руку более ловкой, чем левую. Мы не сомневаемся в том, что если бы мы предоставили крестьянам волю пользоваться той рукой, которой они пожелают, то впоследствии некоторые индивиды продолжали бы писать левой рукой¹¹².

Вторая половина XIX в. позволила при помощи массового общественного образования восторжествовать гегемонии правой руки. В 1828 г. сторонний наблюдатель еще мог написать:

Еще не редкость встретить людей, которые от рождения предпочитают делать все левой рукой и всю свою жизнь сохраняют большую точность и уверенность движений левой руки, чем правой¹¹³.

Однако менее века спустя подобное наблюдение уже невозможно. В 1919 г. один автор пишет, что левша, удивительным образом сохранивший способности своей левой руки, — «*весьма редкое исключение*»¹¹⁴. Тем временем буржуазная мораль и принудительное действие образовательного института добились своего.

V. ПРЕСЛЕДУЕМАЯ ЛЕВОРУКОСТЬ

Учитывая, что леворукость считалась предосудительной с моральной точки зрения, вполне объяснимо, что ее стремились искоренить или, по крайней мере, ограничить ее тягостные последствия и приглушить самые явные ее проявления. Было необходимо «исправить эту аномалию»¹¹⁵, чтобы левша стал «правшой хотя бы для видимости в свете»¹¹⁶. Это была «цена, которую приходится платить цивилизации, совершенной и обладающей всевозможными талантами»¹¹⁷.

Пример леворукого сына Жака-Бартельми Сальга в 1810 г. весьма красноречив. Изначально отец считал, что сыну «все равно, какой рукой пользоваться», однако, когда добрый аббат показал ему, что «религия и философия требуют <...>, чтобы люди отказались от использования левой руки», он приказал сыну подчиниться правилу. «Долг <родителя> заставить ребенка держать ложку в правой руке»¹¹⁸, это долг перед здоровым обществом. Невозможно потерпеть подобного нарушения установленного порядка. Тяжелой рукой следует возвращать в строй всех, кто выходит из него.

Как мы постараемся продемонстрировать позднее, похоже, что репрессии против леворукости начались именно с Нового времени. Запрет на использование левой руки в повседневной деятельности появился во второй половине XVI в. Мало-помалу он распространяется на все слои общества и становится фактически универсальным законом хорошего тона. С этого момента левша становится нарушителем, против которого применяются санкции. Однако в чем же заключались исправительные методы? Ответ на этот вопрос мы находим лишь в более поздних источниках, свидетельствах от первой руки XIX в. и отчетов врачей и психологов начала XX в. Каки-

ми бы ясными эти данные не были, нужно использовать их весьма осторожно, стараясь избежать излишних обобщений, так как они прежде всего свидетельствуют о беспрецедентном фанатизме, направленном против левшей. Ничто не может гарантировать, что принудительные меры, которые господствовали еще несколько десятилетий назад, были введены в действие во времена более отдаленные. В связи с нехваткой данных мы вынуждены ограничить данную главу определенными историческими рамками, которые охватывают период от 1850-х гг. вплоть до послевоенного времени.

Вернуть праворукость

Во времена, к счастью, нас миновавшие, однако влияние которых сохранилось до сих пор, считалось необходимым «ожесточенно бороться против леворукости, рассматривая ее... как порок, бесчестие или последствие неправильного или недостаточного образования»¹¹⁹. Этот *крестовый поход против левшей*, который является одним из наименее славных периодов в истории педагогики, затронул все аспекты жизни — политический, семейный, образовательный, медицинский и нравственный — и проводился весьма массово. Накануне Второй мировой войны специалист по вопросам леворукости мог бы сказать:

Левшей, не подвергнутых воздействию со стороны педагогов, фактически невозможно встретить во Франции. Мне лично известны лишь два случая, когда это воздействие не было достаточно сильным или продолжительным (каким бы оно ни было), чтобы не принудить к использованию правой руки при письме. В одном случае речь идет о молодом человеке, который до 7 лет отчаянно сопротивлялся всем попыткам научить его пользоваться правой рукой при еде, письме

и рисовании, после чего его воспитатели опустили руки. Во втором случае <воспитатель> попытался ввести метод обучения, развивающий обе руки, и ведущая роль левой руки проявлялась все более явно¹²⁰.

Подумайте, насколько за полвека может измениться менталитет! В наши дни индустриальной демократии, в которых понятие отдельной личности занимает все более значимое место, когда права человека являются основной ценностью, никому и в голову не придет запрещать ребенку пользоваться левой рукой. По иронии судьбы теперь подобная попытка приравнивалась бы к психическим нарушениям.

В наши дни невозможно и представить себе то сильнейшее нравственное давление, которому подвергались дети-левши. Постоянно подвергаясь попыткам «вернуть его к праворукости» (именно так это и называлось), он подвергался бесконечным преследованиям во враждебном мире, который отказывал ему в праве быть отличным от других, чего сам ребенок, как можно предположить, не понимал. Анализируя чуть ли не сюрреалистические аргументы, которыми обосновывалась законность подобных действий, можно представить себе атмосферу абсурдности, царившую в те дни:

Чувство сродни отвращению, которое вызывает вид действий левши, объединяет как зрителей-правшей, так и самих левшей. Это доказывает, до какой степени мы привыкли отдавать главенствующую роль правой руке. Эта отвратительная неловкость открывается отцу и матери, когда они видят, что их дети пользуются левой рукой. Она заставляет их исправлять без промедлений и без жалости эту ужасную склонность¹²¹.

Педагогические меры, предпринимаемые в этом отношении, имели множество разновидностей, давая воспитателям возможность варьировать свое воздействие в зави-

симости от сложности случая и степени сотрудничества ребенка:

- Побуждение: систематически подавать ребенку разные предметы, чтобы он брал их правой рукой.

- Убеждение: «Сделай так славной ручкой», «Возьми своей милой ручкой», «Возьми ложку ручкой маленького Иисуса».

- Разубеждение: «Левая рука — это рука дьявола», «Не прикасайся своей плохой рукой».

- Унижение: подвергнуть ребенка граду насмешек («криворучка», «косолапый»), указывая на него, как на дурной пример.

- Внушение чувства вины: «Это страшный грех — использовать левую руку».

- Авторитарность: упреки, угрозы, наказания.

К нравственным способам перевоспитания часто прибавляли и физические методы воздействия:

- Грубость: удары по пальцам, пощечины, наказание плетью и т.д.

- Запрещение/ принуждение: физически ограничивать действие левой руки, чтобы ребенок пользовался правой¹²².

Например, в одном из источников 1870 г. говорится:

В определенный период моего детства для того, чтобы подавить мои природные наклонности, мне привязывали ремнем на несколько недель левую руку к телу¹²³.

Тот же случай, однако описанный с точки зрения врача:

Нам пришлось применить силу и привязать левую руку, чтобы заставить его пользоваться правой рукой¹²⁴.

Даниель Уилсон (1891) рассказывает историю молодых родителей, которые, увидев, что их ребенок выказывает явное предпочтение левой руке, прибегли «ко всем возможным средствам, чтобы отучить его от этого». Они привязали его руку за спину и, наконец, причинили ему

только физических мук, что стали бояться, что ребенок «просто останется калекой»! сами же родители... были левшами!¹²⁵ Позор леворукости настолько прочно укоренился в их сознании, социальное давление было столь велико, что они и не подумали избавить своего отпрыска от той жестокости, от которой сами они наверняка столь страдали в детстве.

Не менее трагичная судьба была и у американского художника Джозефа Пеннела (1857—1926). По мнению его родителей, он стал левшой в результате перелома правой руки в раннем детстве¹²⁶. Тем не менее, пока он учился в школе, его преподаватели во что бы то ни стало стремились «заставить его пользоваться правой рукой»¹²⁷.

Во Франции вплоть до 1960-х гг. эти методы, о чьей «мучительной природе»¹²⁸ умалчивали психологи, были распространены повсеместно:

В некоторых семьях плеть оставалась на столе все время, пока семья обедала, и каждый раз, когда ребенок спонтанно пользовался левой рукой, он получал удар плетью по пальцам¹²⁹.

Люси, которой только исполнилось 7 лет, нам объявила: «Когда мы встаем, воспитательница оборачивает мою руку картоном и завязывает его тесьмой... Я пришла, чтобы она мне снова завязала... Да, и так пока мы не ляжем спать»¹³⁰.

Из-за постоянных репрессий ребенок жил в состоянии вечного страха. Если его природная склонность и не была столь сильной, а его характер — упорным, маленький левша постоянно испытывал неудобства. Если он не мог обмануть сам себя, он обманывал своих воспитателей:

Я спросил у него: «Ты написал это правой или левой рукой?» Он ответил после секундного замешательства, что писал правой. Я сказал ему, что никто не будет его ругать, тогда он признался, что писал левой рукой¹³¹.

Муки скрытого левши

Нет смысла говорить о том, что подобные методы по меньшей мере затрудняли психическое и физическое развитие тех, кто им подвергался:

Часто случается, что скрытые левши с опозданием начинают ходить и говорить, их движения неловки и медлительны. Когда эти дети не успевают писать или читать в том же ритме, что и их одноклассники, или когда им требуется больше времени на выполнение задания, их обвиняют в том, что они ленивы, теряют время, что им не хватает внимания и т.д.¹³².

Левша, которому приходится, по принуждению или подражая, остановив зарождающийся порыв, воспользоваться левой рукой и учиться действиям, противным его сложению и его склонностям, естественно становится менее ловким, если не неловким, и его движения становятся неточными, несвязными, беспорядочными и замедленными. Потеря времени и неловкость — вот те черты, которые становятся психомоторными нарушениями у левши, которые не дают ему пользоваться левой рукой¹³³.

И эти неприятности не проходят со временем, но становятся вечным неудобством. Так, американский психолог Грэнвилл Стэнли Холл (1844—1924), который был левшой до тех пор, пока его воспитатели не решили изменить его натуру, не скрывал своей горечи от того вреда, который ему нанесло перевоспитание:

Я амбидекстр, если не левша. Вплоть до одиннадцати лет я писал левой рукой. Меня заставили писать, и мой почерк изменился. Я брал уроки рисунка, но мне не удалось извлечь из них ни малейшей пользы, и даже самые простые чертежи для иллюстрации моих лекций приходится готовить загодя по моим указаниям¹³⁴.

Самыми характерными нарушениями, сопровождающими скрытую леворукость, были нарушения речи.

Заставляя ребенка-левшу сломить сопротивление собственного тела и пользоваться правой рукой, воспитатели заставляли его отречься от собственной личности, разрушить внутреннюю гармонию. Это могло вызвать нейропсихологические нарушения или задействовать подсознательный защитный механизм, тем самым ведя к появлению трудностей с речью, например заикание:

Ко мне всегда приставали из-за моей несчастной левой руки. И я всегда заикался. Я работал в банке и машина меня успокаивала¹³⁵.

Охотно признавая, что причины возникновения могут быть различными, ортофонисты признавали заикание одним из классических «патологических заболеваний, сопровождающих скрытую леворукость»¹³⁶. Многие из них устанавливали прямую зависимость в половине случаев¹³⁷, другие — в трех четвертях случаев¹³⁸ или фактически во всех!¹³⁹

Другой соматической реакцией, вызванной подобным перевоспитанием ребенка-левши, могли стать проблемы со зрением¹⁴⁰. Ребенок, которого наказывают всякий раз, когда он использует «плохую» руку, начинает косить; так, у скрытого левши, страдающего от непримиримости своего воспитателя, проявляется страбизм, своего рода «заикание глаз», когда он видит 229 977 вместо 297¹⁴¹ или читает EFIGW вместо WIFE¹⁴².

Нарушения психологического и интеллектуального характера, более серьезные, чем функциональные нарушения, становились участью многих скрытых левшей:

Мне кажется, что у левшей вынужденное и фактически эксклюзивное использование правой руки препятствует развитию интеллекта и эмоциональности, затрудняет приобретение условных рефлексов; другими словами, превращает левшу в человека, не поддающегося обучению, а с течением времени и в человека с нарушенной психикой и зачастую с повышенной эмоциональностью¹⁴³.

У меня есть пациент, который, будучи ребенком, был силой принужден использовать правую руку для письма вместо левой и в течение многих лет пыток превращен в правшу. В течение сорока лет он не мог думать и писать одновременно. До сих пор он не может написать самое незначительное письмо, требующее концентрации. <...>Другой мой пациент по той же самой причине всю жизнь страдает от депрессии¹⁴⁴.

Некий Фредерик Тильни, страдающий от потери речи и нарушения органов движения, описал свое детство во второй половине XIX в. Несмотря на сдержанность его рассказа, можно легко вообразить те тяготы, которые ему пришлось пережить только потому, что он был левшой:

Прежде всего мне следует сказать, что я родился левшой. По крайней мере, мне так кажется, потому что с первых лет я все делал левой рукой. Старая няня-ирландка пыталась переделать меня в правшу. Она стала называть меня «kathoge». Это старинное гэльское слово, которое означает «левша», презрительное прозвище, подчеркивающее неполноценность того, к кому оно обращено. Меня это сильно задевало. Я достиг того возраста, когда нужно было учиться писать, и я, конечно, хотел писать левой рукой, однако эти попытки пресекла древняя традиция, на этот раз кельтская. К левой руке мне привязывали чулок, и мне ничего не оставалось, как писать правой. Итак, я научился писать правой рукой, но в остальном я по-прежнему был левшой. Я упорно ел левой рукой, как ем и сейчас, хоть эта привычка и делает из меня неприятного сотрапезника... Вот, по крайней мере, один недостаток, который моя отважная и любящая ирландская надсмотрщица не смогла из меня вытравить. Я играл в теннис левой рукой, а в баскетболе меня называли «southpaw»¹⁴⁵. Я вырос, смешав в себе привычки левши и правши, искусственный амбидекстр, но во всех видах деятельности, требующих ловкости и тренировки, предпочитал левую руку¹⁴⁶.

Ребенок-левша, сталкиваясь со всеобщей враждебностью, которую он непременно вызывал, развивал в себе

чувство вины или качества бунтаря, что формировало в нем определенную асоциальность:

Левша не воспринимает свою леворукость как недостаток. Однако на давление своего окружения он реагирует противодействием. Возможно два варианта: либо он не выдерживает, тогда его «превращают» перевоспитанием в «правшу» и он стыдится своей леворукости, что приводит к тому, что он становится неловок в управлении с обеими руками, то есть, застенчив и неприспособлен к власти... или он выстаивает все нападения, хотя и сохраняет определенную агрессивность и сильный дух противоречия, высокую чувствительность и неуверенность в общении с другими людьми. Это влияет и на его результаты: эмоциональность окрашивает и поглощает интеллектуальные способности. Ребенок чувствует себя ободенным, зачастую, так оно и есть¹⁴⁷.

В некоторых случаях, он бросается даже в преступность:

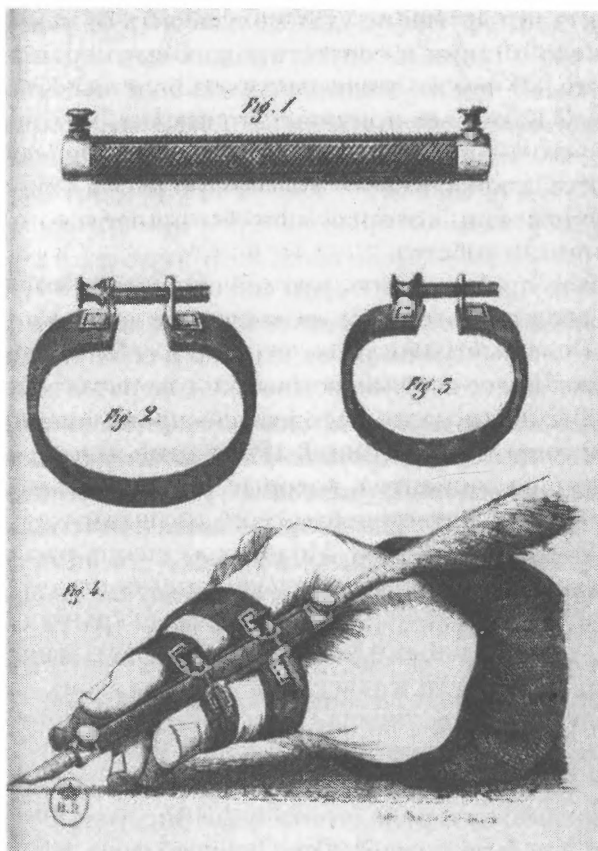
Из наших наблюдений ясно следует, что некоторые скрытые левши столь эмоциональны, что, будучи уязвленными или приведенными в отчаяние, они способны, среди прочих нехороших поступков, на мелкие кражи и правонарушения. Роль эмоционального состояния в совершении преступного деяния всем известна. Другие скрытые левши, напротив, становятся на вид пассивными и внешне не реагируют на свое окружение, так как чувствуют, что борьба их подавляет. Однако при первой же возможности или когда они чувствуют себя в безопасности от общества, они превращаются в «разъяренных баранов». Сложно предугадать, какую форму примет их месть и как она проявится¹⁴⁸.

Давление со стороны воспитания праворукости было столь сильным, столь ранним и столь длительным, оно проявлялось столь радикальным образом, не подвергая свои действия сомнению, что множество скрытых левшей стало так называемыми «подавленными левшами»,

т.е. они сознательно забыли о врожденных предпочтениях¹⁴⁹. Только случайное стечение обстоятельств открыло им, отчего они страдали:

С детства и в течении пятидесяти лет я страшно заикался. Мне было очень сложно говорить на публику и, чего и всегда опасался, слушать меня было невыносимо. Однажды у меня начались судороги в правой ладони, и мне пришлось учиться писать левой рукой. Ученье далось мне на удивление легко. Меньше чем через две недели я писал левой рукой столь же легко и почти столь же быстро, как и правой. Самым удивительным было то, что мой почерк нисколько не изменился. В банке моя подпись ни у кого не вызывала сомнений. Более того, через год или два мое заикание прошло само собой. Я не знаю, проявлял ли я ребенком признаки левши. Я исполнял даже сложнейшие действия только правой рукой и не отличался большей неловкостью, чем мои сверстники. Однако теперь у меня возникло чувство, что всю свою жизнь я был скрытым левшой¹⁵⁰.

Однако мало кому был дан тот же шанс открыть свои изначальные склонности и таким образом примириться с собственной личностью. Сами врачи долгое время оставались в неведении о подобной связи. Вплоть до конца XIX в. никто и предположить не мог, что скрытая леворукость может вызвать психомоторные нарушения. Так, в дипломной работе, представленной Королевской Академии Наук в 1845 г., доктор Жан-Жак Казнав описывает несколько случаев, в которых у пациентов внезапно отказывала правая рука. Так, «г-н X., торговец, пятидесяти лет от роду, весьма нервный, слишком впечатлительный, слегка заикается», внезапно, без каких-либо видимых причин не может держать в руке перо¹⁵¹. Лекарства, которые ему прописали, достойны пера Мольера (от «алкалинового душа» до «пиявок в заднем проходе», не забыв про припарки, «рвотный орех в больших дозах» и «натриевые

Протез, который служит для того, чтобы приучить человека писать правой рукой.

«Мой аппарат состоит из держателя пера (фрагмент 1), на котором расположены два крепления, и двух каучуковых кругов (фрагменты 2 и 3), каждый из которых в свою очередь обладает застежкой. Этот аппарат может без всякого неудобства надеваться на три первых пальца правой руки, которыми держат перо, так, как это показано на фрагменте 4» (Казнав, 1845 г.)

соли в горячем спирте»). Никакого результата. Ни этого пациента, ни других не удалось излечить от таинственного недомогания и сопутствующих ему нервных расстройств. «В чем же заключается эта болезнь? Какова ее природа? Каковы ее причины? Признаюсь, мне неизвестно ничего», — пишет отчаявшийся Казнав. Он изобретает протез, закрепляющий отказавшую руку в определенном положении, который явно бы пришелся по вкусу сторонникам рабства.

Можно предположить, что сей аппарат не имел успеха. В любом случае бедные «подавленные левши» ни в чем от этого не выиграли, разве что стали себя чувствовать еще хуже. Более поздние источники говорят о том, что у некоторых из «подавленных левшей» проявились чуть ли не симптомы шизофрении. В 1924 г. один из врачей описал историю пациентов, которые, хотя и пользовались правой рукой, «чувствовали себя» левшами, хотя и не могли объяснить почему. Молодая женщина рассказала ему однажды, что «самым большим желанием ее жизни было стать левшой»¹⁵². В других случаях скрытый левша мог с «удивительными усилиями» скрывать свои природные склонности и утверждал вопреки всему, что ему чужда леворукость, так как считал ее «нежеланным и позорным клеймом, принижая, осмеивая и умаляя ее достоинства в глазах своего окружения»¹⁵³.

Несколько в стороне стоит случай Зигмунда Фрейда (а разве могло быть иначе?). Отец психоанализа, возможно, был скрытым левшой. По крайней мере, это следует из письма, которое он направил своему другу Вильгельму Флиссу в январе 1898 г., в котором он признается, что страдает от симптомов, которые могут означать подавление врожденных привычек:

Мне также приходило в голову, что ты считаешь меня частичным левшой. Если это так, скажи мне, меня это не оби-

дит. <...> Я никогда не отдавал себе отчет в предпочтении левой руки, ни сейчас, ни раньше, в детстве. Я бы скорее сказал, что в юные годы я с равной ловкостью владел обеими руками. Не могу противоречить вам только в одном. Не знаю, легко и четко ли разграничивают другие люди, у себя и у других, правую и левую руку. Я же всегда задумывался, где моя правая рука, никакое внутреннее чувство мне этого не подсказывало. Для того чтобы определиться, я должен был сделать движение, словно пишу. До сих пор мне приходится размышлять, прежде чем по позе людей определить, где у них правая, а где — левая рука. Может быть, это подтверждает твою теорию? Возможно, что моя слабая ориентация в пространстве проистекает именно из этого, равно как и моя неспособность к изучению геометрии или смежных с ней наук. Такова моя манера видеть. Однако я уверен, что могут найтись и другие объяснения, и если твоя интерпретация леворукости меня не устраивает, то тому есть, может быть, подсознательные причины. Если эти причины истеричны, они не имеют ничего общего с сюжетом нашего обсуждения, а только со словом, которое их обозначает. Может, и я совершил что-то, что можно совершить только левой рукой?¹⁵⁴

Фрейд написал Флиссу, что «его интерпретация левшей его не устраивает» потому, что, как мы уже видели, последний считал леворукость скрытым проявлением гомосексуальности. Убежденный, что левая рука заключает в себе определенные бессознательные сексуальные импульсы, Фрейд придерживался теории, что между леворукостью и онанизмом существует связь, табу, нарушить которое может «только левая рука».

Если в список различных психомоторных нарушений добавить и другие расстройства, как, например, чувство неполноценности, гипервозбудимость, беспокойство, а также ревматические боли в шее (кривошею), головокружения, недержание мочи — все те признаки, которые

врачи поствоенного времени называли «симптомами дислатеральности»¹⁵⁵, то можно от чистого сердца сказать, что побочные эффекты крестового похода против левшей были, по меньшей мере, разрушительны. Как бы ни был тяжел этот факт, но его приходится признать: из поколения в поколение меньшинство, единственный недостаток которого заключался в том, что левая рука для него была «хорошей» рукой в отличие от всего мира приносилось на алтарь социального конформизма. Со временем была принята воистину вредоносная политика в сфере образования, которая пользовалась одобрением, если не сказать поддержкой, науки.

Конечно, не все скрытые левши переживали свое обращение в правшей столь тяжело, как в тех случаях, как мы рассмотрели. Как мы увидим в дальнейшем, многие из них, столь мало они ни были психологически сильны или физически одарены, смогли противостоять деспотичному гнету декстрократии. Многие, как известно, даже смогли извлечь из этого определенную выгоду, развивая кто ловкость, кто изобретательность, кто силу характера. Однако скольким левшам пришлось страдать по сравнению со вполне довольными амбидекстрами? Сколько неудобств по сравнению с выгодами? Сколько падений и неудач по сравнению с успехами? Наконец, скольким маленьким левшам пришлось из-за обращения силой в правшей пережить то, что философ Мишель Серр называет «переправа через поток»?¹⁵⁶

¹ Французский психиатр Б. Морель (1809–1872) полагал, что основной причиной психических расстройств является наследственная отягощенность. Идеи Мореля были развиты во Франции Маньяном (1835–1916), в Италии – Ч. Ломброзо (1836–1909). Эти ученые созда-

чи теорию вырождения, дегенерации, психически неполноценных людей, согласно которой все психические расстройства носят наследственный характер и обуславливают неспособность душевнобольных к выживанию (*примеч. пер.*).

² Х. Йотейко, «Психофизиологическая теория праворукости» (J. Joteyko, «Théorie psycho-physiologique de la droiterie», *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, LXXXI, 1916, p. 515–543). Можно отметить, что данный отрывок на самом деле является плагиатом работы Ж. Хербера «Очерк о клинической теории праворукости» (J. Herber, «Essai d'une théorie clinique de droiterie», *Biologica*, 32, 15 août 1913, p. 234–240). В тексте ссылки на многих известных в то время авторов: Бенедикт Августен Морель (1809–1873), автор «Трактата о физических, интеллектуальных и моральных вырождениях человеческого вида» (1857) и «Трактата о душевных болезнях» (1860), в которых он, в пику эволюционным теориям и в соответствии с самой консервативной научной идеологией, выступает защитником теории о наследственном характере безумия. Во многом черпая вдохновение в работах своего предшественника, Жак Жозеф Валентэн Маньян (1835–1916) опубликовал «Клинические лекции по наследственному безумию» (1886) и «Клинические лекции по душевным болезням» (1890). Он разработал классификацию ментальных дегенераций и разделил людей, страдающих ими, на четыре типа: идиоты, имбецилы, дебильные и неуравновешенные. Виктор Галиппе и Чезаре Ломброзо, которых Йотейко также упоминает, играют ключевую роль в спорах по поводу леворукости, развернувшихся в конце XIX в. Мы еще обратимся к их работам.

³ Ориген, «О началах».

⁴ Это определение есть в «Толковом словаре французского языка» С.-П. Ришле («Dictionnaire français de C.P. Richelet», 1680), в Новом словаре Французской Академии («Nouveau dictionnaire de l'Académie française», 1718), словаре Треву («Dictionnaire de Trévoux», 1771), словаре Литтре («Le Littré», 1863) или Малый Ларусс («Le Petit Larousse», 1967). Для того чтобы оценить всю нелепицу подобного определения,

представьте себе, что «рыжеволосый» толкуется как «тот, у кого волосы рыжие вместо того, чтобы быть светлыми или темными», или, например, о темнокожем: «тот, у кого кожа черная вместо белой».

⁵ См. определение левши в толковом словаре Даля: «у кого левая рука служит заместо правой».

⁶ Вуэ Симон, французский живописец, 1590–1649.

⁷ Галерея эта должна была быть оформлена в виде своего рода символической генеалогии, от Сугерия (около 1081 – 1151), настоятель (с 1122) аббатства Сен-Дени, советник французских королей Людовика VI и Людовика VII, активно участвовавший в управлении государством, регент Франции в 1147–1149, когда Людовик VII находился в крестовом походе), до герцога Ледигьера (Ледигьер Франсуа де Бонн, герцог (1543–1627) – маршал Франции), возвеличивая тем самым политические и религиозные добродетели кардинала Ришелье. Это почетное задание он разделил с Филиппом Шампанским (1602–1674) – французский живописец. Портрет Гоше де Шатийона в настоящее время находится в Лувре (см.: В. Тюилье, Б. Брежон де Лаверне и Д. Лаваль, «Вуэ» (J. Thuillier, В. Bréjon de Lavergné à D. Laval, «Vouet»), каталог выставки Гран-Пале, 1990–1991, № 26).

⁸ В частности, Андре лю Шен, «История дома Шатийон-на-Марне» (André du Chesne, «L'Histoire de la maison de Chastillon sur Marne», Paris, 1621) (биография Гоше де Шатийона приведена на с. 330–351).

⁹ Так Гоше звали норманнского святого (1060–1140, см.: Acta sanctorum, t. 10, avril, p. 841–844), брата теолога Петра Цельского (XII в.; см.: Г. де Мартель, введение к кн. Петр Цельский, «Школа при монастыре» (Pierre de Celle, «L'école du cloître», «Sources chrét.», 240, p. 11); одного строителя собора Сан-Реми в Реймсе в начале XIII в. и монаха того же собора в XIV в. (см.: А. Винсен, «Эпитафия Гоше из Шарбоне» (H. Vincent, «L'épitaphe de Gaucher de Charbogne», Charleville, 1890). Также есть некий Гоше де Труа в «Метрической хронике Годфруа Парижского» в 1313 г. («Chronique métrique de Godefroy de Paris», éd. Vuchon, 1827). Отметим, что настоящее родовое имя Гоше произошло не от значения леворукости, а от имени. Только

Senéquier происходит от senestrier, «левша» на старофранцузском (Альбер Доза, «Этимологический словарь имен и фамилий Франции» (Albert Dauzat, «Dictionnaire étymologique des noms de famille et des noms de France», Paris, Larousse, 1951).

¹⁰ А. Соваль, «История и исследование древностей города Парижа (до 1660)» (H. Sauval, «Histoire et recherches des antiquités de la ville de Paris (avant 1660)», éd. Paris, C. Moette, 1724, t. II, p. 168).

¹¹ Дж. Вазари, «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», т. 5.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ S. Serlio, Il Secondo libro di prospettiva, 1551 // А.О. Делла Кьяма, «Все художественные работы Леонардо да Винчи» (A.O. Della Chiesa, «Tout l'œuvre peint de Léonard de Vinci», Paris, Flammarion, 1968, p. 10).

¹⁵ П.-Ж. Мариэтт, «Справочный указатель и другие неизданные заметки об искусстве и художниках» (P.-J. Mariette, «Abecedario et autres notes inédites sur les arts et les artistes», éd. Ph. De Chennevières et A. de Montaiglon, Paris, J.-B. Dumoulin, t. III, p. 155). Любопытно, что Мариэтт говорит то же об Аспертини (которого, как и Леонардо, считали левшой): он был «очень странным и мыслил весьма причудливо» (ibid, т. I, p. 34).

¹⁶ Э. Мюнц, «Леонардо да Винчи. Художник, мыслитель, ученый» (E. Müntz, «Léonard de Vinci. L'artiste, le penseur, le savant», Paris, Hachette, 1899, p. 16). Любопытно, что некоторые авторы, убежденные в абсолютной несовместимости леворукости и гениальности, пытались изобразить Леонардо правой, утверждая, что его привычка рисовать левой рукой связана с ранением правой. Другие пришли к иным выводам: если бы Леонардо извлек какие-то выгоды из того, что он был левшой, он был стал развивать леворукость у своих учеников. А раз он этого не делал (никто из окружения мастера не был левшой), то это свидетельствует о том, что он не был доволен тем, что выделялся из нормы таким образом. См.: Крайтон-Браун, «Правору-

кость и наклон влево» (J. Crichton-Browne, «Dexterity and the bent sinister», Notices of the proceedings meetings of the members of the Royal Institution of Great Britain, vol. 18, 1907, p. 638).

¹⁷ «Евангелие веретена» («Les Evangiles des quenouilles» (ca 1470), éd. P. Janet, Paris, 1855, append. B, III:29). В части IV:15 мы находим ту же идею: «Когда рождается ребенок, прежде, чем крестить его, не держите его на левой руке, иначе станет он левшой на всю оставшуюся жизнь» .

¹⁸ М. де Санта Круз, «Собрание афоризмов и изречений, изящно выраженных некоторыми испанцами» (M. De Santa Cruz, «Floresta espagnola de apotehmas o sentencias fabia y graciosamente dichas, de algunos Espacoles», Bruxelles, 1605, VIII:viii:3, p. 158).

¹⁹ Х. Йотейко, «Психофизиологическая теория праворукости» (J. Ioteyko, «Théorie psycho-physiologique de la droiterie», p. 532).

²⁰ Л. Жобер, «Сравнение левшей с правшами с точки зрения антропологии и судебной медицины» (L. Jobert, «Les gauchers comparés aux droitiers aux points de vue anthropologique et médico-légal, thèse de médecine», Lyon, 20 novembre 1885, p. 32).

²¹ Др. Фельтц, «Одна из причин леворукости» (Dr Feltz, «Une des causes de la gaucherie», La France médicale, 1 sept. 1887, № 102, p. 1224).

²² Случай описан Редлихом в «Archiv für psychiatrie», 1 mars 1907 (приводится в: Ж.-Х. Боск, «Причины праворукости и леворукости. Леворукость и эпилепсия» (J.-H. Boscq, «Les Causes de la droiterie et de la gaucherie. Le mancinisme dans l'épilepsie, thèse pour le doctorat en médecine», Univ. De Bordeaux, 1933, p. 41).

²³ См.: К.Л.Берт, «Ребенок наоборот» (C.L. Burt, «The Backward Child», Londres, Univ. Of London Press, 1938, p. 238).

²⁴ Ж. Хербер, «Очерк клинической теории праворукости» (J. Herber, «Essai d'une théorie clinique de la droiterie», Biologica 32, 15 août 1913, p. 234–240 (p. 239).

²⁵ О.М. Ланлонг, «Праворукость и леворукость», «Уроки клинической хирургии» (O.-M. Lannelongue, «Gaucherie et droiterie», in «Leçons de clinique chirurgicale», Paris, Masson à Cie, 1905, p. 497–510 (p. 503)).

²⁶ А. Бальер, «Анри Рено 1843—1871» (H. Baillièrre, «Henri Renault 1843—1871», Paris, Didier, 1872, p. 3).

²⁷ X. Йотейко, «Психофизиологическая теория праворукости» (J. Ioteyko, «Théorie psycho-physiologique de la droiterie», p. 532).

²⁸ Так писали в конце XIII в.: «Сарацины, выказывающие ловкость, бросались на них, чтобы убить» (Cil [les Sarrasins] les cogurent detrencher [les croisés], qui ne furent pas esclenchier) (Амброзий, «История святой войны», 2239—2240).

²⁹ Ф. Годфруа, «Словарь старофранцузского языка и всех его диалектов IX—XV вв.» (Godefroy, «Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle», Paris, 1884, reed. New York, 1961, t. III, p. 404); Ж.-Б. де ла Кюрн де Сент-Палэ, «Исторический словарь старофранцузского языка» (J.-B. de la Curne de Sainte-Palaye, «Dictionnaire historique de l'ancien langage français», Niort, L. Favre, t. VI, p. 3).

³⁰ Жиль ли Мюизиз, «О служителях Святой Церкви, о кюре, о капелланах» в собрании сочинений (G. Li Muisis, «Ch'est des bénéfyciés en Sainte-Eglise, des cures, des capellains», in Œuvres, éd. K. de Lettenhov, t. I, Louvain, 1882, p. 368).

³¹ «Книга об управлении принцев», ок. 1510—1520 («Livre du gouvernement des princes», ca 1510—1520, Paris, Bibliothèque de l' Arsenal, ms. 5062, livre II, chap. 9, f92r.).

³² Жан де ла Тай, «Поэзия» (Jean de la Taille, «Œuvres poétiques», II, 51, éd. R. de Maulde, Paris, 1879).

³³ Упоминается в работе Ч. Ломброзо, «О двигательной и сенсорной леворукости у здоровых, у сумасшедших, глухонемых, слепых от рождения и у преступников» (C. Lombroso, «Sul mancinismo motorio e sensorio nel sano, nel pazzo, sordomuto, cieco nato e nel criminale», Giornale della Reale Accademia di medicina di Torino, vol. 32, 1884, p. 433—461 [p. 437]).

³⁴ См.: М.П.Тилли, «Словарь английских поговорок XVI—XVII веков» (M.P. Tilley, «Dictionary of the proverbs in England on the sixteenth and seventeenth centuries», L578).

³⁵ У. Бертон, «Десять проповедей по первому, второму, третьему и четвертому стихам в шестой главе Матфея» (W. Burton, «Ten ser-

mons upon the first, second, third and fourth verses of the sixth of Matthew», Londres, 1602, sermons 9 à 10) (автор не сверял текст).

³⁶ В XVIII в. о ребенке, рожденном вне брака, говорили, что он рожден «с левой стороны простыни» («a child born on the left side of the blanket»).

³⁷ М. Барли, «Книга левшей» (M. Barsley, «Left-Handed Book», p. 45–56); Л.Дж. Харрис, «Леворукость» (L.J. Harris, «Left-handedness», p. 4).

³⁸ См.: Дж. Брэйдвуд, «Слова со значением «левши» в диалектах Ульстера» (J. Braidwood, «Terms for “left-handed” in the Ulster dialects», Ulster folklife, 18, 1972, p. 98–110).

³⁹ По-испански «zurdo» означает «левша». Это слово имеет общее с португальским *churro* (гибельный), беарнским *sougrou* (грубый) и баскским *zug* (жадный, скупой) и *zugrum* (негибкий, непреклонный). Выражение *no ser zurdo* (не быть левшой) означает «быть изобретательным, находчивым, ловким». Об употреблении слов со значением «левый» и «правый» см. первую часть данной книги.

⁴⁰ Г. Корреас, «Словарь поговорок и пословиц испанского языка» (G. Correas, «Vocabulario de refranes y frases proverbiales», 1627, éd. L. Combet, Univ. de Bordeaux, CNRS, 1967, p. 137).

⁴¹ Ibid, p. 301.

⁴² Ф. де Кеведо, «Сон о преисподней».

⁴³ Ibid.

⁴⁴ В первый раз пьеса «Левша-улан» была поставлена в Севилье в мае 1624 г. (мы приводим отрывки, процитированные у М. Жандро-Массалу, «Левша у Кеведо», с. 78–79). Из нескольких отрывков становится ясно, насколько нетерпим Кеведо по отношению к левшам. Ему же принадлежит и эта цитата: «Левша невежествен, ибо не знает он, где его правая рука: одна рука является правой по положению, другая — по функциям. У него дурные манеры, так как он ничего не в состоянии сделать правильно» (*El hombre zurdo sabe poco, porque aun no sabe cuál es su mano derecha; pues la una lo es en el lugar, la otra en el oficio. Es gente de mala manera porque no hace cosa a derechas; Obras completas. Prosa, éd. F. Buendna, Madrid, Aguilar, 1958, t. I,*

р. 114). Отметим также, что Кеведо иронично употребляет выражение: «по hacer cosa a derechas» — дословно «ничего не делать направо».

⁴⁵ В конце XIX в. отец Е.-М. Гоше, автор религиозных произведений, взял себе псевдоним Сцевола де Сен-Жермен.

⁴⁶ Реми Белло (1528—1577) в «Произведениях Сцеволы де Сент-Март» (*Œuvres de Scévole de Sainte-Marthe*, Paris, 1579) (страницы пронумерованы).

⁴⁷ С. де Сент-Март, в Е. Паскье, «Рука, или Поэтические произведения о руках» (E. Pasquier, «*La Main ou œuvres poétiques faits sur la main*», Paris, 1584, f41r).

⁴⁸ Сцевола де Сент-Март, по имени Гоше II, был правнуком Гоше I де Сент-Март, постоянного врача короля Франциска I. Его сына назовут Гоше III, а внука — Гоше IV. Итак, данное имя было признаком семейной принадлежности, а не эпитетом, связанным с используемой рукой.

⁴⁹ Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей», т. II, «Тиберий», 68.

⁵⁰ Тюринг де Рингольтинген, «Мелюзина» (Thüring de Ringoltingen, *Mélusine*, 1456; éd. Claude Lecouteux, Paris, H. Champion, 1999, p. 105, 116, 118).

⁵¹ *Ibid.*, p. 146. Любопытно отметить, что в версии Кудретта (ок. 1401 г.), которую Тюринг предположительно перевел, оба великана не являются левшами по описанию, а лишь используют левую руку во время битвы (éd. L. Harf-Lancner, Paris, GF-Flammarion, 1993, p. 93, 113). А в еще более древней версии Жана Арасского (1392) упоминание о леворукости вообще отсутствует.

⁵² «Одетая ла монструа» («*La monstrua habillée*»), холст, масло, 165×107, Мадрид, Прадо, №646; «Обнаженная ла монструа» («*La monstrua nue*»), холст, масло, 165×108, Мадрид, Прадо, № 2008. См. каталог выставки «Пять веков испанской живописи» («*Cinq siècles d'art espagnol*», Paris, Petit Palais, 10 oct. 1987 — 3 janv. 1988, № 45 à 46).

⁵³ Грегорио Мараньон, «Ла монструа Карреньо» (Gregorio Marañon, «*La Monstrua de Carreño*», *Consejo erudito*, 1945, p. 105). На самом деле Мараньон видит в этом не символическую деталь, а явный симптом эндокринных нарушений, связанных с интерсексуальностью. Ла

Монструа была левшой, будучи гермафродитом. Далее мы увидим, какими абсурдными доводами автор доказывает свою правоту.

⁵⁴ Г. Корреас, «Словарь поговорок и пословиц испанского языка», (G. Correias, «Vocabulario de refranes y frases proverbiales», 1627, p. 301).

⁵⁵ Франсуа де Блуа, «Жизнь св. Гоше, уроженца города Мелант, основателя и первого священника храма св. Жана Аурельского» (François de Blois, «La Vie de S. Gaucher, natif de la ville de meulant, fondateur et premier prieur de S. Jean d'Aurel», Paris, J. Billaie, 1652, p. 167–168).

⁵⁶ Ф. Рено, «Как становятся левшой?» (F. Renault, «Pourquoi est-on gaucher?», Revue scientifique, 13 juin 1914, p. 750–753 (p. 753)).

⁵⁷ Приводится у Д. Шоу и И.К. Мак-Мануса, «Какой рукой пользовались Керры и Карры» (D. Shaw à I.C. McManus, «The handedness of Kerrs and Carrs», British journal of psychologie, vol. 84, 1993, p. 545–551 (p. 551)).

⁵⁸ См.: Крайтон-Браун, «Праворукость и наклон влево» (J. Crichton-Browne, «Dexterity and the bent sinister», 1907, p. 640).

⁵⁹ Р.А. Литгоу, «Леворукость» (R.A. Lithgow, «Left-handedness», Lancet, 1870, p. 660).

⁶⁰ Ч. Дарвин, «Биографический скетч младенца» (Ch. Darwin, «A biological sketch of an infant», Mind, Vol. II, n. 7, juillet 1877, p. 285–294 (p. 287)).

⁶¹ В. Галипп, «Праворукость и леворукость: являются ли они следствием воспитания или наследственности?» (V. Galippe, «La droiterie et la gaucherie sont-elles fonction de l'éducation ou de l'hérédité?», Gazette des hôpitaux civils et militaires, № 127, 22 oct. 1887, p. 1062–1065 (p. 1065)).

⁶² Британской медицинской документации (в тексте по англ.).

⁶³ «О леворукости» (F.R.C.S., «On left-handedness», British medical record, 17 oct. 1885, p. 774).

⁶⁴ Эме Пере, «О нормальных латеральных изгибах позвоночника человека» (Aimé Péré, Les Courbures latérales normales du rachis humain, thèse de doctorat, Toulouse, 1900, p. 72). См. также: Крайтон-

Брюн, «Праворукость и наклон влево» (J. Crichton-Browne, «Dexterity and the bent sinister», 1907, p. 640).

⁶⁵ Ж. Хербер, «Трофические леворукость и праворукость» (J. Herber, «La droiterie et la gaucherie trophiques», Gazette des hôpitaux civils et militaires, № 32, 17 mars 1814, p. 517–518 (p. 518)).

⁶⁶ Ф. Мазель, «Как становятся правой?» (F. Mazel, «Pourquoi l'on est droitier?», Revue scientifique de la France et de l'étranger. Revue des cours scientifiques, 3e série, t. V, janv.—juillet 1883, p. 213).

⁶⁷ Э.Т. Брюстер, «Пути левой руки» (E.T. Brewster, «The ways of the left-hand», McClure's Magazine, 1913, p. 168–183 (p. 183)). Приводится у Л.Дж. Харрис, «Леворукость» (L.J. Harris, «Left-handedness», p. 53).

⁶⁸ Г. Делоне, «О леворукости» (G. Delauney, «Sur la gaucherie», Revue scientifique de la France et de l'étranger. Revue des cours scientifiques, 3e série, t. V, janv.—juillet 1883, p. 213).

⁶⁹ В. Галипп, «Праворукость и леворукость: являются ли они следствием воспитания или наследственности?» (V. Galippe, «La droiterie et la gaucherie sont-elles fonction de l'éducation ou de l'hérédité?», p. 1065).

⁷⁰ См.: Л. Майе, «Исследование дегенеративности. Анатомические и физиологические стигматы дегенеративности и псевдоанатомические и физиологические стигматы криминальности» (L. Mayet, «Etudes sur les dégénérés. Les stigmates anatomiques et physiologiques de la dégénérescence et les pseudo-stigmates anatomiques et physiologiques de la criminalité», thèse présentée à la Faculté de médecine et de pharmacie de Lyon, 10 nov. 1902, (chap. «Gaucherie ou mancinisme, ambidextrie», p. 97–98).

⁷¹ Ч. Ломброзо, «Леворукость и левосторонность» (C. Lombroso, «Left-handedness and left-sidedness», North American review, vol. 77, № 3, p. 440–444 (p. 441)).

⁷² Ibid, p. 442. Эти идеи появляются уже в статье в 1884 г. (p. 441–442).

⁷³ Э.Т. Брюстер, «Пути левой руки» (E.T. Brewster, «The ways of the left-hand», McClure's Magazine, 1913, p. 179–180). Приводится у Л.Дж. Харрис, «Леворукость» (L.J. Harris, «Left-handedness», p. 54).

⁷⁴ Е. Штиер, «Исследование леворукости» (E. Stier, «Untersuchungen über linkshändigkeit», Iena, 1911, thèse de médecine, Faculté de Paris, 1946, p. 40).

⁷⁵ Х. Йотейко, «Психофизиологическая теория праворукости» (J. Ioteyko, «Théorie psycho-physiologique de la droiterie», p. 532).

⁷⁶ Р. Гантер, «О леворукости у эпилептиков, слабоумных и нормальных людей» (R. Ganter, «Über linkshändigkeit bei epileptischen schwachsinnigen und normalen», Allgemeine zeitschrift für psychiatrie und psychiatrisch-gerichtliche medizin, vol. 75, 1919, p. 689—700), приводится у Ж.-Х. Боск, «Причины праворукости и леворукости» (J.-H. Boscq, «Les Causes de la droiterie et de la gaucherie», p. 45—46) и в: Р.Г. Мио, «Псевдолевши в связи с парезом правой стороны» (R.G. Miault, «Les Faux gauchers par hémiparésie droite», thèse pour le doctorat en médecine, Paris, 1947, p. 10—11).

⁷⁷ Г. Дринкуотер, «Ребенок-левша» (H. Drinkwater, «The left-handed child», British medical journal, juin 1924, p. 1113).

⁷⁸ В.С. Иннам, «Исследование истоков косоглазия, леворукости и заикания» (W.S. Innam, «An inquiry into the origin of squint, left-handedness and stammer», Lancet, 2 août 1924), p. 211—215 (p. 212)).

⁷⁹ Крайтон-Браун, «Праворукость и наклон влево» (J. Crichton-Browne, «Dexterity and the bent sinister», 1907, p. 637).

⁸⁰ Здесь имеет значение и другой фактор — патологическая леворукость. Считается, что существуют псевдолевши, т.е. правши, которые пережили на заре своей жизни травмы левого полушария мозга (постродовой травматизм, энцефалит, менингит) и которым приходится компенсировать последствия болезни за счет нетронутого полушария, что приводит к росту значения левой половины тела и очевидной леворукости. Именно в силу своей травмы эти пациенты демонстрируют неврологические и интеллектуальные расстройства большей или меньшей тяжести, что, естественно, ошибочно связывается с их латеральностью. Псевдоправши, которые встречаются гораздо реже (изначально они левши), не дают повода для подобного диагноза.

⁸¹ Анри Руссель, врач богадельни Бисетр и психиатрической больницы, бывший руководитель клинической практики факультета медицины, член высшего совета государственного призрения, эксперт при Трибунале департамента Сены, офицер Почетного легиона, работник Министерства публичного просвещения.

⁸² Ж. Рубинович, «Дискуссии по вопросу о левшах» (J. Roubinowitch, «Discussion des communications sur les gauchers», *Annales de médecine légale, de criminology et de police scientifique*, t. 15, № 1, 1935, p. 142–145 (p. 144)).

⁸³ См.: К.Л. Берт, «Ребенок наоборот» (C.L. Burt, «The Backward Child», p. 281).

⁸⁴ Ibid, p. 286.

⁸⁵ Ibid, p. 287.

⁸⁶ Суд присяжных департамента Гард. «Преступления Гаспара-левши» (Cours d'assises de Gard. «Les Crimes de Gaspard le Gaucher», Rambervillers, impr. Mejeat, 1850, p. 7).

⁸⁷ Ibid, p. 8.

⁸⁸ См.: Р. Маркс, «Джек-Потрошитель и викторианское воображение» (R. Marx, «Jack l'Eventreur et les fantômes victoriens», Bruxelles, ed. Complexe, 1987, p. 25).

⁸⁹ См.: Р.М. Атли, «Малыш Билли» (R.M. Utley, «Billy the Kid», éd. Du Rocher, 1997, p. 186).

⁹⁰ Ч. Ломброзо, «Человек преступный» 1876, фр. издание «L'Homme Criminel. Criminel-né – Fou moral – Epileptique/ Etude anthropologique et medico-légale», Paris, F. Alcan, 1887, III часть («Биология и психология врожденного преступника»), глава II («Общая и физическая чувствительность (и т.д.) у преступников»), 12 («Манчизм»), p. 301–302. Мы взяли на себя труд пересчитать процентные соотношения, которые во многом были ошибочны. В статье от 1884 г. и от 1903 г. автор приводит другие цифры, что подтверждает ненаучный характер его работ: 13% среди преступников-мужчин, 22% – среди женщин, 33% – среди мошенников обоих полов, между 9 и 10% у убийц и воров.

⁹¹ Ч. Ломброзо, «Леворукость и левосторонность» (C. Lombroso, «Lesf-handedness and left-sidedness», p. 443).

⁹² Ibid, p. 444.

⁹³ Ж. Мениль, «Феномен Ломброзо» (J. Mesnil, «Le phénomène Lombroso», Le Mercure de France, juin 1900, p. 627–650 (p. 627)).

⁹⁴ О.-М. Ланнлонг, «Леворукость и праворукость» (O.-M. Lannelongue, «Gaucherie et droiterie», p. 213).

⁹⁵ Можно процитировать некоторые отрывки, которые приводит Л.Дж. Харрис, «Леворукость» (L.J. Haggis, «Left-handedness», p. 53).

⁹⁶ Английский судебный врач.

⁹⁷ Ж. Адам, «Левши в судебной медицине» (J. Adam, «Les gauchers en médecine légale. Etude médico-légale», thèse de médecine, Faculté de Paris, 1935, p. 90–91).

⁹⁸ Ж.-Х. Боск, «Причины праворукости и леворукости» (J.-H. Boscq, «Les Causes de la droiterie et de la gaucherie», p. 18).

⁹⁹ Ж. Адам, «Левши в судебной медицине» (J. Adam, «Les gauchers en médecine légale», p. 92–93).

¹⁰⁰ Ibid. С. 94.

¹⁰¹ Ibid. С. 92.

¹⁰² З. Фрейд, «Тревожность и другие эссе».

¹⁰³ Не представляется возможным в рамках данной работы развить эту тему. Однако позволим себе отослать нашего читателя к нашей докторской диссертации (П.-М. Бертран, «Символика правой и левой руки» (P.-M. Bertrand, «La Symbolique de la droite et de la gauche», p. 177–206, 227–252).

¹⁰⁴ В работе, опубликованной в Базеле под названием «Матриархат», см.: А. Тюрель «От правления женщин к патриархату» (A. Turel, «Du reine de la mère au patriarcat», Paris, 1938, p. 34, etc.); В. Фриш, «Правая и левая рука» (V. Fritsch, «La Gauche et la Droite», p. 40–45).

¹⁰⁵ В. Флисс, «Течение жизни», 1906 // В. Фриш, «Правая и левая рука» (V. Fritsch, «La Gauche et la Droite», p. 165).

¹⁰⁶ Приводится *ibid*, p. 166.

¹⁰⁷ В. Штекель, «Язык травм» (W. Stekel, «Die Sprache des traumas», Wiesbaden, 1911 // Д. Пиньон, «Дикая рука» (D. Pignon, «La main sauvage», p. 145).

¹⁰⁸ Ван Лейвен-Турновкова, «Правый и левый в Европе» (J. Van Leuven-Turnovcova, «Rechts und Links in Europa», p. 11). В австралийском аргоне «левша» будет *molly-dooker*, что дословно переводится как «петушкина рука», см. Д. Пиньон, «Дикая рука» (D. Pignon, «La main sauvage», p. 142).

¹⁰⁹ Грегорио Мараньон, «Амиель. Очерк о застенчивости» (Gregorio Marañon, «Amiel. Une étude sur la timidité», 4e éd., Paris, Gallimard, 1938, p. 213). Также у этого автора работа о Тиберии (фр. изд.: Paris, NRF, Gallimard, 1941), в особенности главы «Сексуальная застенчивость Тиберия» и «Тиберий левша». Также у этого автора уже цитировавшаяся статья о «Ла монструа Карреньо». Как ясно показал Д. Пиньон, уподобление леворукости гомосексуализму еще было распространено в поствоенные годы, в особенности в англоязычном кинематографе. В вестерне Артура Пенна «Стрелок-левша» (1957) режиссер играет на двойной фигуре героя, сыгранного Полом Ньюменом, про которого Андре Базен писал, что он подчиняется «более чем запутанным моральным принципам»; см. статью в *Nouvel Observateur*, 9 octobre 1958, приводится в Д. Пиньон, «Дикая рука» (D. Pignon, «La main sauvage», p. 139).

¹¹⁰ См.: Рожер Шартье «Практика письма» в «История частной жизни» 3. От Ренессанса к Просвещению» (Roger Chartier, «Les pratiques de l'écrit», in Ph. Ariès à G. Duby, dir., *Histoire de la vie privée*, 3. De la Renaissance aux Lumières, Paris, Seuil, 1986, p. 113–161 [p. 119]).

¹¹¹ А. Дюшен, «Об учениках амбидекстрах и о необходимости формирования этой особенности в искусстве письма и рисунка, а также во многих механических профессиях» (A. Duchesne, «Sur les élèves ambidextres et sur la nécessité d'en former dans les arts de l'écriture et du dessin, et dans les différents métiers mécaniques», s. 1, 1786, p. 8).

¹¹² Л. Жобер, «Сравнение левшей с правшами» (L. Jobert, «Les gauchers comparés aux droitiers», p. 31–32).

¹¹³ Ж.-А. Конт, «Анатомические и физиологические исследования относительно господства правой руки над левой» (J.-A. Comte, «Re-

cherches anatomico-physiologiques relatives à la prédominance du bras droit sur le bras gauche», *Journal de physiologie expérimentale et pathologique*, t. 8, 1828, p. 41–80 (p. 47)).

¹¹⁴ П. Ле Дамани, «Правши и левши» (P. Le Damany, «Droitiers et gauchers», *Bulletins et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*, vol. 9, 1919, p. 57–80 (p. 65)).

¹¹⁵ О.-М. Ланнлонг, «Леворукость и праворукость» (О.-М. Lannelongue, «Gaucherie et droiterie», p. 504).

¹¹⁶ П. Ле Дамани, «Правши и левши» (P. Le Damany, «Droitiers et gauchers», p. 77).

¹¹⁷ Аноним, «Леворукость» («Left-handedness», *Medical record*, New York, vol. 30, № 21, 20 nov. 1886, p. 579).

¹¹⁸ Ж.-Б. Сальг, «Ошибки и предубеждения, распространенные в обществе» (J.-B. Salgues, «Des erreurs et des préjugés répandus dans la société», Paris, F. Buisson, 1810, p. 100).

¹¹⁹ В. Коварски, «Леворукость. Функциональные нарушения психогенетического характера у скрытых левшей» (V. Kovarsky, «La gaucherie. Les troubles fonctionnels d'origine psychogénétique chez les gauchers contrariés», *Annales médico-psychologiques*, t. 2, nov. 1938, p. 545–562 (p. 548)).

¹²⁰ Ж. Тисс, «Библиографический и критический очерк по вопросу левшей» (J. Thyss, *Etude bibliographique et critique du problème des gauchers*, 1946, p. 86). В том же году другой автор отметит: «Редко можно встретить левшу, которому родители позволили, без предварительной битвы, пользоваться левой рукой». Г. Бледе, «Левши. Исследование поведения, патологии и образ действия с ними» (G. Blédé, «Les Gauchers. Etude du comportement, de la pathologie et de la conduite à tenir», thèse de médecine, Faculté de médecine et de pharmacie de Lyon, № 98, 15 février 1946, p. 63). В 1950 г. мало что изменилось: «Вплоть до настоящего момента те левши, с которыми мы имели дело, были скрытыми левшами», см.: В. Коварски, «Обнаружение скрытых левшей» (V. Kovarsky, «Dépistage des gauchers contrariés», *Annales d'oto-laryngologie*, t. 67, № 2/3, février–mars 1950, p. 179–182 (p. 179)). В 1951 г. Хосе Альвес Гарсия пишет: «Абсолютные правши

... представляют значительное большинство в человеческом сообществе, т. е. 94%. Однако абсолютные левши, т. е. люди, которые все действия повседневной жизни и на работе выполняют левой рукой, в том числе и пишут левой рукой, достаточно редки. Вполне возможно, что большое число амбидекстров изначально были левшами, которых воспитание, школа или фабрика заставили скрывать естественные «склонности», см.: «Трудности языка» («Les Troubles du langage», Paris, Masson à Cie, 1951, p. 19).

¹²¹ П. Ле Дамани, «Правши и левши» (P. Le Damany, «Droitiers et gauchers», p. 77). Приведем также другой отрывок: «Для выполнения наших социальных функций необходимо, чтобы мы были правшами, иначе нас будут воспринимать, как ненормальных, практически как больных» (ibid, p. 76). «Родители должны следить за тем, чтобы их младенцы ориентировались на повседневное использование правой руки... При современной социальной организации, чтобы не было сбоя в ее работе, человек должен все более и более походить на серийную модель, а левши суть не более, чем перебой системы», см.: Р. Пьеделевр, М. Деробер и М. Фуру, «Левши и правши» (R. Piédélecve, M. Dérobert à M. Fourault, «Gauchers et droitiers», Annales de médecine légale, de criminology et de police scientifique, t. 14, 1934, p. 915–922 (p. 922)).

¹²² Все эти методы перевоспитания и сопровождающие их фразы (фразы в кавычках) были описаны в свое время разными авторами, в частности В. Коварски, «Леворукость» (V. Kovarsky, «La gaucherie»); П. Клинггиль, «Школьник-левша. От начальной школы до института. Исследования — портреты — установление равновесия. Практические советы для родителей и учителей». (P. Klingebiel, «L'Écolier gaucher. De l'école maternelle aux grandes écoles. Examens — Portraits — Rééquilibrations. Etudes pratiques pour les parents et pour les maîtres», Paris, Ed. Socials francaises, 1963, p. 22–28).

¹²³ Р.А. Литгоу, «Леворукость» (R.A. Lithgow, «Left-handedness», Lancet, 1870, p. 660).

¹²⁴ Л. Жобер, «Сравнение левшей с правшами» (L. Jobert, «Les gauchers comparés aux droitiers», p. 31). Некоторые авторы утвержда-

ют, что в отсутствие результатов ребенок мог оставаться в таком состоянии многие годы.

¹²⁵ Д. Уилсон «Правая рука: леворукость» (D. Wilson, «The Right hand: left-handedness», Londres, New-York, MacMillan à Co, 1891, p. 146).

¹²⁶ Е.Р. Пеннел, «Жизнь и письма Джозефа Пеннела» (E.R. Pennel, «The Life and letters of Joseph Pennel», Boston, 1929, v. I, p. 11).

¹²⁷ Ibid, p. 19.

¹²⁸ В. Коварски, «Словесная глухота и скрытая леворукость» (V. Kovarsky, «Surdité verbale et gaucherie contrariée», extrait du Journal français d'oto-rhino-laryngologie, № 3, février 1953, p. 10).

¹²⁹ Ibid, p. 11.

¹³⁰ П. Клингбиель, «Школьник-левша» (P. Klingebiel, «L'Écolier gaucher», p. 25).

¹³¹ В.В. Айлэнд, «О зеркальном письме и его связи с леворукостью и церебральным заболеванием» (W.W. Ireland, «On mirror-writing and its relation to left-handedness and cerebral disease», Brain, vol. 4, 1881, p. 361–367 (p. 363)).

¹³² В. Коварски, «Леворукость» (V. Kovarsky, «La gaucherie», p. 550).

¹³³ Ibid, p. 550.

¹³⁴ Гр.Ст. Холл, «Жизнь и признания психолога» (Gr.St. Hall, «Life and confessions of a psychologist», Appelton, New York, Londres, 1923, p. 122).

¹³⁵ Это свидетельство приводится в: П. Клингбиель, «Школьник-левша» (P. Klingebiel, «L'Écolier gaucher», p. 26). Другие примеры: «Кристиан Г., 7 лет, страдает от заикания и нервозности. Скрытый левша. Когда наступают летние каникулы и он не должен, как в школе, привязывать тяжести к левой руке, заикание прекращается, нервозность уменьшается. С начала учебного года он вновь попадает под власть непреклонной воспитательницы и должен писать правой рукой: заикание проявляется снова». «Жан-Пьер Л., 4 г., мать и дедушка — левши, сам тоже левша. Начал заикаться тогда, когда семья попыталась перевоспитать его в правшу», см.: Др.Обен Клавероль, Куриоль и Писси, «Клинические, психотехнические и педагогиче-

«... заметки о леворукости» (Dr. Aubin Claveyrolles, Couriol à Pissis, Notes cliniques, psychotechniques et pédagogiques sur la gaucherie», Cahors, s. l., s.d., (ок. 1940?), p. 7–12 (p. 9)).

¹³⁶ См.: П-Ф. Жирар, А. Гард и П. Каррьер, «Физиологический и патологический анализ леворукости» (P.-F. Girard, A. Garde à P. Carrier, Etude physiologique et pathologique de la gaucherie», Journal de médecine de Lyon, 1946, p. 759–768 (p. 765)).

¹³⁷ Д-р Леви-Брюль, «Некоторые данные по вопросу леворукости» (Dr. Lévy-Bruhl, «Quelques données sur le problème des gauchers», Le concours médical, 9 juillet 1939, № 28, p. 1867–1868 (p. 1868)).

¹³⁸ См.: М. Румайон, «Нарушение речи у левшей» (M. Roumajon, Les troubles du langage chez les gauchers», Revue de neuropsychiatrie infantile et d'hygiène mentale de l'enfance, № 11/12, nov.–déc. 1955, p. 567–570); Х. Берг, «Леворукость-праворукость и затруднения с речью» (H. Bergues, «La droiterie-gaucherie et les troubles de la parole», in Le Niveau intellectuel des enfants d'âge scolaire, INED, Travaux à documents, cahier № 23, Paris, PUF, 1954, p. 187–222 (в особенности p. 195–200)).

¹³⁹ «Дети, страдающие заиканием или дефектами произношения, в редким исключением (нам не доводилось столкнуться) являются скрытыми левшами» (В. Коварски, «Нужно ли перевоспитывать левшей?» (V. Kovarsky, «Faut-il rééduquer les gauchers?», Comptes rendus de l'Académie des sciences, séance du 24 oct. 1938, p. 743–744 (p. 743)); «Все заики, равно как и все, кто страдает от дефектов речи, дети и взрослые, которыми мы занимались вплоть до текущего момента, являются скрытыми левшами», см. В. Коварски, «Обнаружение скрытых левшей» (V. Kovarsky, «Dépistage des gauchers contrariés», p. 180).

¹⁴⁰ Ж. Тисс, «Библиографический и критический очерк по вопросу левшей» (J. Thyss, «Etude bibliographique et critique du problème des gauchers», 1946, p. 99–106); В. Коварски, «Обнаружение скрытых левшей» (V. Kovarsky, «Dépistage des gauchers contrariés», p. 180).

¹⁴¹ В.С. Иннам, «Исследование истоков косоглазия, леворукости и заикания» (W.S. Innam, «An inquiry», p. 215).

¹⁴² В.В. Айлэнд, «О зеркальном письме» (W.W. Ireland, «On mirror writing», p. 215).

¹⁴³ В. Коварски, «Леворукость» (V. Kovarsky, «La gaucherie», p. 552).

¹⁴⁴ Дж.М. Гулд, «Истоки праворукости» (G.M. Gould, «The origin of right-handedness», The Boston medical and surgical journal, vol. CLVII, № 18, 1907, p. 597–601 (p. 600)).

¹⁴⁵ Слово «southpaw», которое в словарях переводится как просто «левша», для американцев имеет весьма узкое значение игрока-левиши в баскетболе. Оно было изобретено в Чикаго. Городская баскетбольная площадка была расположена таким образом, что тот, кто бросает мяч, смотрел на запад. Если же игрок был левшой, рука, которой он совершал бросок, всегда находилась с южной стороны (south). Как указывает Л.Дж. Харрис, «Леворукость» (L.J. Harris, «Left-handedness», p. 4), который и дает это объяснение, термин «southpaw», если и не несет негативной оценки, остается дискриминационным, так как игрока-правшу никто не называет «northpaw». Норма не несет в себе отличительных качеств.

¹⁴⁶ Ф. Тильни, заметка появилась в «Archives of neurology and psychiatry», vol. 36, 1936, p. 896–902 (p. 897–898).

¹⁴⁷ Г. Бледи, «Левши» (G. Bloedé, «Les Gauchers», p. 34–35).

¹⁴⁸ В. Коварски, «Леворукость» (V. Kovarsky, «La gaucherie», p. 555).

¹⁴⁹ «Он родился левшой: однако, если вы спросите об этом у него, он будет отрицать. Настаивайте на вопросах относительно ловкости и силы рук, и вы увидите, что следы леворукости остались», см.: Ф. Нивеле, «Очерк о раздвоении сознательных двигательных функций в соответствии с раздвоением полушарий мозга: праворукость – леворукость – амбидекстрия» (F. Nivelet, «Etude sur le dédoublement de la motricité volontaire en corrélation avec le dédoublement des hémisphères cérébraux: droiterie – gauchisme – ambidextrie», Commercys, Cabasse, 1889, p. 25).

¹⁵⁰ Ф.Р.С., письмо «издателю «Таймс», Times, 7 mars 1933, p. 10. Г. Меню (G. Menut, «L'enfant gaucher», Revue naturaliste, 4 trim. 1955, p. 198–215 (p. 198–199)). Рассказывает историю тридцатипятилетнего рабочего, который, потеряв правую руку из-за несчастного случая

на работе, удивлялся, что его левая рука так быстро заняла место правой и что заикание, от которого он страдал с детства, прекратилось. Он спросил у своих родителей, и те подтвердили, что он родился левой, но, будучи хорошими педагогами, они переучили его и сделали правой.

¹⁵¹ «С того момента, как г-н Х. сел за прилавок, страх написать плохо переполнял его настолько, что он долгое время притворялся на работе, что у него сломан палец большой руки. Когда он стал чуть более уверен, что сможет хорошо занести запись в книгу, он долго искал удобную позицию, чтобы движения его руки и пальцев были как можно более свободны. Однако, когда он брал в руки перо, большой палец произвольно сдвигался назад, затем наружу — и перо выпадало из руки. После многократных попыток он, наконец, заносил запись, однако плохим почерком и с такими усилиями, что после этого чувствовал себя больным», см.: Ж.-Ж. Казнав, «О некоторых заболеваниях правой руки, которые препятствуют письму, и о способах их излечения» (J.-J. Cazenave, «De quelques infirmités de la main droite qui s'opposent à ce que les malades puissent écrire et du moyen de remédier à ces infirmités, Paris à Bordeaux, 1846, p. 14).

¹⁵² В.С. Иннам, «Исследование истоков косоглазия, леворукости и заикания» (W.S. Innam, «An inquiry», p. 211).

¹⁵³ В. Коварски, «Словесная глухота и скрытая леворукость» (V. Kovarsky, «Surdité verbale et gaucherie contrariée», p. 2, 6).

¹⁵⁴ З. Фрейд, «Переписка с Флиссом, Вена 4. I.1898», см. в: М. Бонапарт, А. Фрейд и Е. Крис, «Рождение психоанализа» (M. Bonaparte, A. Freud à E. Kris, éd., «La Naissance de la psychanalyse», Paris, PUF, 1979, p. 215–216).

¹⁵⁵ См.: Г. Блэде, «Левши» (G. Blœdé, «Les Gauchers»); см.: П-Ф. Жирар, А. Гард и П. Каррьер, «Физиологический и патологический анализ леворукости» (P.-F. Girard, A. Garde à P. Carrier, «Etude physiologique et pathologique de la gaucherie»); Ж. Тисс, «Библиографический и критический очерк проблем леворукости» (J. Thyss, «Etude bibliographique et critique du problème des gauchers»); В. Коварски, «Несколько морфо-психофизиологических признаков настоящей

леворукости и скрытой леворукости» (V. Kovarsky, «Quelques signes morpho-psycho-physiologiques de la vraie gaucherie et de la gaucherie contrariée», *Morphopsychologie humaine*, fasc. 5, № 4, 1952, p. 3–6).

¹⁵⁶ Мишель Серр родился в 1930 г. Он один из немногих скрытых левшей, которые утверждают, что довольны своей судьбой. Более того, он считает, что это дало ему чувство «полноты существования». «Я бы не советовал родителям лишать детей этого приключения, переправы через поток».

Часть третья

ЛЕВШИ, КОТОРЫХ ТЕРПЕЛИ

Аномалия столь же законна, сколь и правило.

Гюстав Флобер

В наши времена расцвета западных демократий уже никто не ведет битвы против левшей. Конечно, в повседневной жизни еще остались определенные следы неприятия (в банках, например, шариковая ручка у окошка расположена так, как удобно правшам), однако в целом отношения достигли гармоничного равновесия. За последние лет десять поведение левшей даже перестало вызывать удивление. Леворукость перестала считаться аномалией, она стала настолько обычным и распространенным явлением, что воспринимается просто как незаслуживающая внимания особенность.

Чтобы прийти к этому, понадобилась настоящая культурная революция (вспомнить только о тех мучениях, которым подвергались дети-левши!). Однако не стоит думать, что свобода была завоевана путем напряженной борьбы после веков гонений и обскурантизма. На самом деле дух терпимости проявлялся гораздо чаще, чем кажется, в особенности в определенные периоды времени, когда, казалось, о нем никто и не думал.

I. ЗОЛОТОЙ ВЕК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Все то время, пока мы собирали материал для этой книги, нас преследовала мысль о том, что Средние века

были воистину веком терпимости к меньшинству левшей. Стоит уточнить, что мы понимаем под терпимостью: это не только доброжелательное и открытое отношение к другому, но и определенное расположение духа (и соответственно определенная мораль, царящая в обществе), которое не стремится бороться против того, что отвергает¹. Не подлежит сомнению, что в Средние века, когда под подозрением находилось все, что относится к левой стороне, и левая рука в том числе, к левшам относились неблагоприятно. Уместно вспомнить, что в «Евангелии веретена» (XV в.) леворукость рассматривалась как «вред». Также эта особенность вписывалась и в «символический арсенал» зла (повторяя формулу Мишеля Пастуро) (см.: Ганелон, приветствующий Карла Великого, Ева, срывающая запретный плод, леворукий великан из романа о Мелюзине и т.д.), однако по сравнению с тем, что мы знаем о более близких к нам эпохах, похоже, что и презрение носило чисто символический характер. Согласно нашим сведениям, ни в судебных архивах, ни в трактатах о морали, медицине или теологии, ни в многочисленных реестрах, которые дошли до нас от различных государственных и церковных средневековых учреждений, нет никаких доказательств, что левши подвергались организованным социальным репрессиям, что их преследовали, каким-либо образом наказывали, ни что они в принципе подвергались нападениям только в виду их особенности². Напротив, создается впечатление, что к левшам, несмотря на их дурную репутацию, в обществе относились весьма спокойно. Так тому свидетельствует гобелен Байе, где мы видим множество левшей в самой различной обстановке, в основном среди кораблестроителей, они были неотъемлемой частью панорамы человеческой жизни. Некоторые источники позволяют считать, что они могли даже гордиться своей особенностью: по крайней мере,

некоторые писцы специально указывали в манускриптах, что он написан левой рукой³, а некоторые люди даже носили прозвища, подчеркивающие, что они левши (например, Willelmus Esclanchier, Thibaud Gauchier и многочисленные Jehans li Gaucherot, которые мелькают на страницах актов XIII и XIV вв.⁴).

Короче говоря, все свидетельствует о том, что эпоха Средневековья для левшей являлась своего рода золотым веком, так как их не принуждали быть правшами.

Тем не менее мы не торопились с выводами относительно нашей теории. Более того, не побоимся сказать, она идет в разрез с общепринятыми идеями. Разве не в Средние века была Инквизиция, охота на ведьм и расцвет предрассудков? Разве может быть, чтобы левша времен Людовика XI⁵ наслаждался такой безнаказанностью, о которой левша времен маршала Петена⁶ и мечтать не мог? Окончательно нас убедила статья, опубликованная в письме уважаемом журнале «Journal of osteoarchaeology».

В ней говорится о том, что английские археологи провели тщательный анализ восьмидесяти скелетов XI–XV вв., которые они обнаружили на средневековом кладбище Уаррэм Перси в Йоркшире⁷. Исходя из принципа, что кость более сильной руки всегда будет шире и длиннее, чем другой⁸, при помощи анализа костей ученые смогли отделить правшей от левшей. Ко всеобщему удивлению, их результат оказался следующим:

Правши	81%
Левши	16%
Амбидекстры или невыяснено	3%

Распределение латеральности у населения Средних веков в Уаррэм Перси (по данным Стила и Мэй, 1995 г.)

Таким образом, число левшей, живших в Уаррэм Перси полтысячелетия назад, фактически совпадает с тем, что мы имеем в настоящий момент в эпоху индустриаль-

ной революции, когда гонения против левшей прекратились. Это исследование неожиданным образом подтверждает нашу теорию: в отличие от последующих эпох в Средние века люди были гораздо более терпимы по отношению к тем, кто отдавал предпочтение левой руке вместо правой.

После этого перед нами встают два вопроса. Что в средневековом обществе обусловило такую терпимость? И по каким причинам и в каких обстоятельствах отношение к левшам изменилось? Какой разрыв повлек за собой тот факт, что общество объявило неприемлемым то, что оно так долго, казалось бы, принимало? История жизни в обществе, а точнее, правила поведения за столом помогут нам ответить на первый вопрос.

До того как появились правила хорошего тона

Изучая правила поведения, принятые в Средние века, мы видим, что в них фактически никогда не содержится указаний на то, какой рукой пользоваться во время еды. Например, хотя все правила поведения налицо (не разговаривать с набитым ртом, не плевать и не рыгать, не сморкаться и не вытирать руки о скатерть), «Наука держать себя за столом», появившаяся в конце XV в.⁹, ничего не говорит по поводу той или другой руки. Причина проста: вилка еще не существует (она войдет в обращение в XVII в.), поэтому все едят руками. Конечно, некоторые согласятся с тем, что некрасиво, в особенности на глазах у сотрапезников, «отправлять мясо в рот обеими руками и есть с обеих сторон»¹⁰, однако никому и в голову не придет утверждать, что в данных обстоятельствах использование правой руки предпочтительней. И если Тангейзер¹¹ (XIII в.) в своем «Hofzucht» и критикует «обычай

«... обеими руками одновременно», то это не мешает ему уточнить:

Следует всегда есть той рукой, которая наиболее удалена от сотрапезника. Если твой сосед сидит справа, ешь левой рукой!¹²

Вскоре все изменится. Как установил Норберт Элиас¹³, вторая половина XVI в., когда рыцарство придет в упадок и установится королевский абсолютизм, станет весьма благоприятным периодом для возникновения новых типов поведения. Власть становится все более и более централизованной и воплощается в фигуре короля и правящей касты, собирающейся вокруг него, — двора. Именно при дворе этикет, протокол, декорации, политес и другие нарождающиеся формы станут знаком уважения и зависимости перед лицом монарха. Чтобы сохранить свое положение, нужно тщательно их соблюдать, тогда представится и шанс воспользоваться положенными привилегиями. Правила придворной жизни отныне будут считаться образцом «хороших манер» в самом широком смысле слова, т.е. образцом принципов сосуществования, приемлемых в теории для всех слоев общества, вплоть до самых низших. Эразм Роттердамский (1469—1536) станет первым проповедником этой концепции:

Постыдно высокородным не знать нравов, соответствующих их благородному происхождению. Те, кого судьба сделала плебеями, люди скромного положения, даже крестьяне должны стремиться компенсировать хорошими манерами преимущества, в которых им отказал случай. Никто не выбирает ни отца своего, ни страну свою: любой может научиться качествам и нравам¹⁴.

В течение XVII в. традиционные барьеры между аристократией и буржуазией укреплялись, однако вторая могла достичь определенной экономической, юридической или финансовой власти. При этом буржуазия подражает

обычаям, принятым при дворе, пытаюсь их сделать своими. Так идет процесс усваивания светских нравов общественными массами. Точнее, устаревшему понятию «куртуазности», соответствующему идеалу сеньориального хорошего тона, приходит на смену понятие «вежливости», означающее нормы жизни в обществе, подчиняться и соблюдать которые должен каждый «честный человек».

Это движение, идущее из глубины общества, начнется в эпоху Ренессанса и будет бесконечно разрастаться, ставя во главу угла уважение к самому себе и к другим, контроль, самодисциплину намного более жесткую, чем раньше. Отныне все должны будут соблюдать всевозможные обязанности и запреты, следовать общему кодексу хорошего тона, более или менее спорному. То, к чему до сих пор относились терпимо, будет преследоваться как неприемлемое, то, что раньше было неизвестным, станет единственно возможным. В интересующем нас вопросе изменения не заставили себя долго ждать. Необходимость передачи определенных прерогатив правой руке возникла очень рано, и в то же время левая рука воспринимается обычаем как недостойная. Первые же указания присутствуют в «Гражданстве обычаев детских» Эразма, появившиеся в 1530 г. и являющиеся прототипом современных учебников по правилам хорошего тона и настоящим бестселлером своего времени (книга выдержала по меньшей мере восемьдесят изданий и была переведена на четырнадцать языков¹⁵ до 1600 г.): «Ставя тарелку или наливая вина в бокал не пользуйся левой рукой»¹⁶, — встречаем мы там. Другие авторы вторят ему:

Ребенок ни в коем случае не должен подносить мясо ко рту то одной, то другой рукой, как те юные создания, что приступают к еде: всегда он должен пользоваться правой рукой, скромно беря хлеб или мясо тремя пальцами¹⁷.

Правила поведения за столом менялись очень быстро. Вплоть до конца XV в. за столом ели либо двумя руками

одновременно (те, кто не слишком следил за собой), ибо, те, кто хотел продемонстрировать свое знакомство с хорошим тоном, одной рукой, левой или правой в зависимости от расположения стола. С середины XVI в. воспитанный ребенок может подносить еду ко рту исключительно правой рукой. Так возник обычай, а обычай фактически никогда не подвергают сомнению.

Впоследствии, по мере того как средние классы обогащались и поднимались по социальной лестнице, правила хорошего тона приобретали все более нормативный характер, будучи изначально знаком отличия в свете. (Отметим, что тот же процесс происходит и с языком, принятым при дворе, «прекрасным языком», который постепенно становится общепринятым французским языком.) Правила становятся все более многочисленными и все более категоричными. Их насаждают в самых низких кругах с помощью церкви, которая дает им статус христианской добродетели. Вежливость становится не только способом хорошо держаться в обществе, но способом понравиться Богу, уважать евангельское послание во всех мельчайших ежедневных заботах. С этих пор появляется *честный и нечестный* способ держать себя за столом. Использовать левую руку вместо правой, без сомнения, относится ко второму. О том пишет в обличительной речи Пьер Лепти в 1683 г., черпая свое вдохновение в писаниях святого Августина:

Не ужасаетесь ли вы ежедневно тем, что левши и едят левой рукой? Но если чувствуете вы, что стол ваш опозорен, ибо человек за ним ест подобным способом, то не чувствует ли Бог, что Его стол опозорен, ежели правую свою руку вы превращаете в левую, а левую — в правую?¹⁸

Жан-Батист де Ла Саль (1651–1719) будет одним из основных проповедников этой идеологии социальных поведений. «Правила доброго поведения и христианско-

го соблюдения приличий», опубликованные в 1703 г. (переизданные, по меньшей мере, сто семьдесят шесть раз до 1875 г., что свидетельствует о важности этого произведения в истории нравов¹⁹), представляют собой неприменно доподобный перечень мелочных инструкций. Ребенок, к которому прежде всего и обращена эта книга, захвачен арканом дисциплины, которая не дает ему ни малейшей свободы действий. У Эразма и его последователей правила, касающиеся левой руки, составляли лишь несколько строк, здесь же их добрый десяток:

Развернув салфетку, следует убедиться, что перед вами есть тарелка и что нож, вилка и ложка лежат по правую руку, чтобы их удобнее было взять. <...> Держать всей рукой вилку или ложку так, словно вы держите палку, противно хорошему тону; держать их нужно между пальцев. Нельзя подносить их левой рукой ко рту. <...> Согласно правилам хорошего тона, тарелку нужно держать в левой руке, а нож или вилку в правой, чтобы придержать в случае необходимости то, что вам положат на тарелку. <...> Недопустимо есть обеими руками, куски пищи следует подносить ко рту правой рукой и пользоваться ложкой или вилок, чтобы подносить ко рту пищу свежую, жирную или жидкую. <...> Считается дурным тоном вынимать изо рта двумя пальцами то, что вы не смогли проглотить, как то: кости, орехи, косточки и так далее. Еще хуже, если вы позволите им упасть из вашего рта на землю или на тарелку, как если бы вас тошнило. Также не следует выплевывать их на тарелку или в руку, но следует вынимать их изо рта полуприкрытой левой рукой и незаметно класть на тарелку. <...> Также не следует держать миску левой рукой на уровне ушей, как будто вы боитесь, что у вас ее не заберут. <...> Хлеб следует класть с левой стороны на специальную тарелку или салфетку; считается дурным тоном класть его с правой стороны перед или за тарелкой. <...> Откусывать хлеб от целого каравае смешно, на это способны лишь люди само-

го низкого происхождения и самого плохого воспитания. Для того чтобы отрезать хлеб, следует держать его левой рукой и ножом в правой руке отрезать ломти. <...> Дурным тоном считается глотать косточки [фруктов] или разгрызать их зубами или разбивать их другим способом, чтобы достать ядрышко. Не считается хорошим тоном и выплевывать их на тарелку или бросать на землю или в огонь, но следует брать их полуприкрытой левой рукой и незаметно класть на свою тарелку²⁰.

Эти правила касаются как тех, кто ест, так и тех, кто их обслуживает:

Потом следует подать воду для омовения [помочь вымыть руки], со всей учтивостью слегка приподняв кувшин для воды, перекинув салфетку через левое плечо и удерживая поднос снизу левой рукой. <...> Тот, кто подает на стол, должен быть с непокрытой головой; тем более, если он подает напитки, и когда он предлагает кому-то напитки, бокал следует держать за ножку левой рукой... а затем, показав бокал, опустить его и медленно налить воды из кувшина, держа его в правой руке <...> [в завершение трапезы] тот, кто должен нести свечу, чтобы проводить Гостей, и несет ее в канделябре, который держит в правой руке, в левой руке он держит шляпу и непременно идет первым, чтобы указывать дорогу²¹.

Из этих отрывков видно, насколько правая рука обрела власть за полтора века. 1530 год, когда был создан знаменитый трактат Эразма и первые принципы «правостороннего» поведения, вполне может считаться решающей датой в истории левшей. До этого, хоть они и не пользовались доброй славой, но все-таки были неотъемлемой частью повседневной жизни, «для человека естественно быть правой, хотя некоторые и являются левшами», как говорили еще в начале XVI в.²² Говоря проще, левши и подумать не могли, что им *запретят быть такими, какие они есть*. Возникновение понятия о хорошем тоне и правил

поведения в обществе, которые оно повлекло за собой, послужило концом их безнаказанности²³. Пользоваться левой рукой отныне является не только неестественным, но и неприличным. Левша становится невежей и его необходимо переучить. История Жака-Бартельми Сальют, хотя она и относится к более позднему времени (1810 г.), служит прекрасным примером неоспоримой важности нового понятия. Однажды, когда вся семья собралась за столом, его семилетний сын «взял вилку левой рукой и вознамерился было приняться за еду», однако воспитатель остановил его, чтобы «заставить его пользоваться *хорошей рукой*, то есть правой». Удивленному отцу воспитатель категорично объяснил, что элементарные христианские обычаи требуют «отказаться от использования левой руки». «Клянусь, я не мог устоять перед столь убедительными доводами, — пишет Сальют. — Я приказал сыну впредь во всем слушаться господина аббата и воздержаться от использования левой руки под страхом того, что он не получит благословения моей правой руки»²⁴.

Конечно, подобные изменения в менталитете людей не могли свершиться за один день, и 1530 г., который мы предлагаем как *terminus ad quem*, — дата символическая. Процесс этот начался намного раньше, как о том свидетельствуют упреки, адресованные в XIII в. тем, кто страдает от дурной привычки есть обеими руками. В то же время мы знаем, что терпимость по отношению к левшам существовала долгое время после 1530 г. (см. историю крестьян XVIII в., о которой мы скажем дальше). Социологические факторы привычны к подобному волнообразному движению. Однако одно остается неизменным: Новая история ввела правило, которого Средние века не знали. Если вы человек воспитанный, то все действия повседневной жизни вы исполняете правой рукой (левая рука является вспомогательной). Противоречить этому

правила — дурной тон. Можно себе представить, что жизнь левшей это нисколько не облегчило. К тому же появился и другой элемент повседневной жизни, ставящий их в тупик. Речь идет об обучении письму.

До того как появились правила письма

Согласно Филиппу Арьесу²⁵ и другим историкам, развитие борьбы с неграмотностью в XVI в., последовавшее за изобретением печатного станка и Реформацией, является одним из основных политико-культурных событий, изменивших западный менталитет, тем самым обозначив переход от средневекового мира к миру современному. За исключением нескольких отдельных рано появившихся очагов, как, например, во Фландрии, европейское население не было знакомо с культурой письма вплоть до конца эпохи Ренессанса. Прогресс набирал все большие темпы и имел все более общий характер, обнаруживая колоссальные разрывы между странами. В Шотландии, например, уровень грамотности среди людей от 25% в 1643 г. поднялся до 78% в 1750 г. В Франции реестры приходских книг показывают, что в 1686 г. только 29% среди мужчин и 14% среди женщин могут написать свое имя; через сто лет эти числа возрастут соответственно до 48% и 27%²⁶. Эти социальные пертурбации, которые в целом шли на пользу населению, не могли не сказаться самым плачевным образом на положении левшей.

В эпоху Средневековья, когда письмо было знакомо лишь незначительному меньшинству населения, людей мало беспокоили вопросы, связанные с латеральностью. В *modus scribendi*²⁷ — в трактатах о каллиграфии, которые появляются с начала XIII в., использование левой руки при письме не запрещается; более того, нет в них и пря-

мых указаний об использовании правой руки. Например, Хьюго Шпехшарт в трактате «Forma scribendi» (ок. 1346 г.), хотя и пишет, что предпочтительнее писать пером из правого крыла, чем из левого (согласно принятой символической системе), не упоминает о том, какой рукой, правой или левой, нужно писать²⁸. Судя по всему, для него это не представляется существенным. Существуют формальные доказательства того, что средневековые переписчики пользовались левой рукой (они добавляли в конце книг фразы типа manu sinistra scripsit или scripsit hunc librum manu sinistra). Впоследствии мы еще вернемся к писцам-левшам, а здесь они важны для нас как еще одно доказательство терпимости времен Средневековья к леворукому меньшинству. Конечно, практика письма была рассчитана на правшей (не отсюда ли направление линий?), однако праворукость не была обязательным условием. Как и с правилами поведения за столом, в то время каждый мог действовать, как ему больше нравилось, или как было удобнее: требования к результату не распространялись на способ достижения этого результата.

С письмом произошло то же, что и с правилами хорошего тона. Пока оно было привилегией монастырей, университетов и органов управления, никаких ограничений не существовало. Как только оно становится достоянием широких масс населения, появляются и запреты. Первые требования неперменной праворукости относятся к концу XVI в.²⁹, в эпоху, когда образование становится более демократичным благодаря появлению фактически повсюду в Европе церковных или приходских школ (согласно указаниям Тридентского собора³⁰ в 1547 г.). При помощи дисциплины воспитатели добивались установления нормы: в письме важна не только каллиграфия, но и метод. Детям преподают *«единственный и правильный способ действий»*, и, конечно, это способ действий большинства, а значит, правшей. Обучение затрагивает и нравственные

широко, и первые буквари, которые получают школьники, являются и первыми учебниками жизни в праворуком обществе: книга Кальвиака в 1560 г. называется «Гражданская вежливость для детей, с методами обучения чтению, произношению и письму».

В течение последующих эпох школьное обучение европейского населения — а вместе с ним и борьба с неграмотностью — будет все более и более активным, все строже и строже относясь к тому, чтобы молодое поколение не пользовалось «плохой» рукой. Во Франции времен Людовика XIV самых эффективных проповедников праворукой нормы можно было найти в школах для бедных, созданных для борьбы с невежеством бедных слоев городского населения. Среди церковных заведений выделялись Братства христианских школ (1679—1680). Их создателем был Жан-Батист де Ла Саль, автор «Правил доброго поведения и христианского соблюдения приличий», чью маниакальную непримиримость во всем, что касается правой и левой руки, мы уже имели честь наблюдать. Это небольшое произведение, которое одновременно являлось и букварем, и грамматикой, и сборником нравоучений, стало своего рода настольной книгой для всех учеников Братства (которое накануне Революции насчитывало более ста двадцати домов). Ничего удивительного, что выражение «хорошая рука», которым отличали правую руку, постепенно заменило собой «красивое письмо»³¹.

Прогрессивные изменения

Терпимое отношение к левшам, существовавшее вплоть до эпохи Ренессанса, закончилось под давлением кодекса хорошего тона (в основном правил поведения за столом) и школьного образования (обучения письму). В

средневековой культуре праворукость является физиологической нормой; в символическом плане она воплощала в себе и нравственную норму. Однако она не была и отличием от последующих веков дисциплинарной единичей. Другими словами, латеральность еще не стала частью социального урегулирования. Повседневная жизнь подавляющего большинства людей еще не превратилась в обряд с центральным действующим лицом — правой рукой, и по большому счету каждый мог действовать по собственному разумению. Упомянутые нами ранее обитатели Уаррэм Перси являются случаем исключительным, однако и показательным в то же время. Эти люди были вилланами, т.е. несвободными крестьянами, потомками каролингских рабов, не имеющими ни владений, ни прав, ни образования, живущими на грани бедности в глубине англо-нормандских земель. Конечно, они были абсолютно безграмотными. И конечно, взмахивая топором или мотыгой, выполняя задание своего сеньора, они не задумывались о том, какой рукой они пользуются, правой или левой. И конечно, их трапезы не осложняли никакие куртуазные правила. Никого не волновало, были ли среди них левши, и никто не пытался вылечить их от этого. Далекое от формализма хороших манер (что в те времена было прерогативой знати), всю свою жизнь выполнявшие работу, которая требовала только физическую силу вне зависимости от использования правой или левой руки, эти бедные крестьяне могли, не страшась ничего, вести себя так, как для них было естественно. Тот, кто родился левшой, левшой жил и левшой умирал; отсюда и эта цифра в 16–19%, которую вывели археологи, столь близкая к естественному проценту левшей в человеческом обществе.

В общем (если не принимать в расчет уровень жизни), социально-культурное положение вилланов Уаррэм Пер-

он отражает положение большинства современников, т.е. «святого божьего люда», как еще говорили тогда, состоявшего по большей части из работников, крестьян, виноделов, скотников или землепашцев, поденщиков и ремесленников. Кажется, безнаказанность левшей Англии не отличалась от их положения в других странах средневековой Европы. И даже если эта терпимость была, скорее, средни равнодушию, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что Средние века были Золотым веком левшей.

С начала Новой истории, использование правой руки становится отличительным знаком воспитания и правилом хорошего тона, что сначала распространяется на буржуазию, стремящуюся подражать двору, а потом, за счет влияния школ, и на простой народ. «Так не делается», — это чаще говорят маленькому левше, которому в голову приходит дурная мысль следовать велению природы. Под страхом навлечь на себя громы и молнии воспитателей, ребенку не остается другого выбора, кроме как писать, есть и выполнять разнообразные функции общественной жизни *правой рукой*, подчиняясь общему правилу.

Однако не стоит пребывать в заблуждении, что гегемония правой руки в течение столетий распространилась на все слои общества. Несмотря на ее постоянные успехи, образование долгое время не могло коснуться населения, находящегося в неблагоприятной экономической ситуации. Историки отмечают в XVII в. кричащие разрывы между уровнем образования мелкой торговой буржуазии (около 80%) и неквалифицированных рабочих (менее 20%)³². В общем, неравное положение между городским населением, где были сконцентрированы доминирующие, а значит, и образованные, социальные классы, и деревенским населением только обострялось. В одну и ту же эпоху в северной Европе общий уровень разнился вдвое³³.

Из этого следует, что образование зависело от социального профессионального положения. Там, где чтение и письмо не были необходимы для исполнения работы, царила фактически полная безграмотность. Именно поэтому крестьянство по причинам культурным и географическим одновременно оставалось вне распространения культуры письма и, в общем, благ цивилизации. Не вызывает никакого сомнения, что, по крайней мере, до индустриальной революции, то, какой рукой пользуется аграрное население, составляющее значительное большинство в Европе, могло и не заинтересовать вездесущих профессоров нравов. Инстинкт побеждал воспитание, а давление природы — давление общества, и среди них было больше левшей, чем ранее. Потому в конце XVIII в. один наблюдатель записывает, что во французских деревнях больше левшей, чем в городах, так как «природа некоторых из них не испорчена злоупотреблением образования»³⁴.

Эти крестьяне-левши были достаточно многочисленны для того, чтобы, по словам того же автора, специально для их нужд существовали особые инструменты для обработки земли (в частности, «косы, чье лезвие располагается в обратную сторону»³⁵). Даже в наши дни сложно найти ножницы, удобные для левшей, потому представьте себе, насколько велико значение этого сообщения! Можно допустить, что в деревенском быту при Старом режиме к леворукости относились с достаточным уважением (всегда ли?) или, по крайней мере, принимали в расчет. Конечно, в данном случае речь идет о специфической терпимости, связанной с культурной бедностью людей и фактически полным отсутствием образования³⁶. Если позволительно провести подобное сравнение, то с крестьянами дело обстояло так же, как и с умственно отсталыми и психически больными, о которых мы уже говорили. Левшей среди них больше только потому, что на них не набросили иго праворукого воспитания. Строго

говоря, леворукость встречается среди них не чаще, чем у всех, она просто реже искореняется.

Если, по нашему мнению, Средние века отличаются терпимостью по отношению к левшам, то следует ограничить понятие Средних веков. Для нас это не только период истории между спорными политическими событиями, это «долгое Средневековье», о котором пишет Жак Ле Гофф, т.е. цивилизация, чьи ветви простираются достаточно далеко в пространстве времени. С точки зрения истории левшей, Средние века заканчиваются во второй половине XIX в. с распространением образования в массах.

II. ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЕГОДНЯШНЕЙ СВОБОДЕ

Выражение «силы прогресса» в наши дни воспринимаются достаточно негативно. Однако именно от обстоятельств зависит их значение. Так происходит и с борьбой за эмансипацию левшей.

Всегда существовали умы более дальновидные и потому более терпимые к своим собратьям, чем другие. Человечество, всегда склонное к консерватизму, предрассудкам, суеверию, фанатизму, во многом обязано именно этой породе людей. Некоторые из них, например, несмотря на то, что обычаи их времени осуждали левшей, не побоялись выступить против своих современников. Они утверждали, что человек имеет две руки, как две ноги, два глаза или два уха. Конечно, правая рука более умела, чем левая. Однако достаточное ли это основание для того, чтобы так презирать левую? Разве естественно так преследовать тех, чья левая рука по капризу природы более ловка, чем правая?

Первопроходцы

Первым истинным защитником левшей Нового времени стал английский ученый Томас Браун (1605—1682). Целая глава «О правой и левой руке» его «Лженауки суверий» (1646) посвящена опровержению предрассудков. По закону жанра, текст его трактата несколько сух и блещет эрудицией и бесчисленными отсылками к античной литературе, медицинским теориям и библейским легендам. Однако в глубине его отличает большая свобода выражения. Центральная идея, позаимствованная у Платона³⁷, — что превосходство правой руки является весьма спорной догмой, которая не имеет под собой ни физиологических, ни даже моральных оснований:

Следует подвергнуть сомнению и то, что обычно говорится о правой и левой руке, зная, что для человека естественно пользоваться правой рукой, а использование левой руки есть не более, чем отклонение с пути, естественного от природы³⁸.

На самом деле, пишет Браун, мы являемся правшами потому, что так считает правильное общество. Леворукость является вариантом развития человеческой природы, чья редкость объясняется тем проклятием, которое на нее налагают без всяких на то оснований. Лучшим тому подтверждением является тот факт, что дети, если предоставить им свободу выбора, зачастую выказывают склонность к леворукости: «...и только с большим трудом удается отучить их от этого»³⁹. Для них роль «плохой руки» исполняет правая⁴⁰. Из этого вытекает, что левша имеет столько же прав, сколько другие. Он ничем не заслуживает того презрения, которое навлекают на него обычаи. Ценность человеческого существа не сводится к его соответствию или несоответствию общепринятым физиологическим нормам, но к его таланту. История знает множе-

ство великих деятелей, которые были левшами. К тому же, насмешливо заключает автор, не стоит забывать, что, когда люди обращают лицо к небу, напротив Божией десницы оказывается их левая рука⁴¹.

Если книга Брауна пользовалась определенным успехом (ее переиздавали в 1658, 1669 и 1672 гг.), то ее влияние сказалось только через сто лет, в основном во Франции, где она была переведена в 1733 г. под названием «Эссе о распространенных ошибках или анализ множества мнений, которые считаются верными, но которые на самом деле ошибочны или спорны». XVIII век во Франции, век Просвещения, отличался «страстью к идеям». Критический дух, философский рационализм, вера в прогресс и терпимость разрушали нравственную, социальную и политическую систему старого мира, которая полностью покоилась на принципе Власти. Желание всех просветителей заключалось в том, чтобы пересмотреть точку зрения на все и найти в этом новые идеи, а значит, и новые правила жизни в обществе. Работа, подобная произведению Брауна, призванная противопоставить беспристрастное сознание благородного человека закостеневшим мнениям черни, не могла не прийтись ко двору. Она имела огромный успех и была фактически сразу же переиздана (в 1738 и 1741 гг.). Несомненно та терпимость, с которой автор относится к левой руке и левшам, нашла своих последователей.

Во второй половине XVIII в. терпимость в области воспитания получает все большее распространение среди образованных кругов Франции. Курьезнейшим образом ценности, запреты и обязательства, перечисленные Жаном-Батистом де Ла Салем за несколько десятков лет до того, уже не относятся исключительно к «высокорожденным». Напротив, согласно новой идеологии, настоящие качества человеческой природы проявляются только

в том случае, если ребенок как можно дольше остается в естественном состоянии, не подвергаясь внешнему социальному давлению. Для Жан-Жака Руссо важно, чтобы Эмиль не приобретал никакой определенной привычки, чтобы ему предоставили свободу в том, чтобы по своему капризу использовать то правую, то левую руку, не заставляя его подчиняться спорным правилам, которые могут принести вред, когда он станет взрослым⁴².

Тем временем новая идеология начинает вырисовываться в «Энциклопедии» (1751–1772), этом произведении-символе эпохи Просвещения. Хотя ни одна из статей напрямую не посвящена вопросу латеральности, он все-таки встает косвенным образом на некоторых страницах. По указаниям Дидро редакторы «Энциклопедии» поднимают голос «против тирании предрассудков и воспитания», которая «заставляет людей с первых лет жизни отказываться от своей природной склонности к амбидекстрии и приносить в жертву левую руку, которая слабеет от бездействия». Не существует разницы в умениях обеих рук, неоднократно повторяют они, как не существует разницы между глазами или ногами. Попытки всеми способами дискриминировать левую руку «противны природе и здравому смыслу».

...Лишь постоянной праздности обязана левая рука тем, что стала менее умелой; у тех, кто обычно совершает все действия правой рукой, меньше обращают внимания на ту часть тела, которая действует реже; и если ее действия удивляют нас у тех, кого мы называем левшами, то это вина исключительно наших глаз, которые привыкли обращать внимание только на действия правой руки⁴³.

Однако речь в защиту левшей на этом и заканчивается. Конечно, в «Энциклопедии» высказывается пожелание о том, что нужно «перестать поправлять детей, которые пользуются то одной, то другой рукой» (другими

словами, левшей), однако, скорее, с той целью, чтобы они развивали «способности к природной амбидекстрии, которая может сослужить им хорошую службу в будущей жизни»⁴⁴. Например:

...Хорошо, если учитель фехтования научит своих учеников действовать обеими руками; другими словами, если ученик хорошо владеет шпагой правой рукой, должен он тренировать левую. Это упражнение трудно для всех, однако при желании упорным трудом можно добиться определенного уровня мастерства, что полезно для ученика и делает честь учителю⁴⁵.

Так что особенность левшей была признана далеко не полностью. При всей свободе от старых суеверий, которой славились энциклопедисты, им не приходит в голову, что можно пользоваться только левой рукой. Однако критика, которую они обрушили на властную систему образования правой рукой пробилла чувствительную брешь в цитадели декстрократии. Прежде чем нравственный порядок окончательно не воспрянет духом, в течение XIX в. разные страны станут свидетелями поразительного расцвета дискуссий о неизвестных достоинствах «плохой руки» и неизвестных доселе ресурсах амбидекстрии. В 1771 г. немец Мельхиор де Гримм (1723—1807) советовал, например:

Пусть мне не говорят, что воспитание не разрушает глубины природы; что оно не может изменить натуру. <...> Я пишу, не задумываясь об этом; я пишу правой рукой, которая от природы ничем не отличается от моей левой руки. Неправда, что правой рукой я пишу лучше, чем левой.левой рукой я вообще не пишу, вообще, говорю вам. Эти две руки отличаются именно всем от ничего⁴⁶.

В 1786 г. некий Антуан Дюшен на нескольких страницах выступил против «порочного обычая, который не

дает детям пользоваться левой рукой и заставляет отдавать предпочтение правой»⁴⁷. Подтверждая, что общественное мнение внезапно заинтересовалось вопросом «необходимости пользоваться и правой, и левой рукой» (несомненно благодаря статье в «Энциклопедии»), автор требует реформы господствующей педагогической системы. Ожидаемый результат будет носить исключительно профилактический характер. Обучая тому, как пользоваться обеими руками, по мнению Дюшена, мы предохраняем себя от всевозможных зол, болезней или несчастных случаев, которые могут подстерегать правую руку и жизни.

Отцы, матери, воспитатели и воспитательницы, которые читают меня, будьте бдительны, во благо своих детей и учеников, докажите им свою любовь. А вы, преподаватели различных дисциплин, будьте полны рвения и объединитесь с родителями детей нового поколения. Окажите им эту услугу, которой в свое время не получили мы. Отбросьте лживые предрассудки, обучите своих учеников пользоваться с равной ловкостью обеими руками в письме, рисовании и разнообразных искусствах и ремеслах. Они будут вознаграждены сполна, если что-нибудь случится. Если правая рука будет ранена или с ней случится несчастный случай, пусть у ваших детей другая рука будет готова заменить ту, что искалечена или парализована⁴⁸.

Разве может здравый смысл не прислушаться к подобным аргументам:

Природа, представляется мне, одарила нас двумя инструментами, равными по силе, которые могут служить нам в равной степени⁴⁹.

Самый известный текст по этому вопросу принадлежит перу американского автора. Это «Петиция левой руки в адрес тех, кто занимается воспитанием детей»

Бенджамин Франклин (1706—1790). В этой петиции левая рука, изображенная маленькой девочкой, которую не любят родители, предпочитая ее сестру (правую руку), обращается к читателю и жалуется на свою судьбу. Литературные достоинства текста очевидны:

Я обращаюсь ко всем, кто любит молодость, и заклинаю с сочувствием выслушать историю моей несчастной судьбы, и да отбросят они предрассудки, жертвой которых я пала!

Мы с моей сестрой близнецы; глаза человека не столь сходны меж собой и не столь гармоничны вместе, как я и моя сестра. Но пристрастность наших родителей возвела между нами обидную стену.

С самого детства я привыкла считать, что сестра моя лучше, чем я. Ничего не жалели для того, чтобы дать ей достойное воспитание, меня же ничему не учили. К ней были приставлены наставники, учившие ее писать, рисовать, играть на музыкальных инструментах; если же я случайно бралась за карандаш ли, перо ли, иголку ли, меня жестоко наказывали. Меня даже били не раз, так как мне не хватало ловкости и изящества. Правда, несколько раз сестра моя позволяла мне участвовать в ее делах, убедившись перед этим, что она стоит впереди, и прибегая к моим услугам лишь по мере необходимости, я же всегда оставалась в ее тени.

Прошу вас, господа, не думайте, что это я из тщеславия жалуюсь. У горя моего корни гораздо глубже. Согласно традициям нашей семьи мы с сестрой находимся на содержании у наших родителей. Скажу вам по секрету, что сестра моя подвержена приступам подагры, ревматизма, спазмов, не считая разных несчастных случаев. А если с ней что случится, что станет с нашей бедной семьей? Не пожалеют ли наши родители тогда о том, что так по-разному воспитали столь похожих сестер? Увы! Мы сгинем в нищете. Я не смогу даже подать прошение о помощи! Ведь даже для того, чтобы пред-

ставить вашему вниманию эту петицию, мне пришлось просить ее написать другую руку.

Прошу вас, господа! Объясните нашим родителям всю несправедливость того, что они любят и ласкают только одну из нас. Объясните им, что необходимо делить заботу и любовь между всеми детьми.

Засим остаюсь, господа, вашей покорной слугой,

Левая рука.

Известный французский анатом Ксавье Биша (1771–1802), сознавая, что приоритет правой руки лишен естественного основания, тоже выражает сожаление, что при воспитании левой руке никто не уделяет внимания. Он убежден, что обе руки были «изначально предназначены для гармоничного действия»; а то, что «правая рука превосходит левую в ловкости», вызвано лишь нашим социальным консерватизмом. Большинство людей стали правшами в силу обычаев, так как большую часть времени именно этого требуют от них правила хорошего тона и поведения в обществе⁵⁰.

Для Жака Бартельми Сальг (1760–1830) этот вопрос представляется прежде всего нравственным. Он считает, что ничем нельзя оправдать добровольное принесение в жертву частицы себя, левой руки, даже если из-за «смехотворных предубеждений» она вызывает ужас у тех, кто учит нас добродетели. Его друг, врач, сообщил ему:

...Большая глупость, что мы, имея две руки, отказываем одной из них от всего сердца... что для природы нет ни правого, ни левого; то, что является правым для нас, — левое для тех, кто напротив нас. <...> После этого он стал приводить примеры из естественной истории: человек от рождения имеет два уха, два глаза, две ноздри, две ноги, и никогда никому не приходило в голову запретить пользоваться одной из них; если же действительно использование левой руки столь

противно природе, почему бы сразу не сделать нас однорукими; и что абсурдно, будучи существами двурукими, пытаться это опровергнуть и проклинать одну сторону больше, чем другую⁵¹.

И снова речь идет не о том, чтобы дать левшам право пользоваться той рукой, которой они хотят, а, скорее, о том, чтобы восстановить права левой руки у правшей, чтобы в случае чего одна могла заменить другую. Амбидекстрия, считает Сальг, очень полезна в случае, «если несчастный случай или болезнь отняли у нас одну руку, в этом случае мы всегда сможем заменить потерю»⁵².

В исследовании, представленном в Академию наук в 1828 г., натуралист Жозеф-Ахилл Конт в свою очередь поднимает голос против «непростительного злоупотребления», которое проявляется в предпочтении действий правой рукой. Он считает, что с раннего детства:

...Нужно лишать правую руку преимуществ в силе и активности, которым она обязана исключительно относительной слабости левой руки; если же последнюю тренировать в той же степени, то силы их будут равны. <...> Нужно ли мне говорить обо всех упражнениях, когда ребенка заставляют отдавать предпочтение правой руке перед левой, которая теряет жизненную силу, оставаясь в бездействии; ибо движение есть жизнь, а неподвижность — смерть?⁵³

Конт предлагает удивительную вещь, о которой никто до него даже и не думал: он предлагает привязывать правую руку; таким образом, «вторая рука получит недостающую ей жизненную энергию и силу, и равновесие восстановится»⁵⁴.

Мы могли бы привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что стопроцентное праворукое воспитание уже не пользовалось всеобщей поддержкой в начале XIX в. Многие считали, что разумное соотношение амби-

декстрии пойдет только на благо телу⁵⁵. Однако прислушивались ли к этим советам родители и воспитатели? Помогло ли как-нибудь левшам это новое уважительное отношение к левой руке? Вряд ли. Если верить свидетельству Жака-Бартельми Сальга в 1810 г., новоявленная терпимость встречала упорное сопротивление со стороны воспитателей старой закалки. Мы уже приводили несколько отрывков из сочинения Сальга: когда его сын за едой хочет воспользоваться левой рукой, наставник-аббат останавливает его и раздражается градом религиозных и нравственных аргументов, оправдывающих его запрет. Заинтригованный, отец маленького нарушителя начинает заниматься этим вопросом и в конце концов убеждается, что аббат был не прав в своей непримиримости. Как заметил один из его друзей, «вся эта пристрастность к правой руке и предвзятость к левой объясняется лишь косностью и, более того, старыми и смехотворными суевериями», заключив с иронией: «Если господин аббат прав, то зачем ограничиваться только рукой? С таким же успехом можно бы отказаться и от левой ноги и ходить, прыгая на правой ноге»⁵⁶. Добрый аббат казался несколько растерянным, когда Сальг выдвинул перед ним столь разумные аргументы. Чтобы «выйти из положения», он ответил, что «все это — философские идеи, новомодные веяния, опасные и не слишком хорошо звучащие, от которых он предпочел бы держаться подальше»⁵⁷. Столь явное нежелание спорить разочаровало Сальга и вдохновило на следующее заключение:

...Не сомневаюсь, что еще долгое время наставники, аббаты и гувернеры будут заставлять своих учеников держать ложку в правой руке⁵⁸.

Даже в наши дни многие согласятся с верностью этого вывода.

Грядущая революция

Ситуация начнет меняться в англоязычных странах с конца XIX в. Важнейшую роль тут сыграло то, что под влиянием моды на амбидекстрию (о чем мы еще будем говорить), люди стали задумываться о губительном влиянии воспитания, которое силой принуждает молодежь пользоваться правой рукой. Начиная с 1880-х гг., например, английский психиатр Вильям Айлэнд задается вопросом, нужно ли подвергать стольким мучениям детей, чьим единственным недостатком является предпочтение левой руки, что не соответствует принятой норме. Один из приведенных ему аргументов настолько логичен, что он поразила, почему об этом никто не задумывался раньше:

Ребенок-левша, которого принуждают писать правой рукой, находится в том же положении, что и правша, которого заставили писать левой⁵⁹.

В первом десятилетии XX в. по другую сторону океана Джордж М. Гулд боролся в Филадельфии против жестоких и неэффективных методов перевоспитания левшей. Под девизом «Оставьте ребенка-левшу в покое!»^{60, 61} он встает на защиту несчастной жертвы:

Подумайте об ужасных страданиях, моральных и физических, о боли, о стыде, которым общество вот уже столетия подвергает левшей. Даже в наши дни маленького левшу непременно попытаются обратить в праворукость. В Соединенных Штатах Америки около трех миллионов врожденных левшей! И каждый из них, если он в действительности не болен, чувствует себя несчастным калекой, и не столько из-за своей особенности, сколько из-за жестокости системы перевоспитания⁶².

Согласно Гулду, источник леворукости кроется не в самих руках, не в мозгу, а в глазном яблоке. Некоторые

люди отдают предпочтение левой руке только потому, что их правый глаз видит менее остро. Препятствовать этому, естественно, столь бессмысленно, сколь и жестоко:

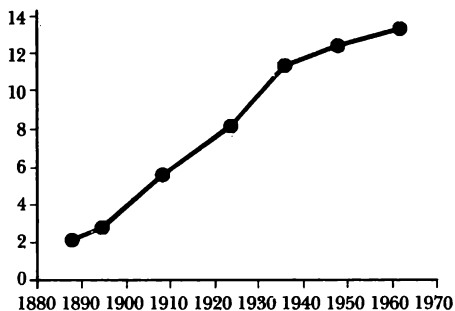
Сражайтесь с леворукостью сколько вам угодно, привяжите левую руку к спине, унижайте ребенка. Ничего у вас не выйдет. Слабому правому глазу, который всему виной, ваша абсурдная жестокость зрения не вернет!⁶³

В течение 1910—1920 гг. проблема общественной гигиены, с которой связана скрытая леворукость, становится все более явной, и все больше голосов поднимается в защиту реформы методов воспитания, которые не соответствуют требованиям современного мира. Так, в 1914 г. специалисты по вопросам детей проводят симпозиум в Норфист Скул в Филадельфии. Тема его — «Как следует относиться к ученикам-левшам?»⁶⁴ Они приходят к выводу, что латеральность является врожденной, а не приобретенной, а потому бессмысленно считать, что «левша сможет управляться правой рукой с той же ловкостью и умением, сколь левой». Пытаться всеми силами переделать его природу — значит подвергнуть его организм опасности «серьезного нервного расстройства»⁶⁵.

Об изменениях в менталитете говорит и то, что в прессе появляется все больше сенсационных статей, посвященных этому вопросу: «Let left-handedness-alone!» («Оставьте левшей в покое!»); «The crime against left-handedness» («Преступление против леворукости»); «Let the southpaw alone» («Отстаньте же вы от левши!»)⁶⁶.

Австралия по всей видимости стала первой страной, которая воплотит эти лозунги в жизнь и запретит переучивать левшей в школах. Результаты ошеломляют: в конце XIX в. левши составляли 2%, а в 1960-х гг. цифра приблизится к 13%!⁶⁷ Интересно, что кривая статистики, которая свидетельствует о равномерном росте с начала

ЛЕВШИ, КОТОРЫХ ТЕРПЕЛИ

Развитие процентного соотношения левшей в Австралии (по данным Брэкенбриджа, 1980 г.)

иска, начнет постепенно замедляться, приближаясь к 13%. Это значит, что потолок процентного соотношения врожденных левшей фактически достигнут.

В Соединенных Штатах наблюдается сходная картина, за тем лишь исключением, что рост использующего левую руку населения начинается несколько позже (с 1920-х гг.) и идет более быстрыми темпами⁶⁸. Этот временной отрыв показывает, насколько сильно было сопротивление американских консерваторов в «Прекрасную эпоху», несмотря на то, что ученые и высказались за освобождение левой руки. Так, в 1920 г. один журналист из Нью-Джерси поздравил общество с тем, что в результате «интенсивной кампании за избавление левой руки», проведенной в школах города Элизабет, в течение года число случаев упало с двухсот пятидесяти до шестидесяти шести⁶⁹.

В том, что касается Европы, то у нас есть только весьма отрывочные сведения, подчас противоречащие друг другу⁷⁰ и не позволяющие проследить за развитием событий. Тем не менее нам удалось выяснить, что вплоть до 1940-х гг. соотношение левшей в обществе колебалось от 3 до 7%⁷¹. За исключением, может быть, Англии, которая

стала более терпимой чуть раньше, чем другие⁷², осознание проблемы скрытых левшей в старушке Европе проходило непросто. С этой точки зрения, ситуация, сложившаяся во Франции, достаточно типична.

Пример Франции

Первые признаки

В эпоху Просвещения, как мы уже видели, Франция готова была вступить в бой против тирании правой руки. В определенной степени она сохранила свою позицию и в XIX в., даже на пике сенестрофобии – боязни левой руки. Возьмем, к примеру, текст Берталла, опубликованный в 1880 г. Известный юморист и иллюстратор, не знающий пощады критик чинного буржуазного общества, он пытается в своей «Комедии нашего времени» высмеять «странные и дикие умонастроения», которые заставляют людей всячески ограничивать «великолепный механизм» наших рук:

Господь весьма умело всем распорядился и щедро нас наделил, казалось бы, но не стоит этим злоупотреблять. Как известно, с нас хватит и половины. <...> Еще никому не приходило в голову, что мы можем приучить детей смотреть только одним глазом. И пока еще никто не додумался заставлять их передвигаться при помощи одной ноги, эдакими элегантными, изящными прыжочками. А почему бы не слушать одним ухом и не дышать одной ноздрей? Нет, к этому мы еще не пришли. Но зато все родители, как один, лишили своих детей радости пользоваться одной из рук. Пусть правая рука работает и делает все сама: таковы правила. Младенец только начал шевелить конечностями, а его уже учат не двигать левой рукой и пользоваться только правой. Ему не позволяют поднести ложку ко рту, если он делает это с неправильной

стороны. И писать, и рисовать, и тренироваться он может только правой рукой. Левая рука отменяется! Ее упразднили. А когда он начинает учить латынь, переписывая склонения в тетрадку, конечно же, правой рукой, ему объясняют, как наши предки, люди практичные и просвещенные, которым, несмотря на все прошедшее с тех пор время, мы все еще пытаемся подражать, дали левой руке имя «sinistra» — зловещая. И наконец, в пять лет ребенок усваивает урок и становится калекой на всю оставшуюся жизнь. Одна из его рук ловка и сильна, другая — бесполезна и безжизненна. В руке, которая не в силах удержать ленивые бесполезные пальцы, нет ни силы, ни выносливости — все отдано ее подруге. <...> Что ж, есть все основания считать, что взрослые и дети так и будут калечить себя до конца времен. Разве что умные родители, готовые прислушаться к полезным и правдивым идеям, не решат в один прекрасный день, что нужно давать равные возможности правой и левой руке, чтобы в случае необходимости одна могла заменить другую⁷³.

Текст весьма забавен, однако он не во многом выходит за рамки консерватизма. Берталл не выступает в защиту левшей, он лишь высмеивает чудной обычай правшей пренебрегать своей левой рукой; его аргументы черпают свое вдохновение в теориях сторонников амбидекстрии. Если автор ни словом не упоминает о судьбе левшей — еще более неестественной, чем судьба правшей, не видящих ничего, кроме своей правой руки, — то на то есть простая причина, которую мы уже упоминали в предыдущей главе. В ту эпоху к левшам относились как к калекам, грешникам или дегенератам. Даже самые вольнолюбивые умы — и Берталл в их числе — не могли представить себе, что эта категория человеческого общества заслуживает интереса. Что ж, и у дерзаний есть свой предел.

Как ни странно, но потребовалось дождаться Первой мировой войны, важного исторического события, чтобы участь левшей стала вызывать сочувствие.

Роль великой войны

Франция, с ее двумя миллионами убитых и четырьмя миллионами раненых, стала одной из тех стран (после Германии и России), которые заплатили непомерную цену за участие в войне 1914–1918 гг.

После заключения перемирия страна оказалась перед лицом колоссальных проблем здравоохранения, обслуживания, переквалификации и реинтеграции в общество всех тех, кто с войны вернулся калекой (см., например, создание ассоциации «Инвалиды войны» в 1921 г.). Как свидетельствуют некоторые современники, «неизмеримое» число людей потеряло в сражениях руку⁷⁴. Их можно было разделить на две категории: тех, кто потерял левую руку и мог (за исключением незначительного числа левшей) достаточно легко вернуться в обыденную жизнь, и тех, кто потерял правую руку, которым приходилось всему учиться заново, на этот раз — левой рукой, чтобы вновь обрести свое место в обществе:

Потеря одной из рук оценивается пациентом неоднозначно, в зависимости от того, была ли это правая или левая рука. Так как большинство людей является правшами, то потеря правой руки имеет гораздо более серьезные последствия, и переквалификация инвалидов войны уподобляется обучению действовать левой рукой, которая до сих пор, если можно так выразиться, оставалась в бездействии⁷⁵.

Этот внезапный и мощный приток «левшей-поневоле» стал одной из самых больших проблем нации. Чтобы как-то разрешить ситуацию, власти вводят все новые и новые начинания: мастерские по обучению работать левой рукой в диспансерах, вечерние курсы, чтобы заново научиться писать, и т.д.; продолжая дело перевоспитания населения, власти даже издают учебники письма, специально предназначенные для тех, кто пишет левой рукой⁷⁶. Умница левая рука легко поддается обучению, и большинство ветеранов Первой мировой совершают подвиг ино-

го характера и овладевают искусством «использовать левую руку в тех действиях, в которых раньше участвовала только правая рука...»⁷⁷ Это повлечет за собой последствия, о которых никто не подозревал.

После войны десятки молодых людей вернулись домой, открыв в себе способности, которыми раньше они не обладали. Да, они потеряли руку, а значит, стали калеками, чью плоть и душу затронула война, но в повседневной жизни они стали настоящими левшами, теми, кто может писать левой рукой, держать в левой руке инструмент, есть левой рукой, отдавать ею приветствие, креститься ею. То, что раньше запрещалось из нравственных соображений и яростно преследовалось, теперь явилось воплощением гражданского долга, мира после войны. В первый раз за всю историю леворукость стала ассоциироваться с человеческим достоинством и социальным порядком.

Эти пертурбации в обществе (резкий рост леворукого населения) и переоценка традиционных ценностей повлекли за собой и изменения в общественном мнении: нужно ли продолжать гонения органа человеческого тела, который оказался столь одаренным и столь полезным? Не наносит ли людям «сознательный вред... запрещение пользоваться левой рукой»?⁷⁸ А инвалиды Первой мировой, разве не доказали они, что леворукость ничем не хуже праворукости? Вопрос был открыт для обсуждения. «Мы клянемся, — заявил один учитель в 1918 г., — не обращать внимания на аргументы, которые требуют, чтобы настоящий левша мучил себя, даже если он будет единственным в классе»⁷⁹. Эта ремарка может показаться вполне безобидной сегодня, в то время она произвела настоящую революцию. Никогда еще, по крайней мере во Франции, никто не высказывал подобных предложений. Благодаря тому восхищенному сочувствию, которое вызывали «увитые славой однорукие» инвалиды, их стойкость перед

лицом невзгод, левши сумели, наконец, привлечь внимание к своей печальной судьбе. Это был первый шаг на пути к будущей свободе.

Будучи одним из самых тяжелых периодов в истории человечества, Первая мировая война послужила хоть одному доброму делу.

Крестовый поход Веры Коварски

Говорят, близок локоть, а не укусишь. Хотя в период между войнами многие и пришли к выводу, что «левая рука имеет то же призвание, что и правая»⁸⁰, старые привычки не исчезли в один день и детей, которые «пользовались левой рукой вместо правой» (такое определение дают левше словари), продолжали перевоспитывать и дома, и в школе. Так продолжалось фактически до 1950-х гг. Этой победой над социальной косностью левши во многом обязаны деятельности Веры Коварски, школьного психолога из Монпелье. В течение более двадцати лет⁸¹ тема перевоспитания левшей была ее кредо, фактически целью ее жизни.

Предпринятый Коварски крестовый поход во славу левшей начнется в 1937 г. по случаю I международного конгресса по вопросам детской психиатрии. Тема ее доклада:

«Некоторые расстройства умственного развития и характера у левшей», весьма хитрое название, троянский конь, который позволил ей, не вызывая недовольства, высказать весьма прогрессивные мысли. Перед скептически настроенной аудиторией молодая женщина объявляет, что леворукость — «не феномен, который вызван подражанием или воспитанием, но врожденная и естественная склонность, постоянная и необратимая». Несмотря на все «нравственные и физические расправы» со стороны наставников и преподавателей, левша «останется левшой всю свою жизнь; однако эта борьба истощает силы и энергию ребенка, тем самым изме-

няя условия естественного биологического развития и нанося организму ущерб⁸².

Выводы: необходимо срочно:

1) просветить общество, в частности родителей и воспитателей, образованных и необразованных, в вопросе о леворукости, объяснив, что она является врожденной и естественной склонностью, которая встречается у достаточно высокого процента населения и которую следует уважать;

2) компетентные власти должны дать инструкции во всех детских заведениях, как-то: детских садах и яслях, младших школах, лицеях, госпиталях, профилакториях, летних лагерях, — что воспитатели должны предоставить ребенку-левше свободу действовать левой рукой⁸³.

В первый раз столь разрушительная точка зрения доставила автору много неприятных моментов. Женщину обвиняли в том, что она «противоречит устоявшимся правилам» и «ущемляет интересы тех, кто специализируется в борьбе против леворукости»⁸⁴. Коварски не сдаётся и привлекает внимание министерства общественного образования. Война приостановит ее активную деятельность, и ей придется ждать лучших времен, чтобы вновь быть услышанной⁸⁵. Она публикует многочисленные статьи в прессе, проводит конференции, радифонные собеседования, встречи, дебаты, обращается с вопросом к ученым обществам, пытается достучаться до властей. В 1949 г. она представляет на рассмотрение в Академии медицины проект декларации фундаментальных прав левшей как «важнейшее профилактическое средство». Центральная статья гласит:

Необходимо уважать в семейной, школьной, профессиональной и социальной жизни неотъемлемое право левши свободно пользоваться левой рукой как рукой активной и ведущей во всех видах деятельности повседневной жизни, в частности для письма, а также левой ногой в физических упражнениях и играх⁸⁶.

Была создана специальная комиссия, во главе с академиком Луи Лапиком (1866—1952)⁸⁷, которая должна была представить правительству проект образовательной реформы. Хотя эта инициатива и оказала благотворное влияние на общественное сознание, однако были ли предприняты какие-либо конкретные шаги, нам неизвестно⁸⁸. По всей видимости, предубеждения против левшей все еще были сильны (опрос общественного мнения в 1949 г. показал, что 99% родителей хотят, чтобы их дети были правшами, и 73% среди них объявили о своей готовности любыми способами исправить природные склонности детей в обратном случае⁸⁹). Несмотря на все растущую поддержку прессы⁹⁰, необходимо было время для того, чтобы кампания, начатая Верой Коварски дала ростки в сознании французского общества. Понадобилось также наладить работу со школами. В течение 1950-х гг., и в особенности в 1954 г., в отчете, адресованном Генеральной Дирекцией Физического и Спортивного образования, профессора попытались «ударить в набат» при виде «фактически полного бездействия» французских школ в отношении проблемы левшей. «Когда, наконец, на них обратят внимание, когда с ними будут обращаться так, что их несчастье превратится в настоящее преимущество?»⁹¹ Необходимо было дождаться 1958/1959 учебного года, чтобы в Бордо был создан первый *сбалансированный* класс, в котором дети-левши не подвергались тирании правшей, как везде до того, а могли выполнять упражнения, адаптированные к их физиологии⁹². Инициатива, может, была и не слишком удачной, так как выходило, что левши — инвалиды, требующие специального ухода, однако она свидетельствует о желании властей не закрывать глаза на существующую проблему. На этот раз дело действительно сдвинулось с места.

Поворотные шестидесятые

В истории левшей 1960-е гг. стали поворотным моментом. Вольные нравы, терпимость в сфере образования и уважение к особенностям каждого стали новым кредо целого поколения родителей, преподавателей, врачей, психологов. Все хотели освободиться от гнета догм, табу, консерватизма, семейных и буржуазных ценностей довоенных лет. Маленькие левши одними из первых почувствовали наступившие перемены. Если раньше их унижали, над ними издевались, всячески создавали им невыносимые условия жизни, то теперь к ним стали относиться со всей предупредительностью. Отныне громы и молнии обрушиваются на предрассудки и воспитательные методы прошлых лет, принесшие им столько мук. «Я сыт по горло тем, как ко мне относились, — бушует левша в 1961 г. — Чудак, неисправимый неумеха, монстр, заслуживающий разве что снисходительного удивления, словно ученый медведь!»⁹³

Публикации работ известных психологов, Рене Заззо, Рауля Курильски или Анри Экаэна, только способствовали процессу либерализации. Конечно, некоторые авторы еще иронизируют, что вопрос о левшах превратился в «пустую болтовню в салонах, где посетители претендуют на звание педагогов»⁹⁴; однако это уже пустые придирки, агония ретроградов. Несмотря на их сопротивление, Вера Коварски выиграла. Ее девиз — «Мир один и для левшей и для правшей», который она отстаивала словно клинок в течение двадцати лет, был наконец услышан.

III. МИФ О ДВУХ ПРАВЫХ РУКАХ

Робкое становление леворукости, протекавшее с середины XVIII до середины XIX в. совпало с выдвижением амбидекстрии. Это было неизбежно: как только левши

снова попадают в милость, левая рука подвергается переоценке. В конце концов, и у правшей есть левая рука. Если она «пригодна к службе» для левшей, то почему бы и правшам ее не использовать? К тому же одновременное давление природного инстинкта и воспитания позволило некоторому числу левшей развить в себе универсальность рук, тем самым получив преимущество (см. четвертую часть «Левши, которыми восхищались»). Разве только они могут этим пользоваться?

Утопия старая, как мир

Идея о том, что между двумя руками нет особых различий и что каждый может, если захочет, владеть и той и другой с равной ловкостью, появилась очень давно. Одними из первых ее высказали Платон и Аристотель. Платон, в «Законах» объявляет «предубеждением» постулат, согласно которому существует «естественная разница между правой и левой рукой». Это не более чем «глупости, которые нам рассказывают кормилицы и матери», делающие нас «однорукими».

Если естественные способности обеих рук равны, то мы сами сделали их неравноценными и не способными служить нам в полной мере. Для незначительных действий это не играет большой роли, например, мы можем держать лиру в левой руке, а плектр в правой и т.п. Однако позволять себе такое и в других случаях, когда поступать так не следует, это настоящая глупость. <...> Можно найти множество... примеров... из которых станет ясно, что те, кто делает все, чтобы левая рука была слабее правой, действуют противно природе⁹⁵.

Аристотель же высказывался более расплывчато:

Среди всех животных только у человека левая рука столь отличается, так как изо всех животных он ближе всех к природе; естественно, что правая рука лучше и что в этом ее

особенность. Правая половина тела человека более умела в действии. Если правая рука столь выделяется, разумно, что левая рука менее ловка и что в человеке она будет более всего выделяться⁹⁶.

Однако называя правую руку «лучшей» по сравнению с левой, философ признает также, что подобная оценка в большей степени условна:

Мы держим все в правой руке, потому что таков наш обычай. В наших силах иметь две правые руки, если мы приучим себя к этому⁹⁷.

Сделать из левой руки вторую правую руку (с этимологической точки зрения, в этом и заключается смысл слова «ambidextre» — «праворукий с обеих сторон») — вот о каком будущем для человечества в XIX в. будут мечтать столь многие.

Культура амбидекстрии

Часто говорят, что движение в пользу амбидекстрии появилось в конце XIX в. в Англии, потом в Соединенных Штатах, и только потом появилось в Европе. Однако это не совсем верно. Мы уже имели возможность убедиться, что Франция лелеяла эту идею долгое время. Стоит только вспомнить «Энциклопедию», в которой Дидро и д'Аламбер мечтали о том добром часе, когда дети будут развивать «способности к природной амбидекстрии, которая может сослужить им хорошую службу в будущей жизни»⁹⁸, или о произведении Антуана Дюшена под названием «Об учениках амбидекстрах и о необходимости формирования этой особенности в искусстве письма и рисунка, а также во многих механических профессиях».

После этого уточнения можно усомниться в том, что амбидекстрия как социальное течение зародилась в англоязычных странах. Тот феномен, который получит на-

звание «culture ambidextre» (культура амбидекстрии), действительно увидел свет в викторианской Англии. Его создатель — писатель и журналист, известный под именем Чарльза Рида (1814—1884), который в 1878 г. написал серию статей, появившихся одновременно в британском «Дейли телеграф» и в американском «Харперз Уикли» под общим заголовком, слегка отдающим стилем Евангелия: «И грядет Человек»⁹⁹.

Новый человек будет амбидекстром (either-handed); не просто правой или левой, но человеком, вырвавшимся из той птичьей клетки, где матери, кормилицы и гувернантки с их языческими считалочками и глупыми предубеждениями против левой руки; в общем, это будет человек физически гармоничный, каким его и задумал Господь¹⁰⁰.

Несмотря на изрядную долю мистицизма и фантазии, Рид дает поразительные в своей яркости и четкости описания. Наверняка его статьи произвели большое впечатление на публику. Верно и то, что эти идеи были широко распространены в ту эпоху, в том числе и за пределами Англии. Во Франции, вновь попавшей под влияние республиканских идей, амбидекстрия вызывает особое отношение:

В эту эпоху, когда нами движет жажда равенства, не настал ли час провозгласить равенство правой и левой руки?¹⁰¹

Можно без конца приводить примеры, свидетельствующие о возникновении новых умонастроений в последние десятилетия XIX в. Подчиняясь моде, Леон Майо пишет для шансонье Реваля монолог под названием «Ибо левою дерусь». Все вокруг свидетельствует о преимуществах амбидекстрии: от Алекса, который ежедневно бил свою жену поочередно то правым, то левым кулаком, до сына консьержки, который сморкается то в одну, то в другую руку, в зависимости от того, какая ноздря забита¹⁰². Даже самые ярые противники либерализации левшей единодушны в том, что насколько бы ни было велико

превосходство правой руки, но праворукость все-таки крайнее средство по сравнению с панацеей амбидекстрии. Например, Виктор Галипп, определивший леворукость как «ужасную наследственность», в 1887 г. завершает свой труд словами:

Нет на земле столь примитивной расы, которая состояла бы исключительно из левшей или правшей. Человек должен пользоваться поочередно или одновременно обеими руками. Очень жаль, что атавизм выпрямил человека. <...> Сможем ли мы когда-нибудь пойти вспять течению времени? Я не думаю; человечество никогда не вернется к своим истокам. Однако если правда, что новорожденный ребенок приближается к состоянию существа примитивного, то нужно воспользоваться этим, чтобы сделать из него амбидекстра¹⁰³.

Амбидекстрия отводит и правой, и левой руке одинаковую ценность, одинаковый вес; она воплощает в себе идею равновесия, «золотой середины», отвечая моральному принципу умеренности, который считается залогом здоровья:

Воспитать искусственно амбидекстра — задача, по нашему мнению, достойная мудрых наставников. Я знаю, можно научить фехтовать обеими руками; нельзя ли применить этот принцип ко всем играм и ко всем движениям мышц, которые происходят в течение дня? Равновесие всех движений за счет чередования [правой и левой стороны] явит нам гармонию формы, и гигиена тоже выиграет за счет более равномерного распределения циркуляции крови в левой и правой половине тела¹⁰⁴.

Пик популярности амбидекстрии приходится на начало XX в. Работам (большой частью англоязычным), посвященным преимуществам амбидекстрии, нет числа. В 1900 г. в очень серьезном «British Medical Journal» появился «призыв к повсеместному принятию амбидекстрии»¹⁰⁵. По ту сторону океана, в частности в Филадельфии, все именно к этому и идет, судя по тому, что учителя с неко-

торых пор предлагают детям упражнения для обеих рук, призванные способствовать их развитию¹⁰⁶. Энтузиазм столь велик, что его последствия сложно предугадать. Так, в весьма закрытом кругу специалистов по истории первобытного общества становится хорошим тоном утверждать, что люди эпохи неолита пользовались в одинаковой мере обеими руками¹⁰⁷. А в Бельгии писатель Эдмон Пикар (1836—1924) создает персонажа, живого и сметливого (собрата Тэнтэна¹⁰⁸), которого называет Амбидекстром¹⁰⁹.

Однако самым символичным событием является основание англичанином Джоном Джэксоном Культурного общества амбидекстрии. Эта ассоциация, к которой примкнули многие великие деятели британской науки¹¹⁰, оставит нам три своих правила и один девиз:

1. Две идеальные руки, в равной степени умелые, лучше, чем одна.

2. Левая рука может и должна использоваться с большей ловкостью.

3. Подобное умение принесет много выгод индивидууму и будет весьма полезна для общества.

«Справедливость и равенство левой руке!»¹¹¹

Джон Джэксон, духовный сын Чарльза Рида, считал своей целью служить появлению нового человека — человека, который наслаждается полнотой своего бытия и примиряет, после многих веков бесплодного антагонизма левую и правую руку, а соответственно левое и правое полушарие мозга, удваивая свой физический и интеллектуальный потенциал. Роберт Баден-Пауэлл (1857—1941), будущий вождь и отец скаутов, по слухам, амбидекстр без упрека, становится центральной фигурой этой эгалитарной утопии¹¹². Вступление, которое он пишет в 1905 г. к манифесту Джэксона, «Амбидекстрия, или Двурукость и двуразумность», подписана дважды, правой и левой рукой, при этом подписи идентичны.

Тем не менее мода на амбидекстров быстро сходит на нет. Виноваты ли в этом физиологи, открывшие, наконец, что амбидекстры ничем не лучше и не хуже левшей, умеющих управляться и правой рукой?¹¹³ Или праворукое большинство не готово отдать свои прерогативы? Однако в 1905–1910 гг. везде понемногу раздаются голоса: «Даже если амбидекстрия возможна, кому она нужна»¹¹⁴. Асимметрия, говорится впредь, является отличительной чертой человека и псевдоравенство амбидекстрии противно законам природы. Вместо того чтобы привести человека к сияющему будущему, где он будет наделен всевозможными талантами, как о том мечтает кучка безответственных утопистов, культура амбидекстрии может вызвать к жизни невиданную социальную категорию — скрытых правшей. А это уже никуда не годится. Насколько судьба скрытых левшей никого не трогает, настолько мысль о том, что правши могут оказаться в подобной ситуации, представляется чудовищной. По иронии судьбы, падение амбидекстрии («the ambidexterity craze»¹¹⁵, как ее отныне называют за океаном), будет сопровождаться теми же реакционными и злобными выпадами, что и борьба за свободу левшей:

В самом движении во имя амбидекстрии я различаю все то же искаженное суждение, которое составляет мимолетная прихоть. Те, кто выступал за амбидекстрию, до этого пропагандировали вегетарианство, они же ходят без шляп, отказываются от прививок или подчиняются любой другой нелепости¹¹⁶.

После войны утопия амбидекстрии канула в Лету. Больше никто не говорит о ней всерьез. С этой точки зрения, пламенная речь «О пользе обучения и использования на равных началах обеих рук», опубликованная доктором Артуром Арменго в 1919 г., смахивает на анахронизм. Однако его продуманная аргументация стоит того, чтобы мы остановились на ней подробнее.

Нет никакого сомнения в ценности амбидекстрии с точки зрения военных: если бы одинаковое владение оружием обеими руками было общераспространенным, а не единственным случаем, сила армии значительно бы возросла¹¹⁷.

Для Арменго эта мысль становится откровением. Разрешение вопроса национальной безопасности, с которым столкнулась Франция, должно явиться причиной воспитания целого поколения амбидекстров:

Я разговаривал со многими французскими генералами, и все они согласились в одном. Генерал Мальтерр, прославленный ветеран... который вместе с коллегами разделяет мнение генерала Бадена-Пуэлла, сказал мне, что при желании было бы очень просто научить даже взрослых пользоваться левой рукой, ибо в армии некоторые офицеры и солдаты уже ведут лошадей левой рукой. <...> В любом случае солдат, который одинаково ловко управляется обеими руками, нужен и у пушки, и со штыком в строю¹¹⁸.

Из этого Арменго делает вывод, что государство должно немедленно принять меры. Он также призывает мобилизоваться всех тех, кто любит родину. Необходимо воспитать в молодежи способность пользоваться с одинаковой ловкостью обеими руками, а тогда, когда они дорастут до армии, они уже будут достаточно умелы, чтобы обеспечить победу над врагом:

1. Академия [медицины] должна направить воззвание к населению, чтобы семьи, во имя национальных интересов, приучали детей с малолетнего возраста пользоваться обеими руками.

2. Она также должна обратиться к министру общественного образования, чтобы он ввел в обязательном порядке во всех младших и старших школах обучение использованию обеих рук при письме и в других упражнениях.

Я привлекаю внимание Академии к той пользе, которую могла бы принести премия, вручающаяся ежегодно или раз в

два года, призванная отличить учителей, которые больше других преуспели в претворении амбидекстрии в жизнь¹¹⁹.

Предложения Арменго наверняка никто не принял во внимание. В любом случае, позорное бегство французских войск в июне 1940 г. перед войсками Вермахта доказывает, что они не возымели должного эффекта.

Амбидекстрия и освобождение левшей

Хотя амбидекстрия всегда оставалась лишь химерой, бабочкой-однодневкой без будущего, мода на нее сыграла важную роль в истории левшей. Если вернуться к одной из предыдущих глав («Грядущая революция»), то можно увидеть, что пик моды на амбидекстрию и тот момент, когда в англоязычных странах проявляется терпимость по отношению к левшам, совпадают. Амбидекстрия всегда выступала в поддержку левой руки («Справедливость и равенство левой руке!», как гласил один из постулатов ассоциации Джексона). Левши извлекли немало выгоды из вылета амбидекстрии, ибо их особенность, столь презираемая, внезапно становится частью престижного социального образа. Ведь, по сути своей, разве не являются левши наполовину достигнутым идеалом амбидекстрии? О том, что такое мнение существовало, свидетельствует французский философ Этьен Сурио (1892–1979):

Когда я был ребенком, мой отец убеждал меня, что я не левша, а амбидекстр, чтобы хотя бы среди школьных друзей я мог казаться немножко нормальным¹²⁰.

Таким образом, миф амбидекстрии являлся троянским конем леворукости, способом тайно проникнуть в неприступную крепость декстрократии. Конечно, это слишком смелое сравнение, однако оно сразу же приходит на ум — амбидекстрия, без сомнения, сыграла ту же роль для ин-

теграции в общество левшей, что и смешанные браки для интеграции иностранцев. Ведь в амбидекстрии действительно можно увидеть своего рода смешанный брак между правой и левой рукой. Последняя, традиционно позреваемая во всех грехах блюстителями нравственности, несмотря ни на что получает шанс показать себя и стать полноправной частью человеческой природы. Сюва Сурио вполне мог бы повторить какой-нибудь маленький метис, утверждая, чтобы поскорей завести друзей, что его отец — коренной француз.

Конечно, мода на амбидекстрию, длившаяся около двадцати лет, мало что могла сделать для утверждения репутации левой руки в глазах общества. Тем не менее взлет предшествовал Первой мировой, а, как мы уже видели, эта трагедия пошла на пользу левшам, приведя в их ряды ветеранов войны. И снова, неизвестный потенциал левой руки привлек внимание общества, вызвав дебаты, косвенно способствовавшие делу левшей. Хотя четыре десятилетия на рубеже XIX—XX вв. и вклиниваются в самый неблагоприятный для левшей период, они несут в себе важнейшие перемены. Терпимость, с которой мы относимся к левшам сейчас, зародилась именно в те годы.

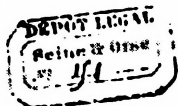
¹ Исходя из этого можно сказать, что Франция после Нантского эдикта была терпима к протестантскому населению.

² В то же время в Средние века боялись и проклинали многие группы людей: еретиков, содомитов, проституток, прокаженных, бродяг, больных, колдунов и т.д. Этот список включает в себя многие маргинальные социальные категории, которые общество преследовало с той или иной степенью жестокости, см.: Г.А. Аллар, «Аспекты маргинальности в Средние века» (G.A. Allard, *Aspects de la marginalité au Moyen Age*, Montréal, 1975); Б. Гемек, «Маргинал», «Средневековый человек», сб. под ред. Ж. Ле Гоффа (B. Gemerek, «Le Marginal», in J. Le Goff, dir., *L'Homme médiéval*, p. 381—413). Некий Жан из Сол-

1882
19182

ALBERT CHARPENTIER

IMPRIMERIE

*Pour écrire
de la main gauche*

CONSEILS PRATIQUES

LIBRAIRIE ARMAND COLIN

109, Boulevard Saint-Michel, Paris

Как писать левой рукой

сберри в XII в. без всяких угрызений совести заявлял, что «жонглиры и женщины вольного поведения являются монстрами в человеческом обличе, которых надо любым способом изгнать из общества» (ibid, p. 403).

³ См. главу «Левши, которыми восхищались».

⁴ См.: Ф. Годфруа «Словарь старофранцузского языка» (Godefroy, «Dictionnaire de l'ancienne langue française», et t. III, p. 404 и t. IV, p. 244); Д. Фриклунда «Изменения в значениях выражений со словами «правый» и «левый» (D. Fryklund, «Les changements de signification des expressions de droite et de gauche», p. 58); Акты Парижского Парламента (Actes du Parlement de Paris, Parlement criminel, X2A3, 3152B, 5 juin 1332, éd. B. Labat-Poussin, M. Langlois, Y. Lanbhers, Paris, A.N., 1987, p. 90). В Италии, несколько позднее, распространяются фамилии типа Mancino, Almanchino, Manciola и т.д., остается только сожалеть, что никто никогда не занимался этим вопросом всерьез.

⁵ Людовик XI (Louis XI) (1423–1483), король Франции, сын Карла VII и Марии Анжуйской, заложил фундамент блистательной французской цивилизации следующего столетия.

⁶ Петен, Анри Филипп (Pétain), (1856–1951), французский военный и государственный деятель, коллаборационист.

⁷ Дж. Стил и С. Мэй, «Рука и направленная асимметрия в длинной трубчатой кости верхних конечностей человека» (J. Steele à S. May, «Handedness and directional asymmetry in the long bones of the human upper limb», International Journal of osteoarchaeology, vol. 5, № 1, 1995, p. 39–49).

⁸ Авторы используют библиографические источники, в списке сорок шесть заглавий.

⁹ Paris, BNF, ms. fr. 1181; приводится в: Альберт Франклин, «Частная жизнь в другие времена. Искусства и ремесла, моды, нравы, привычки Парижан в XII–XVII вв. согласно оригинальным или издававшимся свидетельствам. Еда» (Albert Franklin, «La Vie privée d'autrefois. Arts et métiers, modes, mœurs, usages des Parisiens du XIIe au XVIIe siècle d'après des documents originaux ou inédits. Les repas», Paris, Plon, 1889, p. 169–180).

¹⁰ Жан Сюльпис, «*Libellus de moribus in mensa servandis*», ок. 1480 г. (фр. изд. 1545 г., с. 46).

¹¹ Тангейзер (Tannhäuser, средневерхненемецкий Tannhuser) (ок. 1205 г., Зальцбург или близ Неймаркта, Бавария, 1270 г.), немецкий поэт-миннезингер. В 1228–1229 гг. участвовал в крестовом походе. Много странствовал. Автор танцевальных песен для придворной знати и крестьян, любовных пародий и поучений. Оказал воздействие на творчество немецких средневековых куртуазных поэтов, на немецких романтиков XIX в. (Новалис, Л. Тик, Э. Т. А. Гофман и др.). Т. — героиня оперы Р. Вагнера «Тангейзер» (1845) (*примеч. пер.*).

¹² Приводится у Норберта Элиаса, «Цивилизация нравов» (Norbert Elias, «*La Civilisation des mœurs*», Paris, Pocket, 1976, p. 94).

¹³ Книга Н. Элиаса (см. выше) стала моим основным источником вдохновения при редактировании этой главы. Я позаимствовал у него большинство своих аргументов. Очерк Ж. Ревеля тоже оказался весьма полезным (Jacques Revel, «*Les usages de la civilité*», in *Histoire de la vie privée*, p. 169–209).

¹⁴ Эразм, «Гражданство обычаев детских» (Erasm, «*De civilitate morum puerilium*», 1530 (éd. A. Bonneau, Paris, Liseux, 1877, p. 119). На практике трактаты о манерах, которые были столь популярны во второй половине XVI в. и до конца XVII в., предназначались для «высокороджденных» и «благородных» людей, которые хотели узнать подробнее о нравах при дворе, чтобы часом не опозориться.

¹⁵ «Гражданство обычаев детских» (по некоторым спискам «Дворство обычаев добрых»), первый в русской книжности памятник западноевропейской педагогической мысли. Перевод сочинения Эразма Роттердамского «*De civilitate morum puerilium*» (1530) выполнен в начале 3-й четверти XVII в. в Москве, предположительно Епифанием Славинецким с польской обработки Ацернуса (Себастиана Клёновича) базельского издания (1538) Рейнгарда Гадамарского. Известно 11 рукописных списков. Русский перевод представлен в катехизисной форме. «Г.о.д.» открыло новое, светское направление в русской педагогике — обучение этике и личной гигиене.

¹⁶ Эразм, «Гражданство обычаев детских» (Erasm, *De civilitate morum puerilium*, p. 93).

¹⁷ Кл. Урс де Кальвиак, «Гражданская вежливость для детей, с методами обучения чтению, произношению и письму» (Cl. Hours de Calviac, «La Civile honnesteté pour les enfants», f23v).

¹⁸ «Проповеди святого Августина о псалмах, переведенные на французский» (П. Лепти) (Sermons de saint Augustin sur les pseauxes traduits en français [par P. Lepetit]’, Paris, 1683, t.7, p. 135). Любопытно отметить, что первая строка «Не ужасаетесь ли вы...» является искажением оригинала. У святого Августина было: «Не подражаете ли вы тем, кто хочет есть левой рукой?», тем самым намекая на отсутствие хороших манер. Эта ошибка переводчика вкладывает в слова автора отвращение к левшам, которого тот не испытывал.

¹⁹ См.: Брат Альбер-Ванлантен, «Критическое издание «Правил доброго поведения и христианского соблюдения приличий» (Frère Albert-Vanelentin, «Edition critique des Règles de la bienséance et de la civilité chrétienne», Paris, Ligel, 1955, p. 513–519).

²⁰ Ж.-Б. де Ла Саль, «Правила доброго поведения и христианского соблюдения приличий» (J.-B. de La Salle, «Les Règles de la bienséance et de la civilité chrétienne», p. 86, 88, 93, 105, 106–107, 108, 111, 118).

²¹ Ibid, p. 125–127, 130.

²² «Книга об управлении принцев» («Livre du gouvernement des princes», ca 1510–1520, livre II, chap. 9, f92r.).

²³ Первый из известных нам случаев мер против левшей относится к концу XVI – началу XVII в. Он описывается в «Энциклопедии»: «Но предубеждение [против левшей] выиграло; и настолько преобладало в нем, что Генрих IV собственноручно уволил пятерых из своих жандармов, несмотря на их храбрость, только за то, что пренебрегают они своей правой рукой и отдают предпочтение левой руке» (Д. Дидро и Ж. Ле Рон д’Аламбер, «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», статья «упражнение», т. VI, 1756).

²⁴ Ж.-Б. Сальг, «Ошибки и предубеждения» (J.-B. Salgues, «Des erreurs et des préjugés», p. 100–102).

²⁵ Ф. Арьес «К составлению истории частной жизни» (Ph. Ariès, «Pour une histoire de la vie privée», Histoire de la vie privée, 3, p. 7–19).

²⁶ Р. Шартье, «Практика письма» (R. Chartier, «Les pratiques de l’écrit», p. 114–115).

²⁷ Способ письма (*лат.*).

²⁸ См.: Франсуаз Гаспарри, «Преподавание и техника письма в Средние века и до конца XVI в.» (Françoise Gasparri, «Enseignement et techniques de l'écriture du Moyen Age à la fin du XVI siècle», *Scrittura e civiltà*, 1983, p. 201–222 (p. 204)).

²⁹ Как в «Маленькой школе» Франсис Клемана в 1587 г., см.: Ст. Корси, «Синдром левши. Причины и последствия леворукости» (St. Corsi, «The Left-hander syndrome. The causes and consequences of left-handedness», New York, Macmillan, 1992, p. 55).

³⁰ Тридентский собор, вселенский собор католической церкви, заседавший в 1545–1547, 1551–1552, 1562–1563 гг. в г. Триент (нем. Trient, лат. Tridentum, современный Тренто – Trento *итал.*), в 1547–1549 гг. – в Болонье.

³¹ См.: Энрикес, «Принципы соблюдения республиканских приличий, посвященные детям и молодежи» (Henriquez, «Principes de civilité républicaine, dédiés à l'enfance et à la jeunesse», Paris, Hugand, An III, p. 21).

³² Р. Шартье, «Практика письма» (R. Chartier, «Les pratiques de l'écrit», p. 117–118).

³³ *Ibid*, p. 119.

³⁴ А. Дюшень, «Об учениках амбидекстрах» (A. Duchesne, «Sur les élèves ambidextres», p. 8). Автор продолжает: «В городах мы подвергаемся влиянию обычаев, не знаю, по какому принципу. С самого детства только и слышишь: возьми своей хорошей ручкой! Сделай своей хорошей ручкой».

³⁵ *Ibid*, p. 8.

³⁶ Можно даже задаться вопросом, не было ли понятие о правой и левой руке полностью лишено абстрактности. Есть свидетельства, что в XIX в. инструкторам в армии, чтобы их поняли необразованные рекруты из самых отдаленных деревушек, приходилось иногда прибегать к следующей военной хитрости: они прикрепляли сено к левой ноги и солому к правой. Оставалось только скомандовать: «Сено! Солома!» вместо «Правой!левой!», чтобы отряд шел в ногу.

³⁷ См. p. 150.

³⁸ Т. Браун, «Лженаука суеверий, или Исследование великого множества общепринятых догматов и распространенных истин» (Th. Browne, «Pseudodoxia Epidemica: or, Enquiries into very many received tenets and commonly presumed truths», Londres, Edward Dod, 1646, p. 186).

³⁹ Ibid, p. 187.

⁴⁰ Ibid, p. 190.

⁴¹ Ibid, p. 193.

⁴² Ж.-Ж. Руссо, «Эмиль».

⁴³ «Энциклопедия», статья «Упражнения», т. VI, 1765.

⁴⁴ Ibid, статья «Рука», т. IX, 1765.

⁴⁵ Ibid, статья «Фехтование» («Замечания по поводу левшей»), т. XXI, 1765.

⁴⁶ М. де Гримм, письмо от 2 ноября 1771 г., в «Литературной, философской и критической переписке, обращенной к суверену Германии с 1770 по 1782 г.» («Correspondance littéraire, philosophique et critique, adressé à un sovereign d'Allemagne, depuis 1770 jusqu'en 1782», Paris, F. Buisson, 1812, II partie, t. II, p. 357).

⁴⁷ А. Дюшень, «Об учениках амбидекстрах» (A. Duchesne, «Sur les élèves ambidextres», p. 6).

⁴⁸ Ibid, p. 20.

⁴⁹ Ibid, p. 22.

⁵⁰ Эта цитата слишком длинна, чтобы привести ее в основном тексте, однако высота взглядов автора заслуживает внимания. В целом же этот документ очень быстро был забыт. «Представьте себе... две вертикальные половины тела, и вы увидите, что одна постоянно выказывает превосходство над другой. <...> Как нам известно, это правая сторона, испокон веков одолевает левую. Для того чтобы разобраться в причинах этой разницы, давайте выделим в каждом виде движения силу и ловкость. Сила зависит от совершенства организма, от энергии питания, от полноты жизни каждого мускула. Ловкость же является результатом привычки и частоты тренировок. Следует отметить, что различие двигательных органов сводится не к силе, а к ловкости движений. В том, что касается объема, количества волокон и

первов, они равны. Разница их кровеносной системы фактически нулевая. Отсюда следует, что причины их различий не являются делом рук природы, а, скорее, следствием наших социальных привычек, в счет которых мы увеличиваем движения одной стороны, тем самым повышая их ловкость и ничего не прибавляя к их силе. Нужды общества таковы, что оно требует от нас общих движений, при этом же, чтобы быть понятыми, должны совершать эти движения в одном направлении. Было установлено, что эти движения совершаются слева направо. Большинство народов мира пишут именно в этом направлении. Это обстоятельство влечет за собой необходимость использовать при письме правую руку, которая лучше, чем левая рука, приспособлена к такому виду письма. <...> Необходимость совместных действий во время сражения привела к тому, что почти все виды оружия воин держит в правой руке. <...> К этому я мог бы прибавить множество аналогий. Общие движения, утвержденные существующим общественным строем, которые нарушали бы гармонию, не совершайся они в одном направлении, заставляли нас по привычке использовать для определенных движений определенные члены. Учитывая, что эти члены находятся с правого бока, правая сторона тела все время в движении, будь то для выполнения действий, которые мы совершаем в согласовании с другими индивидуумами, будь то для выполнения действий, которые мы совершаем сами по себе. Привычка действовать оттачивает действие, в этом и заключается причина большей ловкости правой стороны. Это преимущество даже не назовешь изначальным — только постоянное действие постепенно приводит к его появлению. См.: Кс. Биша, «Физиологические исследования о жизни и смерти» (X. Bichat, «Recherches physiologiques sur la vie et la mort», p. 9).

⁵¹ Ж.-Б. Сальг, «Ошибки и предрассудки», p. 102–103.

⁵² Ibid, p. 105.

⁵³ Ж.-А. Конт, «Анатомические и физиологические исследования относительно господства правой руки над левой» (J.-A. Comte, «Recherches anatomico-physiologiques relatives à la prédominance du bras droit sur le bras gauche», p. 77).

⁵⁴ Ibid, p. 78.

⁵⁵ Например, Л.Ф. Пиллон, «Искусство писать левой рукой за несколько уроков для всех, кто пишет согласно норме, в случае потери или болезни правой руки» (L.F. Pillon, «L'Art d'écrire de la main gauche, enseigné (en quelques leçons) à toutes les personnes qui écrivent selon l'usage, comme ressource en cas de perte ou d'infirmité du bras droit ou de la main droite», Paris, Roret, 1839); М. Юго, «Диссертация, представленная... для описания метода, с помощью которого можно обучиться и писать как правой, так и левой рукой» (M. Hugo, «Mémoire présenté pour un procédé à l'aide duquel on peut apprendre à écrire seul de la main droite ou de la main gauche indifféremment», Paris, Moquet, 1851). Первый вариант таков: «Учиться писать левой рукой, когда вы уже умеете писать правой, — мудрая предосторожность. Кто может сказать заранее, что ни один из органов его не откажет ему! В течение жизни нам угрожает столько несчастных случаев, так легко потерять руку! Потому, если вы заранее научитесь писать левой рукой, пока у вас еще есть время, вас никто не упрекнет за эту предосторожность. С другой стороны, учить детей обоих полов писать попеременно обеими руками, правой не чаще, чем левой, — гениальный способ уберечь их от того, что в один день они станут калеками. Ничто не мешает в детстве росту больше, чем позиция, которую мы принимаем, когда пишем». И с излишним оптимизмом автор заключает: «Пятнадцати дней достаточно, чтобы вы уже разборчиво писали левой рукой, а за месяц ваша левая рука превзойдет правую!» (страницы не пронумерованы).

⁵⁶ Ж.-Б. Сальг, «Ошибки и предрассудки», p. 103–104.

⁵⁷ Ibid, p. 105.

⁵⁸ Ibid, p. 108.

⁵⁹ В.В. Айлэнд, «Заметки о леворукости» (W.W. Ireland, «Notes on left-handedness», Brain, vol. 3, 1881, p. 207–214 (p. 214)).

⁶⁰ Дж. М. Гулд, «Истоки праворукости» (G.M. Gould, «The origin of right-handedness»).

⁶¹ В тексте по-англ. «Let the left-handed child alone!».

⁶² Дж.М. Гулд, «Почему ребенок становится левшой или правшой?» (G.M. Gould, «Why is a particular child right-handed or left-handed?», Long island medical journal, nov. 1907, p. 454–458 (p. 456)).

⁶³ Ibid, p. 458.

⁶⁴ Опубликованы В.Г. Мак-Малленом «Как следует относиться к ученикам-левшам? (симпозиум)» (W.G. McMullin, «What shall we do with our left-handed pupils? (a symposium)», The Teacher, 1914, № 18, p. 331–338 // Дж. Харрис, «Леворукость» (L.J. Harris, «Left-handedness»).

⁶⁵ Приводится у неизвестного автора, «Проблема леворукости» («The problem of left-handedness», Scientific American, 26 janv. 1918, p. 82).

⁶⁶ J.J. Terrell, «Let left-handedness alone!», Illustrated world, 1917, № 27, p. 190–192; H.E. Jordan, «The crime against left-handedness», Good health, 1922, № 57, p. 378–383; H. Brounm «Let the southpaw alone», Collier's magazine, 1920, № 65, p. 22 à 62 // Дж. Харрис, «Леворукость» (L.J. Harris, «Left-handedness», p. 64).

⁶⁷ К.Дж. Брэкенбридж, «Вариации в использовании руки в обществе за девяносто лет» (C.J. Brackenridge, «Secular variation in handedness over ninety years», Neuropsychologia, vol. 19, №. 3, p. 459–462).

⁶⁸ Ibid. Цитата из Дж. Леви, «Обзор свидетельств генетической компоненты в определении предпочтений в использовании руки» (J. Levy, «A review of evidence for a genetic component in the determination of handedness», Behaviour genetics, 1976, № 6, p. 429–453).

⁶⁹ Цитируется у Ст. Корена, «Синдром левши» (St. Coren, «The Left-hander syndrome», p. 55–56). Прибавим также, что в 1923 г. в Нью-Йорке номер «Тичерз Гайд» (журнала для преподавателей) был еще посвящен теме «Как заставить учеников писать не левой, а правой рукой».

⁷⁰ См., например, таблицу, приведенную у Ж. Тисса, «Библиографический и критический очерк по вопросу левшей» (J. Thyss, «Etude bibliographique et critique du problème des gauchers», p. 45). Одно из масштабных статистических исследований было проведено в Германии в 1909 г. Оно охватило 270 266 человек, на которых пришлось 3,88% левшей. Любопытно, что в рамках исследования выяснилось, что больше всего левшей было именно в южных провинциях (Франкония, Бавария, Швабия); чем дальше на север, тем меньше левшей,

и, наконец, на северо-востоке они исчезают совсем. См.: Карл фон Барделебен, «О право- и леворукости у людей» (Karl v. Bardeleben, «Ueber rechts und linkshändigkeit beim menschen», Anatomischer anzeiger, XXXVII, 29 déc., 1910); об этом: Ж. Деникер в «Антропологии», (XXII, 1911, p. 204—205). Относительно этого неравномерного распределения Е. Штиер в «Исследовании леворукости» пишет, что увеличение числа левшей на юге объясняется тем, что эти регионы славятся алкоголизмом и дурными манерами (приводится в Ж. Адам, «Левши в судебной медицине» (E. Stier, «Untersuchungen über linkshändigkeit» // J. Adam, «Les gauchers en médecine légale»).

⁷¹ Г. Бледи, «Левши» (G. Blédé, «Les Gauchers») приводит цифры на 4412 учеников лионских школ 6% левшей.

⁷² Скорее всего, это стереотип. Так, К.Л. Берт в работе «Ребенок наоборот» (C.L. Burt, «The Backward Child», p. 281—283) сообщает, что среди английских школьников мужского пола левши составляли 3,8% в 1913 г., 4,9% в 1923, 5,8% в 1935, что не свидетельствует о высоких темпах роста (1% за десять лет). Впрочем, возможно, что в Англии 50-х гг. процесс эмансипации левшей проходил быстрее, чем во Франции, что и навело на мысль о том, что он начался раньше.

⁷³ Берталл, «Комедия нашего времени» (Bertall, «La Comédie de notre temps», Paris, Plon, 1880, p. 10—12).

⁷⁴ См.: Х. Йотейко, «Использование левой руки инвалидами» (J. Joteyko, «L'Usage de la main gauche chez les mutilés», Revue scientifique, 1916, № 16, p. 494—499); А. Арменго, «О возможности в настоящий момент обращения Академии медицины к населению и к правительству в пользу обучения и использования на равных началах обеих рук» (A. Armaingaud, «De l'opportunité actuelle d'un appel de l'Académie de médecine à la population et au Gouvernement en faveur de l'éducation et de l'utilisation égales des deux mains», Bulletin de l'Académie de médecine, t. LXXXI, 4 fev., 1919, p. 151—156). Нам не известно, были ли собраны статистические данные об инвалидах войны. В любом случае, как указывают вышеназванные авторы, число солдат, потерявших руку или кисть, было «неизмеримо». Предположив, что они составляли 5% из 4 миллионов раненных французов (по

самым скромным оценкам, зная, что одно ранение не исключает другого), мы получим цифру в 200 000 человек.

⁷⁵ X. Йотейко, «Использование левой руки инвалидами» (J. Joteyko, «L'Usage de la main gauche chez les mutilés», p. 494). Воспользуемся этой сноской, чтобы изжить еще одно бытующее поверье, будто бы французское государство неодинаково оценивало потери левшей и правшей при возмещении понесенных потерь. Это предположение проистекает из таблицы, приведенной у Ж. Адама «Левши в судебной медицине» (J. Adam, «Les gauchers en médecine légale», p. 11–12), представляющей расчетную таблицу степеней инвалидности после войны 1914–1918 гг.:

(отрывок)	правая сторона	левая сторона
экзартикуляция плеча	80%	70%
межлопаточно-грудная ампутация	85%	75%
экзартикуляция локтя	70%	60%
сквозное ранение локтевого сустава	50%	40%
псевдоартрозы:		
а) на уровне средней части руки	40%	50%
б) рядом с плечом или локтем	30%	40%
ампутация предплечья	65%	55%
полная потеря руки	65%	55%

Из этой таблицы, предположительно составленной военной администрацией, следует, что солдат-правша, потерявший правую верхнюю конечность, считается пострадавшим в большей степени, чем солдат-левша, потерявший левую. Не слишком щепетильный автор скопировал эту таблицу, не указывая источник, «с гордостью» утверждая, что «не изменил ни буквы». Вся проблема в том, что информация ложна. В расчетной таблице возмещения ущерба, понесенного инвалидами от 1919 г., откуда и взята пресловутая таблица, ясно сказано: «Группа инвалидности, соответствующая потере правой верхней конечности, присваивается левшам, потерявшим левую верхнюю конечность, и наоборот». «Таблица расчетов групп инвалидности согласно закону от 31 марта 1919» («Guide-barème des invalidités

applicable au titre de la loi du 31 mars 1919», Ministère des Pensions, Imprimerie nationale, 1932, p. 6). Это условие появляется уже в «Таблица расчетов групп инвалидностей согласно декрету от 24 марта 1915 г., вносящему изменения в декрет от 13 июня 1906 г.». Остается только сожалеть о том, насколько несерьезно подходят некоторые авторы к своему сюжету, вокруг которого итак достаточно небылиц и неточностей. Конечно, приятно лишний раз помянуть ограниченность армии, дискриминирующей левшей. Может быть, это выглядело бы даже правдоподобно. Однако ни к чему. В этот раз военные обогнали светские власти.

⁷⁶ А. Шарле, «Как писать левой рукой. Практические советы» (A. Charleux, «Pour écrire de la main gauche, conseils pratiques», Paris, A. Colun, 1918–1919); Ф Гарсен, «Как писать обеими руками. Практический метод» (F. Garcin, «Comment écrire des deux mains. Méthode pratique», Paris, Nathan, 1918). Работа Гарсена представляется более «общей», чем книга Шарле, однако и в ней находит отражение новая социологическая реальность, которую принесла Первая мировая: «Для большинства детей естественно пользоваться правой рукой, и то время как некоторые, увы, демонстрируют явное предпочтение левой руке. Они представляют собой незначительное меньшинство, которое, к несчастью, неожиданно выросло за счет тех, кто во время войны потерял правую руку. Мы считаем своим долгом прийти к ним на помощь и именно для них помещаем в этой книге правила, следуя которым они смогут приобрести точность движений и писать левой рукой столь же правильно, сколь и правой» (p. 5). Отметим, что все страны, принимавшие участие в военном конфликте, столкнулись с одинаковой проблемой. Потому американская военная администрация распространяла в 1919 г. брошюрку «Как научиться писать левой рукой тем, кому ампутировали правую» («Left-hand writing for men with right-hand amputation»).

⁷⁷ А. Арменго, «О возможности в настоящий момент обращения... в пользу обучения и использования на равных началах обеих рук» (A. Armaingaud, «De l'opportunité actuelle d'un appel... en faveur de l'éducation et de l'utilisation égales des deux mains», p. 151). известен случай Альфонса Жуэна (1888–1967), которому ампутировали руку

и после Первой мировой и который во Вторую мировую стал маршалом Франции.

⁷⁸ Ibid, p. 151.

⁷⁹ Ф Гарсен, «Как писать обеими руками» (F. Garcin, «Comment écrire des deux mains», p 5).

⁸⁰ «Левая рука имеет то же призвание, что и правая: левша имеет врожденную склонность к использованию левой руки в актах повседневной жизни, и от рождения плохо владеет правой рукой. <...> Эта склонность является неисправимой, и левша поддается перевоспитанию не более, чем правша. Ребенка-левшу очень сложно научить выполнять действия, требующие ловкости, правой рукой. Он всегда будет выполнять их хуже, чем левой», см.: Ф. Рено, «Причины праворукости» (F. Regnault, «Les causes de la droiterie de l'homme», La Presse médicale, № 42, 27 mai 1931, p. 787–789 (p. 788)). Пикантная деталь, которая демонстрирует изменение умонастроений в ту эпоху: появляется множество «псевдолевшей» — правшей, которые притворяются левшами, чтобы получить большие дотации вследствие утраты левой руки. Экспертам приходится ввести целый ряд тестов, чтобы вычислить обманщиков (см.: Е. Рей, «Обнаружение псевдолевшей» (E. Rey, «Le dépistage des faux gauchers», Bulletin chirurgical des accidents du travail, № 56, juin 1933, p. 10–12); А. Дюфур, «Три теста, позволяющие отследить... псевдолевшей» (H. Dufour, «Trois épreuves de contrôle pour dépister... les faux gauchers», Annales de médecine légale, de criminology et de police scientifique, t. 14, 1934, p. 508–512); Ш. Бризар, «Как опознать левшу и определить его группу инвалидности» (Ch. Brisard, «Comment reconnaître et indemniser un gaucher», ibid, p. 621–627).

⁸¹ Мы ознакомились с десятком публикаций Коварски по вопросу левшей, появившихся в период между 1937 и 1953 гг. В «Названиях основных публикаций г-жи Веры Коварски», отдельном выпуске за счет автора, без даты (ок. 1955 г.), хранящегося во Французской Национальной библиотеке (8°Q 4607), она заявляет, что начала заниматься этим вопросом с 1928 г. Однако мы не нашли тому подтверждений.

⁸² В. Коварски, «Некоторые расстройства умственного развития и характера у левшей» (V. Kovarsky, «Quelques troubles de l'intelligence et du caractère chez les gauchers», Ier congrès de psychiatrie infantile, Paris, 24 juillet—1août 1937, Lille, 1937, p. 107—109). Выражение «психические и физические расправы» будет употребляться автором только с 1953 г.

⁸³ Ibid, p. 109.

⁸⁴ Этим вопросом она займется впоследствии, см.: В. Коварски, «Речь в защиту левшей» (V. Kovarsky, «Plaidoyer en faveur des gauchers», Toulouse médicale, № 5, juin 1953, p. 371—384).

⁸⁵ См., например, Р. Алленди, «Неизвестное детство: педагогические решения», глава «Ребенок-левша» (R. Allendy, «L'Enfance méconnue, solutions pédagogiques», Paris, 1946, ch. XX, «L'Enfant gaucher»); Г. Робен, «Излечение недостатков и пороков ребенка» (G. Robin, «La Guérison des défauts et des vices chez l'enfant», Paris, 1948, p. 412—413). Что весьма характерно для той эпохи, французская интеллигенция, как и во времена Просвещения, начинает рассыпаться в похвалах левой руке. Согласно свидетельству историка искусства, профессора Коллеж де Франс Анри Фосийона (1881—1943): «Я не верю в неизбежное превосходство правой руки. Без помощи левой руки она оказывается в ситуации беспомощной и фактически бесполезна. Левая рука, которая несправедливо ассоциируется с дурной стороной жизни, зловещей частью мира... может выполнять все ее функции. Ничем не отличающаяся от правой, левая рука обладает теми же достоинствами, от которых ей приходится отказываться. Разве она с меньшей энергией сжимает ствол дерева или рукоятку кирки? С меньшей ли силой сдавливает она горло врага? Меньше ли ее вес при ударе? При игре на скрипке, разве не она зажимает ноты на струнах, в то время как правая при помощи смычка лишь ведет мелодию? Какое счастье, что Бог не дал нам две правых руки. Как бы мы тогда распределяли задания? Все, что в левой руке есть от «левого», без сомнения, необходимо для развитой цивилизации. <...> Если бы все было по-другому, нас бы просто захлестнула волна виртуозного мастерства. Мы бы достигли высот в искусстве жонглирования —

и более ничего» («Похвала левой руке» («Euloge de la main», 1939, in *Vie des formes*, 3 éd., Paris, PUF, 1947, p. 101–102).

⁸⁶ В. Коварски, «Словесная глухота и скрытая леворукость» (V. Kovarsky, «Surdité verbale et gaucherie contrariée», p. 8).

⁸⁷ В 1950 г. перед высоким собранием академик воздал должное неустанному упорству, с которым г-жа Коварски старалась объяснить врачам, учителям, родителям, что не нужно пытаться силком перевоспитать левшу. Это перевоспитание может вызвать последствия гораздо более серьезные, чем неловкость от того, что какие-то действия ребенок выполняет не так, как все» (приводится в «Названиях основных публикаций г-жи Веры Коварски»).

⁸⁸ Мы склонны думать, что эта комиссия никогда и не существовала, так как мы не смогли найти следов ее деятельности в Академии медицины. Есть все основания сомневаться в существовании этой «комиссии-фантома». Действительно ли битва, которую вела Коварски, привлекла внимание академиков или они только делали вид? Была ли защитница скрытых левшей фантазеркой или наивной, когда приняла на веру пустые обещания? Как бы то ни было, у Коварски наверняка были друзья в Академии. Так, например, Рене Пьедельер (1891–1975), приверженец «систематического перевоспитания» левшей (см. приведенную нами цитату из одного из текстов, p. 111), был избран туда 31 января 1950 г.

⁸⁹ Опрос упоминается в Г. Лербе, «Дети-правши, дети-левши. Очерк о развитии функциональной асимметрии» (G. Lerbet, «Enfants droitiers — enfants gauchers. Etude de la latéralisation», Paris, Ed. Universitaires, 1969, p. 46).

⁹⁰ Например, статья в журнале «Констелласьон» в январе 1953 г. под названием «Оставьте, наконец, левшей, в покое!» («Laissez donc faire les gauchers!»). Другая статья, опубликованная в «Селексьон дю Ридерз Дайджест» в июле 1954 г., называется «Речь в защиту левшей» («Plaidoyer pour les gauchers»).

⁹¹ Ж.-Л. Дюпюи и П. Клинжебил, «Очерк о уравнивании детей-левшей» (J.-L. Dupuy à P. Klingebiel, «Un essai de rééquilibrage d'enfants gauchers», Cahiers de l'enfance inadaptée, № 7, avril 1961, p. 5–10 (p.6)).

⁹² Ж.-Л. Дюпюи и П. Клинжебил, «Коррективное физическое питание для школьников-левшей» (J.-L. Dupuy à P. Klingebiel, «L'éducation physique corrective pour les écoliers gauchers», Cahiers de l'enfance inadaptée, № 8, mai-juin 1961, p. 15–23).

⁹³ Ж. Колье, «Мученик-левша» (J. Collier, «Le martyr du gaucher», Sélection du Readers Digest, juillet 1961, p. 7–10 (p.7.))

⁹⁴ Л. Кристиэнс, П.-Р. Бизе и П. Морен, «Левши за работой» (L. Christiaens, P.-R. Bize à P. Maurin, «Les gauchers au travail», Archives des maladies professionnelles de médecine du travail et de sécurité sociale, t. 24, janv.-juin 1963, № 1–3, p. 47–100 (p. 97)).

⁹⁵ Платон, «Законы», VI, 794d–795a.

⁹⁶ Аристотель, «О ходьбе животных», 4. В своей «Истории животных» философ также говорит: «Левая и правая сторона похожи своими составляющими частями и идентичны во всем, кроме того, что левая сторона более слабая, чем правая» (I:15).

⁹⁷ Аристотель, XXXI:13. Подобные же высказывания можно найти в «Никомаховой этике» (V:vii:4) и в «Большой морали» (книга I, XXXI:20). Во II в. н.э. Марк-Аврелий продолжит эту мысль: «Упражняйся, хоть и не думаешь преуспеть. Вот и левая рука, во всем прочем по непривычке праздная, узду держит крепче правой — к этому приучена» («Размышления», кн. XII, 6).

⁹⁸ «Энциклопедия», статья «Рука», т. IX, 1765.

⁹⁹ Ч. Рид, «И грядет человек» (Ch. Reade, «The comin man», Harper's Weekly, 1878: 19 Jan., p. 50–51; 26 Jan., p. 74; 2. Febr., p. 94–95; 2 Mart, p. 174–175, 23 Mart, p. 234–235, 18 May, p. 394).

¹⁰⁰ Ibid, 19 Jan. 1878, p. 51.

¹⁰¹ Берталл, «Комедия нашего времени» (Bertall, «La Comédie de notre temps», p. 12).

¹⁰² Л. Майо, «Ибо левою дерусь» (L. Maillot, «Je sais m'servir de la main gauche», § 7).

¹⁰³ В. Галипп, «Праворукость и леворукость: являются ли они следствием воспитания или наследственности?» (V. Galippe, «La droiterie et la gaucherie sont-elles fonction de l'éducation ou de l'hérédité?», p. 1065).

¹⁰⁴ Ф. Нивеле, «Очерк о раздвоении сознательных двигательных функций» (F. Nivelet, «Etude sur le dédoublement de la motricité», p. 28).

¹⁰⁵ Е.Н. Смит и Ф.Р.К.С., «Амбидекстрия: призыв к ее повсеместному принятию» (E.N. Smith à F.R.C.S., «Ambidexterity: a plea for its general adoption», British medical journal, 1 sept. 1900, p. 579–580).

¹⁰⁶ См.: Ibid, p. 579; А. Лоран, «Американские методы образования» (H. Lorent, «Les méthodes américaines d'éducation», Revue psychologique, vol. 1, 1908, p. 77–95 (p. 89)).

¹⁰⁷ См.: Г.Д. Эстли, «Об амбидекстрии и примитивном человеке» (H.D. Astley, «On ambidexterity and primitive man», Lancet, vol. 1, 1904, p. 1246); замечания М. Бадуэна после Дж.-Л.-М.-Ф. Жуссе де Беллень, «Вклад в изучение физиологии доисторического человека: об использовании правой руки и ее влиянии на развитие мозга» (G.-L.-M.-F. Jousset de Bellesme, «Contribution à la physiologie préhistorique: de l'usage de la main droite dans les temps préhistoriques et de son influence sur le développement du cerveau», extrait de Premier congrès préhistorique de France, Session de Périgueux, 1905, p. 7–8); А. Дюбю, «Вклад в изучение амбидекстрии в доисторические времена» (A. Dubus, «Contribution à l'étude de l'ambidextrie aux temps préhistoriques», extrait du Bulletin de la Société préhistorique de France, séance du 25 octobre 1906, p. 1–3).

¹⁰⁸ Герой французских комиксов.

¹⁰⁹ Пьеса, опубликованная в 1907 г. в Брюсселе, называется «Амбидекстр журналист».

¹¹⁰ См. приложение к Дж. Джексон, «Амбидекстрия, или Двуручность и двуразумность. Аргумент в защиту естественного развития и рационального воспитания» (J. Jackson, «Ambidexterity or two-handedness and two-brainedness. An argument for natural development and rational education», Londres, 1905).

¹¹¹ Приводится в: М. Барли, «Книга левшей» (M. Barsley, «Left-Handed Book»).

¹¹² Скаутское приветствие, которое отдают левой рукой, — пережиток тех времен.

¹¹³ Ф. Нивеле, «Очерк о раздвоении сознательных двигательных функций» (F. Nivelet, «Etude sur le dédoublement de la motricité», p. 23).

¹¹⁴ Р. Херц, «Превосходство правой руки над левой» (R. Hertz, «La prééminence de la main droite», p. 579).

¹¹⁵ Безумие амбидекстрии (*англ.*).

¹¹⁶ Крайтон-Браун, «Праворукость и наклон влево» (J. Crichton Browne, «Dexterity and the bent sinister», 1907, p. 624).

¹¹⁷ Приводится у А. Арменго, «О возможности в настоящий момент обращения... в пользу обучения и использования на равных началах обеих рук» (A. Armaingaud, «De l'opportunité actuelle d'un appel... en faveur de l'éducation et de l'utilisation égales des deux mains», p. 151). На самом деле Баден-Боуэлл зашел слишком далеко, говоря, что только солдат-амбидекстр является настоящим солдатом (вступление к Дж. Джексон, «Амбидекстрия» (J. Jackson, «Ambidexterity», p. xi–xii).

¹¹⁸ А. Арменго, «О возможности в настоящий момент обращения... в пользу обучения и использования на равных началах обеих рук» (A. Armaingaud, «De l'opportunité actuelle d'un appel... en faveur de l'éducation et de l'utilisation égales des deux mains», p. 151–152).

¹¹⁹ Ibid, p. 155–156. По словам Ф. Рено («Биологические объяснения праворукости. Нужно ли учить амбидекстрии детей?») (F. Rognault, «Les explications biologiques de la droiterie. Faut-il enseigner l'ambidextrie aux enfants?», La Presse médicale, № 74, 16 sept. 1931, p. 1365–1368), Арменго возобновил свои призывы в конце 20-х гг. Мы не нашли тому подтверждения.

¹²⁰ Приводится у Г. Меню «Ребенок-левша» (G. Menut, «L'enfant gaucher», Revue naturaliste, 1. trim. 1956, p. 19–29 (p. 22)).

Часть четвертая

ЛЕВШИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ВОСХИЩЕНИЕ

Художник, рисующий легко, свободно и изящно, мастер умелый и достойный, хотя и левша.

Шарль Блан, 1865, о Николая Миньяре¹

Я сам левша и принадлежу к поколению 60-х гг., когда власть предрассудков над умами людей уже начала ослабевать. Тем не менее я хорошо помню, как в детстве многим взрослым казалось странным, что я пишу левой рукой. На самом деле — и это наверняка приходило в голову и им самим — их удивляло не столько то, что я пишу левой рукой, как то, что я пишу левой рукой правильно! То, что для них было физическим недостатком, фактически инвалидностью, меня нисколько не смущало. «И как это ты умудряешься писать левой лапкой?» — качали головой они... Как часто мне приходилось слышать подобное восклицание! Каждый раз погружало оно меня в пучины детского недоумения. Что во мне было не так? Что же столь отличало меня от других? Только многие годы спустя я понял: причиной их удивления было как раз то, что я от других не отличался.

На самом деле, несмотря на предубеждение по отношению к левшам, в глазах правшей их всегда окружала некая аура необычности — ведь, несмотря на явный недостаток, не было такой деятельности, которая была бы левшам недоступна. Они могли выполнять левой рукой те же действия и с тем же успехом, что и правша — правой. Другими словами, для левшей «хорошей» рукой являлась «плохая». Именно это нарушение общепринятого закона, это оскорбление здравому смыслу и принесло левшам

столько несчастий в прошлом. Леворукость являлась противной природному порядку вещей. Это извращение, физиологическая ересь, подвергающая сомнению самую логику мироздания. Однако именно поэтому, будучи в какой-то степени «правшой от левой руки», левша мог вызывать восхищение. Самое незначительное из его действий уподоблялось подвигу — он мог укротить «дикую руку»² и добиться от нее покорности вопреки самой «природе... «Как это можно писать левой лапкой?!»

Последняя часть нашей работы ставит перед собой задачу осветить основные моменты истории, когда левши добились славы.

I. ПРЕВОСХОДСТВО ЛЕВШЕЙ

«Левша — и горжусь этим»

Самые древние свидетельства гордости левшей за свою леворукость относятся, наверно, к галло-романской эпохе. Археологи обнаружили глиняные изделия, относящиеся к этому периоду и украшенные зеркальной гравировкой: другими словами, надписи на них сделаны справа налево, так, если бы были отражением. Большой частью эти надписи представляют собой своего рода фабричное клеймо, подпись ремесленника: *Paterni fe[cit]*, *Comitianus fe[cit]*, *Lahtucis f[ecit]* и т.д. Ничто из того, что нам известно о техниках гончарного искусства и быте того времени, не объясняет подобной аномалии. Единственное правдоподобное объяснение дал Марсель Бодуэн: гончары были левшами (учитывая, что зеркальное письмо по сути является письмом левшей, см. далее³). Отмечая подобным образом изготавливаемые ими изделия, эти «отличные от других» ремесленники отстаивали свое

по достоинству. Особое, «леворукое» оформление представляло в их глазах если не дополнительную ценность, то, по крайней мере, оригинальность по сравнению с изделиями правой руки. В данном случае можно говорить о своего рода превосходной степени леворукости. Более поздние свидетельства подтверждают эту идею.

В библиотеке Сент-Женевьев в Париже под шифром ms 775 хранится рукопись римской истории («*Historia romana*»), созданная в Италии в 1471 г. Манускрипт, который на первый взгляд ничем не отличается от сотен ему подобных — двести восемьдесят пять страниц in quarto⁴ на самой заурядной латыни, — если бы не одна маленькая деталь. В самом низу последней страницы стоит автограф ее создателя: «*Franciscus Santolinus Arimin[ensis] canonicus; manu sinistra scripsit* («Франческо Сантолини, каноник Римини, писано левой рукой»)⁵.

Зачем автору потребовалось заявлять о том, что он левша? Хотел ли он оправдать какой-то недостаток рукописи? Ни в коей мере. Напротив, палеографический⁶ анализ показал, что форма букв не отличается от общепринятой в ту эпоху. Только макрофотография позволила выявить некоторые особенности (неравномерное нанесение краски, неровности в начертании) — следствие того, что писарь, несмотря на то, что был левшой, скрупулезно применял правила каллиграфии, придуманные и утвержденные правшами, и даже не пытался изменить их для своего удобства. Эти незначительные недостатки никаким образом не нарушают превосходной целостности всего произведения. Не стоит и сомневаться, что именно поэтому Франческо Сантолини счел для себя возможным сообщить читателям, что он писал левой рукой. Он решил обнаружить свою леворукость, ибо, как не удивительно, но догадаться об этом было просто невозможно. Без сомнения та же гордость, что владела сердцами галло-

римских гончаров, заставила его вывести: «Manu sinistra scripsit». Его леворукость не сказывалась на его мастерстве. Напротив, его левая рука состязалась в умении с лучшими правыми руками его века, чему он предьявлял неоспоримое доказательство.

Схожие чувства будет испытывать через несколько десятков лет итальянский скульптор и архитектор Раффаэло де Монтелупо (ок. 1505—1566). В автобиографическом рассказе он выдает себя:

Я не хочу утаивать от любезного читателя, что был левшой от рождения и что левая рука моя была намного искуснее правой, так что я всегда писал только ею⁷.

Монтелупо с явным удовольствием рассказывает о том изумлении, которое его особенность вызвала у тех, кто с ним общался. Однажды, например, случилось ему написать квитанцию в присутствии нотариуса. Он привычно взял перо в левую руку и положил бумагу широкой стороной (как обычно делают все левши, чтобы видеть, что они пишут, и не размазывать рукавом чернила). Через несколько секунд нотариус, явно заинтересовавшись, прервал его, будучи уверен, что таким образом можно написать разве что неразборчивые каракули. Убедившись в обратном, он созвал всех коллег, чтобы они могли насладиться сим зрелищем. Монтелупо охотно продемонстрировал свое умение. Он был настолько горд собой, что на глазах у изумленных клерков написал последние строчки правой рукой, дабы доказать, что может писать и как любой правша⁸. Его леворукость была не аномалией, а, скорее, преимуществом. В чем сам он несколько не сомневался.

Далее Монтелупо рассказывает, как, работая левой рукой, своим мастерством вызвал он восхищение двух знаменитых братьев:

Вот что можно рассказать о моем умении рисовать левой рукой. Однажды, будучи в Риме, рисовал я Тасийскую арку, и случилось мимо проходить Микеланджело⁹ и Себастьяно дель Пиомбо¹⁰, возвращающимся из Колизея. Они остановились рядом со мной, чтобы посмотреть, что я делаю. Левши от рождения, ни тот, ни другой не пользовались в работе левой рукой, разве что в работе, требующей физической силы, потому удивились они мастерству моему. Думаю, что до меня ни один художник или скульптор не рисовал подобным образом¹¹.

Не желая оскорбить память Монтелупо, мы должны все-таки заметить, что это последнее заявление не более, чем бахвальство. Что бы там не говорил последний, художники-левши были известны и до него (Леонардо да Винчи¹², Ханс Хольбейн¹³, Ян ван Эйк¹⁴, Иеронимус Бюксх¹⁵). Описывая себя первым художником-левшой, Монтелупо всего лишь следует сложившейся традиции изображать леворукость как феномен, не имеющий себе подобных, чтобы подчеркнуть свой удивительный дар. Так, в первом веке до н.э. Плиний упоминал уже Турпилия, «римского воина, уроженца Венеции и нашего современника, чьи прекрасные работы хранятся теперь в Вероне. Он рисовал левой рукой, в чем не было ему предшественников»¹⁶. Что касается Хольбейна, то Карел ван Мандер¹⁷ утверждал:

Стоит отметить, что... Хольбейн держал кисть в левой руке, что в наше время случается очень редко или вообще никогда¹⁸.

Что бы там ни было, но леворукость Монтелупо весьма ему льстила, будучи источником не раздражения, а гордости. Однако и с ним приключались недоразумения:

[Однажды мой отец и я] отправились в Каррару, где пришлось мне вслед за ним поприветствовать одного испанца по имени Чивос, который хотел мне сделать заказ. Когда я оказался перед ним, он протянул мне правую руку для поцелуя.

Я же давно не был в свете и не знал, как следует вести себя в подобных ситуациях, потому не сделал того, что от меня ожидалось, а просто протянул ему левую руку, как было для меня естественно. Испанец оскорбился, опустил руку и сказал мне, что я плохо воспитан и что он является человеком большого положения в свете. Весьма смущенный, я извинился и сообщил ему, что не только не знаю правил поведения в обществе, но к тому же и левша с рождения. Мне удалось его задобрить; он снова протянул мне руку. На этот раз я схватил ее правой рукой и попросил прощения за свою неловкость.¹⁹

Нам известны и другие случаи гордости левшей за свою леворукость в прошлом. Таков, например, писатель, поэт и член Французской Академии Венсан Вуатюр (1597–1648). Он настолько не смущался своей леворукости, что даже издал свои «Стансы, написанные левой рукой», написанные таким образом, что прочесть их можно только в зеркале²⁰.

Более типичным случаем, к тому же и более достоверным, чем случай Вуатюра, является жизнь Жана де Колиньи (1617–1686), графа Салиньи, соратника великого Конде²¹ в дни Фронды, а затем и командующего католическими войсками, пришедшими сражаться вместе с императором Леопольдом²² против турок. С первых же строк своих «Мемуаров» он не без претензии заявляет:

Вот мой немногословный портрет: прямой, легкий, рослый и хорош собой. Я в высшей степени левша, что никогда не могли мне поставить в упрек²³.

Конечно, леворукость является неотъемлемой частью того высокого мнения, которое имеет о себе самоуверенный рассказчик. Она сразу же выставляется как признак сильного характера, не подвластного суевериям черни (свидетельство этому можно найти на каждой странице). Во всех случаях Колиньи отличается от простых смертных, чем кичится и прекрасно понимает, что это видно.

Действительно, левша, который благодаря какому-то

необычному стечению обстоятельств, сохранил свой талант, всегда вызывает восхищение у своего окружения. Самое незначительное из его действий уподобляется героическому деянию. Парадоксально, но его леворукость воспринимается как продолжение, увеличение праворукости, от чего он сам рискует возгордиться:

Я хорошо помню подвиги каллиграфии, которые я совершал в первые годы своего обучения в школе, и все это левой рукой!²⁴

Забавный случай, который рассказывает французский художник Жорж Клерен (1843—1919), также свидетельствует об особой тщеславности левшей, которую развивают в них их особенность. В юные годы Клерен учился вместе с Анри Реньо (1843—1871), с кем они подружились и даже путешествовали вместе. Оба были левшами (это столь редкое для той эпохи обстоятельство, несомненно, еще больше их сблизило), и удивление окружающих только забавляло их. Так, однажды друзья пристроились рисовать рядом в музее Мадрида и стали убеждать посетителей, удивлявшихся подобной бравате этих *zurdos*²⁵, что быть левшой — новейшая парижская мода²⁶.

Конечно, предубеждения никогда не исчезают так быстро и легко. Даже если некоторые левши и чувствовали определенную гордость за свою отличность от других, всегда находились правши, убежденные в собственном превосходстве, которые видели в них всего лишь достойный презрения недостаток. Выступления, имевшие место зимой 1934 г. во время собрания весьма уважаемого Французского общества легальной медицины, являются ярким тому примером. Сюжет леворукости стоял на повестке дня, и многие члены общества брали слово, чтобы с умным видом повторить перед лицом коллег избитые банальности. Посудите сами, что говорили они:

Левая рука левши гораздо менее значима, чем правая рука правши²⁷.

Я имел честь засвидетельствовать, что леворукость гораздо чаще встречается у детей с аномальным развитием, чем у детей в обычных средних школах²⁸.

Левша — это всего лишь выдумщик, сумасброд²⁹.

И подобные высказывания прошли бы «на ура» в достойнейшем обществе, если бы один из членов собрания не возмутился услышанными глупостями. Господин Эжен Оливье, профессор факультета медицины, доктор естественных наук, эксперт судебного трибунала департамента Сены, кавалер ордена Почетного легиона, поставил присутствующих на место. Ему было чему возмущаться: будучи левшой, он вовсе не считал себя второсортным существом, а, скорее, даже наоборот. Не только его карьера говорила в его пользу, но и за свои спортивные успехи он мог не краснеть.

Прошу прощения за то, что привожу в пример свою жизнь, — высокомерно начал он, — однако история моя настолько типична, что может послужить примером. Я всегда был левшой, и всегда пользовался только левой рукой... Еще на заре моей юности мой учитель фехтования стал было обучать меня фехтовать правой рукой, как принято. Я по-пробовал, но у меня ничего не получалось. Однажды Кирхоффер³⁰, который сам был левшой, сказал мне: «У вас правое плечо опущено гораздо ниже, чем левое. Наверное, вы левша». С этого момента я стал фехтовать левой рукой и добился немалых успехов, так как прославился во всем мире и стал капитаном национальной французской команды³¹.

Можно представить себе, какие чувства охватили почтенное собрание. Итак, один из членов общества принадлежал к той презренной касте, от которой все они не так давно с презрением отвернулись. Более того, он, кажется, гордился своей принадлежностью к этой касте! И кому им оставалось верить?

Необычные таланты

Его назвали левшой, однако, учитывая, что имя это обозначает недуг, телесный недостаток, оно мало к нему шло, ибо не было человека, более спорого и правого в бою, за какое бы оружие он ни брался³².

Эта надпись фигурирует на портрете Гоше Шатийона кисти Симона Вуэ (1632). Художник, играя на созвучии слов (левша³³ — левый — правый³⁴), приписывает своему герою те качества, которых он мог быть лишен в глазах людей, учитывая неравенство его рук. Однако это утверждение значит более, чем простой каламбур. В чем-то оно созвучно древнему мифу о том, что некоторые левши были наделены особыми талантами или исключительной физической силой, во многом превосходившими качество нормального человека (правши). Этот весьма неоднозначный миф свидетельствует о том тревожном восхищении, которое могли вызывать «люди наоборот». Превосходство, равно как и увечье, является отклонением от нормы. Надеясь левшей превосходством, люди признавали в какой-то степени их по определению людьми «за пределами обыденности», со всей той степенью отчужденности, которую влечет за собой подобная формулировка. Сверхлюди в гораздо большей степени, чем «недолюди», выделяются из человеческого рода. Отличность от других вызывает в равной степени и отвращение, и уважение. Два последующих примера помогут нам в этом убедиться.

Вовсе не случайное совпадение, что старейший документ, в котором упоминаются левши, приписывает им особенные свойства. В Библии, в Книге Судей, где рассказывается история Израиля во втором тысячелетии до Рождения Христова. Мы узнаем, что «насчиталось в тот день сынов Вениаминовых, [собравшихся] из городов,

двадцать шесть тысяч человек, обнажающих меч; кроме того, из жителей Гивы насчитано семьсот отборных; из всего народа сего было семьсот человек отборных, которые не пользовались правой рукой своей³⁵, и все они, бросая из пращей камни в волос, не бросали мимо» (Сл XX:15–16). Позволительно заметить, что если хронист считает необходимым упомянуть подобную деталь, то не потому, что его удивляет количество левшей (в конце концов, 700 из 25 000 составляют не более 2,8%). Его поразила удивительная ловкость солдат, которой не мешало даже то, что они пользовались левой рукой. Нужно заметить, однако, что в тексте не говорится прямо, что эти «отборные» солдаты были левшами, но только что они «не пользовались правой рукой своей». Этот тонкий эвфемизм показывает, насколько много нареканий мог бы вызвать в глазах современников подобный недостаток солдат, несмотря на всю их ловкость.

Другим ярким примером может служить жизнеописание римского императора Тиберия (42 г. до н.э. — 37 г. н.э.). Светоний, упомянув, что император был левшой, добавляет сразу же, что был он наделен также и феноменальной, если не сказать даже, пугающей силы хваткой:

...Левая его рука была более ловкой и более сильной, чем вторая; сила ее была столь велика, что мог он пальцем проткнуть яблоко, недавно сорванное и не имеющее червоточин, а щелчком мог разбить голову ребенка, если не взрослого³⁶.

Эти два отрывка, свидетельствующие о *дьявольском умении* сынов вениаминовых и *сверхчеловеческой силе* римского императора, составляют, в виду древности написания и ясности изложения, идеальные прототипы, способные прояснить многие последующие документы. Стандартное рассуждение, пусть даже и хвалебное, сводится к тому, что левша ведет существование, отличное в большей или меньшей степени от жизни нормальных людей.

Так, традиционная вера в силу и ловкость левшей, которую Флобер³⁷ не преминул упомянуть в своем «Словаре понедших в обиход идей»³⁸, всегда превращала их в опасных противников, в особенности в искусстве фехтования. Так, с братьями Керр, левшами, прославленными шотландцами времен Средневековья, никто не хотел «биться на мечах, столь искусными фехтовальщиками они были». «От левши не уберешься», — предостерегал Жан Нико в 1606 г.³⁹ «Не было человека, более спорого и правого в бою, за какое бы оружие он ни брался», — говорил Вуэ о Юше Шатийоне. Меряться силами с противником, чье положение в бою, атаки и парирование не соответствовали общепринятым нормам, было делом опасным. Энциклопедия, составленная Дидро⁴⁰ и д'Аламбером⁴¹, не оставляет в этом никаких сомнений:

Нелегко придется правше выдерживать защиту в бою с левшой, ибо привычки, приобретенные им в боях с правшами, дают левше значительное преимущество⁴².

К счастью,

...редко кому выпадает возможность померяться силами с левшой, ибо род последнего весьма малочислен⁴³.

Итак, восхищение, которое вызывал левша, было прямо пропорционально опасности, которую он представлял. Конечно, учителя фехтования обучали и тому, как защищаться от правши, и тому, как — от левши, «ибо позиции [нужны] разные»⁴⁴, однако это были, скорее, теоретические упражнения. Увы, практика зачастую заканчивалась фатальным исходом. Так, в своих «Мемуарах» Жан де Колиньи, который гордился ловкостью своей левой руки, в чем мы уже могли убедиться выше, неоднократно описывает дуэли, из которых он выходил победителем.

Опасения, которые внушал противник-левша, не рассеялись даже тогда, когда на смену шпаге пришел пистолет. «Мой дед был лучшим стрелком в округе, будучи лев-

шой», — хвастался один писатель во второй половине XIX в.⁴⁵ А в 1880-е гг. парижский шансонье еще шутил:

Нрав жесток у жизни сей:
 Каждый клят поочередно.
 Правда, там это немодно,
 Где всему закон дуэль.
 Повторяет шут и трус,
 Как бретер, надут и важен:
 «Самый дьявол мне не страшен,
 Ибо левою дерусь»⁴⁶.

Что же касается Малыша Билли⁴⁷, то, как уже говорилось, его славе непревзойденного стрелка во многом способствовал и тот факт, что он был левша. Как бы то ни было, никто никогда не оспаривал древней мудрости: «Опасно сражаться с левшой»⁴⁸.

Однако левши прославились не только как искусные бойцы. Они преуспели и на более мирном поприще, чем вызывали почет и восхищение. Одним из ярких примеров миролюбивой деятельности левшей может служить зеркальное письмо.

Зеркальное письмо получило подобное название потому, что направлено в сторону, обратную обычному, т.е. справа налево, что придает ему вид письма, отраженного в зеркале (также его называют ретроградным письмом, обратным письмом, письмом с наклоном влево и еврейским письмом, по аналогии с ивритом, в котором слова пишутся справа налево). Долгое время считалось, что это патология, которая выдает серьезные ментальные нарушения⁴⁹. Потребовалось дождаться 1880 г. и публикации книг швейцарского врача Карла Вогта, чтобы люди нехотя⁵⁰ признали: зеркальное письмо, доступное при определенных усилиях и правой руке, является «нормальным почерком левшей»⁵¹. Одна из особенностей левшей, не более того.

Леонардо да Винчи. Страница, исписанная зеркальным письмом.

Самым известным образцом зеркального письма является, без сомнения, почерк Леонардо да Винчи — до нас дошли сотни и сотни страниц, исписанных этим *scrittura a specchio*, смущавшим не одного ученого и явившимся темой не одного исследования⁵². Некоторые считали, что подобным почерком Леонардо хотел уберечь себя от нескромных взглядов, другие видели в этом проявление неуверенности. Подобные пустые рассуждения скрывают бессознательное нежелание признать раздражающую их реальность. На самом деле для Леонардо да Винчи «было естественно писать с наклоном в другую сторону, так как он был левшой»⁵³. Самодовольные фантазеры-биографы, конечно же, не читавшие Вогта, не могли не найти других указаний. Лука Пачиоли (1445—1510), восхищавшийся *ineffabile sinistra mano* (удивительной левой рукой) Леонардо, утверждал, что он «писал с уклоном в левую сторону»⁵⁴. Джорджио Вазари⁵⁵ (1511—1574) тоже говорил об «обратном почерке левши», «неровном почерке с наклоном в обратную сторону, присущем левой руке: если у вас нет привычки читать его, то вы не сможете понять написанного, ибо оно поддается расшифровке исключительно при помощи зеркала»⁵⁶. В своем «Трактате о живописи» теоретик живописи Джованни Паоло Ломатцо (1538—1600), в свою очередь, упоминает о письме «с наклоном в левую сторону, напоминающим древнееврейское письмо»⁵⁷. К этому мы добавим, что Леонардо да Винчи не был единственным человеком своего времени, писавшим левой рукой. Многие другие известные люди тоже были левшами: художник по мрамору, архитектор и скульптор Джокондо да Верона (1434—1525)⁵⁸, моралист Саба дие Кастильони (1480—1554)⁵⁹ и художник Ханс Хольбейн (1498—1543)⁶⁰. Наконец, нужно упомянуть и о том, что в итальянском трактате о каллиграфии 1549 г.

приведен образец зеркального письма под заглавием «Lettera manchina», т.е. «Письмо левой рукой»⁶¹.

История знает и других авторов зеркального письма: французский поэт Венсан Вуатюр (1597—1648), французский грамматист Пьер Ресто (1696—1764) (см. далее), американский зоолог Эдвард Морзе (1838—1925)⁶² или, например, британский писатель Льюис Кэрролл (1832—1989).

Последний, как считают исследователи, был весьма противоречивым левшой. Если верить Анри Парисо, то эту свою особенность он разделял...с десятью своими братьями и сестрами!⁶³ Однако, похоже, ни одного документа того времени, официально свидетельствующего об этом, не сохранилось. Ни в одной из своих работ писатель не упоминает о леворукости, не говорит об этом и никто из его близких и друзей. Это предположение основывается на двух весьма сомнительных ссылках: на его заикании и на зеркальном письме. Всю свою жизнь Льюис Кэрролл страдал от хронического заикания. Сам он не раз говорил об этом в своих дневниках и даже описывал курс лечения, который прошел, чтобы избавиться от него⁶⁴. Как мы уже убедились, заикание является одним из характерных симптомов скрытой леворукости. Хотя нам известен только один образец зеркального письма, написанный Кэрроллом (письмо к Эдит Холл от 6 ноября 1893 г.), несомненно, подобные латентные проявления леворукости были ему свойственны. На самом деле, как это показала Флоренс Бекер Леннон⁶⁵, а после нее и другие, эстетика Льюиса Кэрролла во многом основана на зеркальных играх, палиндромах, симметриях, идее близнецов, логических инверсиях. Например, вторая часть приключений Алисы в стране чудес называется «Алиса в Зазеркалье». Героиня Кэрролла проходит сквозь зеркало и оказывается в «мире наоборот», где все происходит не так, как

у обычных людей, где слова читаются с конца, а правая и левая рука поменялись местами. Вот как описывает Алиса Райкес тот день, когда писателю пришла в голову идея этой сказочной истории:

«Когда мы были детьми, мы часто отдыхали на Онслоу Сквэр и играли в садике за домами. Чарльз Доджсон (настоящее имя Льюиса Кэрролла) часто навещал своего старого дядю. Мы наблюдали, как он, заложив руки за спину, ходил из стороны в сторону по траве. Однажды, услышав, как меня назвали, он окликнул меня и сказал: «Так значит, тебя тоже зовут Алиса. Я очень люблю это имя. Хочешь, я покажу тебе что-то очень-очень странное?» Мы отправились за ним в дом... и вошли в комнату, заставленную мебелью. В углу стояло огромное зеркало. «Держи, — протянул он мне апельсин. — А теперь скажи мне, в какой руке у тебя апельсин?» «В правой», — ответила я. «А теперь, — скомандовал он, — подойди к зеркалу и скажи, в какой руке держит апельсин та девочка, которую ты в нем видишь?» Я помолчала, несколько растерявшись, а потом неуверенно ответила: «В левой». — «Вот именно! И как ты можешь это объяснить?» — Я не знала ответа, но, понимая, что он ждет моих слов, рискнула предположить: «Если бы я стояла с другой стороны зеркала, разве апельсин не остался бы в моей правой руке?» Я до сих пор помню его смех. «Браво, Алиса! Это лучший ответ, который мне довелось услышать сегодня». Больше мы никогда об этом не говорили, но многие годы спустя мне говорили, что именно мой ответ навел Кэрролла на мысль написать «Алису в Зазеркалье»⁶⁶.

В письме к издателю от 24 января 1868 г. Кэрролл спрашивает (речь идет об «Алисе», которая готовится к изданию): «Возможно ли напечатать в следующем томе «Алисы» одну-две странички *справа налево*?»⁶⁷ Конечно, Льюис Кэрролл был необычным человеком, чьи идеи зачастую

или вразрез с общепринятыми нормами. Может быть, он и не был левшой от природы, но дух его был, несомненно, духом левши!

Следует отметить, что и во многих других ситуациях левши могли вполне законно наслаждаться своей отличностью от других. Более того, в некоторых случаях эта отличность была даже полезна. Так, Виктор Гюго, описывая Париж времен революции 1848 г., говорил:

Нет ничего необычайнее баррикады, которая готовится выдержать атаку. Каждый устраивается поудобнее, точно на спектакле. Кто прислонится к стене, кто облокотится, кто обопрется плечом. Некоторые сооружают себе скамью из булыжников. Здесь мешает угол стены — от него отходят подальше; там выступ — надо укрыться под его защиту. Левши в большой цене: они занимают места, неудобные для других. Многие устраиваются так, чтобы вести бой сидя. Всем хочется найти положение, в котором удобно убивать и покойно умирать⁶⁸.

А вот и другой пример: раньше в армии саперами называли солдат инженерных войск, которые должны были «копать», т.е. рыть траншеи, открытые или подземные, чтобы остальные могли под прикрытием добраться до укреплений неприятеля. Находясь под огнем неприятеля, саперы работали в весьма тяжелых условиях, зачастую лежа или на коленях. Для правой было особенно неудобно рыть траншеи справа, т.е. со стороны руки, которая и нажимает на кирку. Левши, способные исправлять «недостаток» своих праворуких товарищей, весьма ценились. Они формировали особый корпус так называемых «правосторонних саперов», так как только они были способны быстро рыть с правой стороны траншеи⁶⁹. Раньше в гражданском строительстве вознаграждение всегда прежде всего выплачивалось левшам, так как именно благодаря их способности грести лопатой в правую сторону скорость работы увеличивалась.

В то же самое время, лет сорок назад, когда идея эргономики рабочей силы еще только зарождалась, отчет медицинской комиссии показал, что большинство промышленных предприятий находило множество преимуществ в том, чтобы принимать на работу левшей⁷⁰. Левши занимали рабочие места за станками, управление которыми требовало больших усилий с левой стороны, или же вместе с рабочими-правшами составляли бригады, эффективно выполнявшие работу за счет разделения обязанностей согласно способностям каждого.

Если левши преуспели в профессиональном плане, то не только благодаря тому, что особенности левой руки позволяли им дополнять работу товарищей-правшей. С малых лет принуждаемые сдерживать свои природные наклонности и приспособляться к царящим в обществе правилам, многие из них стали столь же ловко управляться и правой рукой. Словно иммигранты, которые одинаково бегло говорят на двух языках, родной страны и той страны, в которую они уехали, скрытые левши — по крайней мере, самые одаренные среди них — становились носителями двойной культуры. За счет стечения обстоятельств они одинаково владеют и правой и левой рукой, т.е. становятся равнорукими (*equimanus*⁷¹). А далее происходит то, что Уилсон в шутку называл «исключительной праворукостью»⁷².

Эта способность является, без сомнения, одной из особенностей левшей, которые в расплату за все свои невзгоды зачастую выказывали высокомерие (тут сразу же вспоминается Монтелупо, пишущий левой рукой на глазах у изумленной публики, а затем, с явным триумфом, берущий перо в правую руку, чтобы закончить документ) в отношении своих «нормальных» современников. Именно это качество позволяло им, несмотря на все предубеждение и враждебность, с которыми они сталкивались ежед-

певно, добиваться настоящего успеха. Так, в 1867 г. американский журналист, описывая итоги симпозиума Американской ассоциации за продвижение науки, вспоминает следующий случай:

Нельзя забыть и о чрезвычайной ловкости, выказанной профессором Морзе⁷³, когда он писал на доске поочередно то правой, то левой рукой с одинаковой легкостью, хотя обычно он делает все левой рукой. Быстрота, четкость и удивительная завершенность его эскизов заслужили самые теплые аплодисменты благодарной аудитории⁷⁴.

Существуют свидетельства и не менее исключительной одаренности художников-левшей. Среди них, по причинам, которые мы объясним позднее, одинаковое владение обеими руками является фактом более распространенным и более явным. Так, Адольф Менцель⁷⁵ (1815–1905) делал наброски всегда левой рукой (о чем свидетельствуют сотни его рисунков), но, по его собственным словам, кисть брал исключительно в правую руку⁷⁶. Анри Реньо (1843–1871) всегда рисовал левой рукой, но письма писал правой⁷⁷. Согласно свидетельству Вазари, Амико Аспертини (ок. 1475–1552) «рисовал обеими руками одновременно, держа в одной руке кисть со светлой краской, а в другой — с темной»⁷⁸. О Лукасе Камбязо (1527–1585) тоже говорили, что он может одновременно рисовать и правой, и левой рукой⁷⁹. На одном из его рисунков даже сохранилась надпись «Luca Cambiagio dipingieva con due mani»⁸⁰. Некий Мишель Серре (1658–1733), как описывает его современник, «рисовал с удивительной легкостью и в творчестве своем был весьма разнообразен. Как и Канджьядже [Лукас Камбязо], он мог рисовать обеими руками сразу, и несколько раз видели даже, как он рисовал и играл в шашки одновременно, при этом ни одно из занятий не шло во вред другому»⁸¹. Грандвилль⁸² (1803–1847) «с удивительной легкостью рисовал

обеими руками; и карандаш, и перо переходили из одной руки в другую без малейшего затруднения»⁸³. Доминик Папети (1815—1849), левша от рождения, как говорили, развил в себе «необычайный дар рисовать обеими руками, словно пианист-виртуоз, который легко выражает свои мысли при помощи левой руки, которая гармонично сопровождает правую»⁸⁴. Английский художник Эдвин Лансиер (1769—1852) в еще большей степени был одарен равным владением обеими руками... Как рассказывает его современник и биограф Фредерик Джордж Стивенс, он мог одновременно рисовать два разных рисунка правой и левой рукой!⁸⁵

Образцовые левши-«сцеволы»

Запись от 15 декабря 1870 г. в дневнике английского писателя Томаса Карлейля, страдающего односторонним параличом, гласит:

Потерял правую руку — не могу ею писать. Что за ужасная потеря! Хорошо понимаю, что никогда не смогу диктовать свои тексты. Горе мне, горе! Я всегда мог бы найти, чем заняться, если бы моя рука действовала, но спускается ночь и накрывает собой человека, лишенного возможности действовать⁸⁶.

Прежде всего следует отметить, что это патетичное признание является тем самым исключением из правил, которое доказывает само правило. История знает многих людей, которые в отличие от Карлейля, лишившись правой руки, смело боролись со своим несчастьем. Вынужденные в силу обстоятельств пользоваться левой рукой, которой до сих пор пренебрегали, они обнаруживали, что и она не лишена необходимых качеств. Немного настойчивости, а остальное сделает привычка. Так они

добивались результатов, превосходящих даже собственные ожидания, вернув себе былую ловкость и показав миру, что леворукость, в общем-то, ничем не уступает праворукости.

Мы называем этих обращенцев в леворукость, этих отступников от праворукой веры, термином «сцевола», в память о римском герое Гае Муции, чья история дошла до нас в пересказе многих римских авторов⁸⁷. Гай Муций был римским воином, жившим в V в. до н.э. Чтобы показать царю этрусков, сколь велики доблесть и терпение римлян, он добровольно сунул правую руку в пылающий костер... С этого дня «его стали называть сцевола, что означает «левша»⁸⁸.

Если Гай Муций, прозванный Сцевола, — первый известный нам правша, обращенный в левшу, то не он первый сохранился в памяти потомства благодаря подвигам, совершенным левой рукой (так как история умалчивает о том, что он делал, став левшой). Первым великим левшой стал некий Марк Сергий, еще один римский солдат, о котором Плиний Старший пишет, что левая рука с успехом заменяла ему правую, и сила его не только не стала меньше, но даже увеличилась⁸⁹. Пятнадцать веков спустя подобное чудо будет фигурировать среди «знаменательных вещей»

Был он столь бравым воином, что, лишившись правой руки в бою, столь умело он бился левой... что однажды держал бой с четырьмя соперниками подряд, и всех их одолел⁹⁰.

Стоило только натренировать должным образом левую руку, и вот она уже становилась равной правой, если не превосходила ее. В целом пусть это и противоречит здравому смыслу, но особой разницы между правой и левшой не было. В определенной степени, преимущества оставались даже за вторым.

Были ли известны высокие подвиги Марка Сергия и Гая Муция Гетцу фон Берлинхингену (1480—1562)? Что ж, вполне может быть. Как бы там ни было, этот прославленный наемник империи времен Реформации разделил их славу. Ведь своим прозвищем «Железная рука» он обязан тому протезу, который носил вместо правой руки, отрубленной в каком-то походе. Как и его античные предшественники, он не стал инвалидом. Потеря правой руки не сделала его менее опасным противником в бою, в 1544 г., в возрасте шестидесяти четырех лет, Берлинхинген все еще служил верой и правдой и с оружием в руках Карлу V. Несомненно именно его мужество позднее вдохновило Гете на такой возвышенный диалог:

М а р т и н. Почему протягиваете вы мне левую руку? Разве не достоин я правой, благородной руки?

Г е т ц. Будь вы самим императором, пришлось бы вам довольствоваться этой рукой. Правая моя рука, хоть и может пригодиться на войне, бесчувственна к дружескому пожатию. Никогда не растает она с перчаткой. Держите, она из железа.

М а р т и н. Так вы Гетц фон Берлинхинген! Хвала Господу, что довелось мне увидеть вас, человека, которого ненавидят принцы, друга обиженных и притесняемых. (*Берет его за правую руку.*) Не отнимайте ее у меня, позвольте мне поцеловать ее!⁹¹

Итак, сцеволы могли проявить себя не только на военной службе. И в мирное время совершали они славные деяния, блистая в литературе и искусстве. Один из ярких тому примеров — французский художник Жан Жувене (1644—1717).

Уже в зрелом возрасте с Жувене случился апоплексический удар, в результате которого ему полностью парализовало правую руку. Отчаявшись продолжить карьеру, Жувене отправился на покой. Биограф Дезалье д'Аржан-

нилле рассказывает, что «...видя, как рисует его племянник, старый мэтр захотел как-то исправить недочеты его работы, и, не сумев объяснить, взял кисть в парализованную руку, чтобы подрисовать голову, но лишь испортил дело. Огорченный сим проявлением болезни, он попытался исправить левой рукой вред, нанесенный правой. К вящему его удивлению, левая рука, ранее никогда не повиновавшаяся, с точностью воплотила его мысль. Так узнал он о новом чудесном даре, и столь часто прибегал к нему, что перестал и удивляться»⁹².

Жувене с энтузиазмом посвятил себя второй карьере и при помощи той руки, которую ранее считал бесполезной, стал творить «с той же оригинальностью и тем же жаром, как ранее правой рукой»⁹³. По его картинам не только «нельзя было понять, что они нарисованы левой рукой»⁹⁴, но и к вящему удивлению публики «ничем не отличались они от раннего его творчества»⁹⁵. По примеру Сантолини, который часто, закончив работу, выводил «*manu sinistra scriptit*», Жувене подписал одну из своих работ «*J.J., deficiente dextra, sinistra pinxit*» («Жан Жувене, лишившись правой руки, нарисовал эту картину левой рукой»⁹⁶). Так что его новое положение как сцеволы было с честью оправдано.

Конечно, «чудо», произошедшее с Жовене, вызвало изумление у его современников. Так, Дезалье д'Аржанвилль пишет, что сам регент герцог Орлеанский лично явился с визитом к Жовене, чтобы «засвидетельствовать ему свое удивление и восхищение»⁹⁷. Таким же образом «Себастьян Риччи, известный венецианский художник, который ехал в Лондон через Париж, нанес ему визит, чтобы увидеть, как он работает левой рукой»⁹⁸. В «Меркюри Галан» от июля 1730 г., т.е. семнадцать лет после смерти Жовене, все еще пишут о его леворукости, как о чем-то «удивительном и, возможно, не имеющем преце-

дента»⁹⁹. Еще позднее, в «Энциклопедии» Дидро вспомнит об этом и в своих похвалах пойдет еще дальше, заметив, что «картина «Встреча Марии и Елизаветы», которую можно увидеть в соборе Нотр-Дам», созданная Жувеном в его леворукий период, является «вершиной его творчества»¹⁰⁰. За этими свидетельствами можно увидеть, до какой степени умение рисовать левой рукой потрясло умы той эпохи. Конечно, упорство художника, члена Академии, достойно уважения, однако вряд ли другие несчастья могли принести ему столь широкую известность. Умение Жовене рассматривалось, как нечто, нарушающее нормальный порядок вещей... *deficienti dextra, sinistra pinxit*, вот в чем кроется вся уникальность ситуации, в этом, если можно так выразиться, отречении от истинной веры. Умелая левая рука, замещающая неработающую правую руку, и при этом превосходящая ее в своем мастерстве — это развевало как дым все старые предрассудки.

История Пьера Ресто (1696—1764) менее известна, однако смысл ее в том же. Пьер Ресто был французским литератором и юрисконсультom, весьма известным, автором нескольких трудов по грамматике, орфографии, правилам стихосложения. В 1751 г., во цвете лет и на вершине карьеры, Ресто стал испытывать «постоянную дрожь» в правой руке, столь сильную, что он «не мог держать перо»¹⁰¹. Он нанял было писца, который должен был писать под диктовку. Однако это оказалось слишком дорого, да и сам факт того, что он поручает чужому человеку дело, которому посвятил всю жизнь, был невыносим. В отчаянии, он стал учиться писать левой рукой. И удивительно — ему удалось фактически сразу же овладеть умением писать левой рукой. При этом:

Он писал справа налево и выводил буквы в обратном порядке, так, что, поднеся запись к зеркалу, ее было легко прочесть. Удивительно, что господин Ресто писал левой рукой ровнее и аккуратнее, чем правой¹⁰².

Нимало не смущаясь подобной аномалией, Ресто принял за работу с тем же жаром, что и прежде.

Умер он в 1764 г., шестидесяти семи лет от роду. Последние тринадцать лет своей жизни он продолжал работать с помощью умелой левой руки¹⁰³.

Впрочем, можно привести немало случаев, когда люди успешно обучались писать левой рукой. Так, в одно время с Ресто, в Труа было образовано полуподпольное общество свободомыслящих людей, «которому было даровано звание Академии». Чтобы привлечь к себе внимание общественности, члены этой Академии в течение некоторого времени оставляли у дверей жителей этого городка анонимные письма. Для того чтобы обеспечить полную анонимность данной затеи, один из них, некто Давид, «выучился писать левой рукой». Это один из примеров того, как люди становились левшами без малейшего ущерба, нанесенного правой руке. И каково же было удивление этого Давида, когда он увидел, что «почерк его левой руки столь же легок и изящен, сколь уродлив и грязен почерк правой»¹⁰⁴. Другими словами, левая рука гораздо лучше выполняла функцию, обычно возлагаемую им на правую руку.

Другим известным сцеволой является британский адмирал Гораций Нельсон (1758—1805), чья правая рука была отсечена в 1797 г. в сражении у Санта-Круз де Тенерифе. Хотя ему и приписывают слова, полные горечи военного человека: «От адмирала-левши нет никакой пользы»¹⁰⁵, однако эта потеря не помешала ему свершить самые блистательные подвиги. Он вышел победителем 1 августа 1798 г. в сражении при Абукирке, где он был противником Бонапарта, и нанес оглушительное поражение объединенному франко-испанскому флоту в Трафальгарском сражении 21 октября 1805 г. К тому же Нельсон не испытывал ни малейших затруднений, когда ему приходи-

лось держать перо в левой руке. Когда он писал правой рукой, почерк его был бесформенным, фактически нечитабельным, напротив, из-под левой руки выходили элегантные, тонкие и ровные буквы¹⁰⁶.

И снова левая рука показала, на что она способна. Не только может она выполнять традиционные задачи правой руки, но и превосходит в этом правую руку. Ведь согласно некоторым источникам того времени, «природа столь благосклонна к левой руке, что, случалось, дети, лишенные правой руки от рождения, спокойно обходились без нее, столь успешно, что им могли позавидовать самые ловкие шулеры»¹⁰⁷ И история не устает снабжать нас примерами.

Так, обратимся к биографии Роберта Шумана (1810–1856). Пытаясь добиться виртуозного мастерства, молодой пианист разработал технику, в которой механическим путем блокировался средний палец правой руки, чтобы лучше разрабатывались остальные. К несчастью, подобные тренировки привели к тому, что осенью 1831 г. правая рука музыканта была парализована¹⁰⁸. Однако Шуман, несмотря на хрупкость своего душевного склада, не отчаялся. Он даже написал с энтузиазмом: «В Цвихау пересяду за виолончель, в которой требуется только левая рука»¹⁰⁹. Отказавшись от своей юношеской мечты о карьере пианиста (которую вместо него реализовала его жена Клара, став одной из величайших пианисток своего времени), он полностью ушел в сочинение, левой рукой выводя ноты, которые войдут в классику романтического репертуара.

История Даниэля Вьержа (1851–1904) еще более поразительна. У этого художника, прозванного «Верди от рисунка» — столь разнообразным и богатым был его талант, паралич отнял правую руку в 1881 г., когда ему едва минуло тридцать лет. Обладая необыкновенной силой харак-

тера, он денно и ночью тренировал свою левую руку, в надежде, что она заменит ему ставшую беспомощной правую. «Непослушная вначале, левая рука подчинилась воле художника, словно покорившаяся воле упрямого всадника лошадка»¹¹⁰. 27 января 1883 г. в «Ле Монд Иллюстре» появился первый его рисунок, созданный левой рукой. В течении двадцати лет за ним последовали сотни других, в том числе и шедевры искусства модерна¹¹¹.

Менее известна история французского поэта Блэза Сандрара (1887–1961). Как и многие другие солдаты, Сандрар вернулся с Первой мировой войны одноруким калеккой, лишенным правой руки. Долгое время он ощущал себя словно пораженным молнией и не желал признавать свою однорукость. Как бы легко его левая рука не поддавалась обучению, новый Сандрар уже не чувствовал себя прежним и испытывал постоянную ностальгию. 19 февраля 1918 г. он набрасывает свой автопортрет и пишет сыну Одилону: «Вот как я тебе пишу. Смотрю на себя в дверцу зеркального шкафа, моя левая рука становится моей правой. Дух захватывает»¹¹². Тем не менее понемногу писатель привыкает к своему несчастью и предпринимает «путешествие на левую сторону», чтобы примириться с этой неизвестной половиной себя. Эта инициация, таинство, которое найдет свое отражение во всех написанных им впоследствии страницах¹¹³.

Еще более удивительна история жизни австрийского пианиста Паула Виттгенштейна, основные моменты биографии которого словно бы повторяют жизненный путь Сандрара: родился в 1887 г., потерял правую руку в 1915 г. (на русском фронте), умер в 1961 г. Однако его увечье было по своей сути непоправимым. Разве можно было даже вообразить себе музыканта, лишенного правой руки, если даже музыкант-левша считался у своих собратьев по профессии калеккой¹¹⁴. Но Виттгенштейн не отказывает-

ся от своей карьеры и со всей страстностью отчаявшегося человека осваивает технику игры левой рукой. Вскоре он уже играет столь умело, что частично восстанавливает свой старый репертуар и доказывает, что левая рука, которой традиционно отводится роль аккомпанемента, может играть столь же мастерски, что и правая. Более того, если слегка изменить изначальную партитуру, то она способна играть за двоих! С конца 1916 г. Виттгенштейн в сопровождении симфонического оркестра вновь выступает в Вене. Многие великие композиторы, среди них Рихард Штраус, Сергей Прокофьев, Морис Равель или Бенжамин Бриттен в равной степени восхищенные этим упорством перед лицом несчастья и желающие бросить вызов новым открывшимся перед ними возможностям, пишут для него специально адаптированные пьесы. Так появился известный «Концерт для левой руки» для фортепиано с оркестром, написанный Равелем в 1931 г., чья сложнейшая партитура ничем не выдает того, что концерт исполняется одной рукой. После турне по Соединенным Штатам, Виттгенштейн поселяется в Нью-Йорке, где основывает Школу игры левой рукой¹¹⁵.

Однажды солнечным осенним днем юный студент-архитектор Жан Карлу (1900—1997) решил подать свои работы на участие в конкурсе рекламных афиш Гликодонт. Это решение изменило всю его жизнь. Вот как сам он описывает произошедшие события:

Ночью я закончил афишу и отправил ее жюри перед тем, как отправиться на работу. <...> Я опаздывал и потому попытался вскочить в трамвай на ходу, но подскользнулся — и лишился руки. Тем временем, пока я был в больнице, жюри присудило мне премию. Это было 28 октября 1918 г. Новость мне объявили, когда сам я еще лежал на больничной койке.

— Итак, вам было восемнадцать лет, вы выиграли конкурс, но лишились руки.

Вот именно. Я был настоящим правшой, поэтому не могу сказать, что мне было легко переучиваться. Все мои знакомые, видя, как тяжело мне дается рисование левой рукой, боялись, что я не смогу управляться со своими приборами — рейспиной и угольником, например. Конечно, они не говорили этого прямо — но в какой-то степени именно их страх и позволил мне свернуть с того пути, к которому меня предназначил отец¹¹⁶.

Оставив занятия архитектурой, которые, по правде сказать, несколько его не увлекали, Карлу становится одним из самых талантливых графиков своей эпохи, основав вместе с Кассандром¹¹⁷, Полем Коленом¹¹⁸ и Шарлем Лупо¹¹⁹ группу, которую называли «мушкетерами ардеко». Те плакаты, которые он разработал для Монсавона, Перрье или Ларусса стали частью нашего культурного наследия. Разве кто-либо мог даже представить, что они нарисованы правшой, лишившимся правой руки?

Наконец, последний рассматриваемый нами пример сцеволы — левши поневоле — писатель Анри Винсено (1912—1985). В отличие от всех остальных, левой он стал ненадолго и достаточно легко перенес свои злоключения. Однако он написал об этом статью:

Я принадлежу к тому поколению, которое выросло с мыслью о превосходстве правой руки, и я не уверен, что моя милая бабушка не считала признаком испорченности уже сам факт использования левой руки для того, чтобы поднести ко рту чайную ложку каши. Я всегда принимал это как должное, пока однажды не вывихнул правую руку, ввиду чего мне пришлось действовать исключительно бедной левой, которая, мало-помалу, стала проявлять ту же ловкость, что и ее сестра-близнец»¹²⁰.

Как и все правши до него, внезапно лишенные своей опоры и подмоги, Винсено приходит к выводу, что «Левая рука достойна правой» (это и есть название его статьи).

Не стоит отбрасывать эти рассказы о левшах поневоле (равно как и многие другие, которые история не сохранила¹²¹) как забавные истории и ничего больше. Они во многом способствовали созданию вокруг леворукости определенного ореола уважения, так как свидетельствовали о том, что левая рука может заменить правую или даже полностью взять на себя ее функции. В некоторых случаях она даже лучше служила своему хозяину, чем правая, и он открывал в себе такие таланты, о которых и не подозревал, пока был правой. В любом случае левая рука не была столь плохой, сколь о ней говорили. Сцеволы, эти обращенные в левшей правши, в какой-то степени являющие собой симметричное отражение скрытых левшей, были тому живым доказательством: их респектабельность, их талант, их мужество говорили сами за себя. Дело не в правой и не в левой руке, а в характере. Талант прекрасно уживается с леворукостью.

II. ПАНТЕОН ЛЕВШЕЙ

Каждая работа, посвященная левшам, обязательно содержит главу об известных левшах. Тем не менее мы не побоимся отметить, что чаще всего именно эта глава не отличается ни тщательностью отбора информации, ни критическим подходом. Неподдающиеся проверке данные соседствуют там с явными выдумками, а вопиющие ошибки с упущениями, в общем, полет фантазии и весьма спорный подход. Пальму первенства мы бы отдали сайтам в Интернете, которые мы имели удовольствие просмотреть. Бесконечные списки, предстающие вашим глазам, никак не проверены, подчас, «посетители» сайта могут сами вносить в список имена, и никто и не думает проверять источники!

Мы вовсе не хотим внести свою лепту в эту кабафонию. Наш интерес к левшам имеет, скорее, исторический характер, а не маниакальную одержимость коллекционера. Так что мы не будем перечислять всех прославленных левшей, занятие, на наш взгляд, не имеет ни конца, ни края, ни точности, ни, собственно, особого значения. Разве важно, предпочитал ли тот или иной человек левую руку правой, если нам неизвестно, какую роль это сыграло в его жизни, как повлияло на его работы или хотя бы как сказало на отношении к нему современников (случаи из жизни сцевол, левшей поневоле, которые мы приводили ранее, именно потому показались нам уместными и достойными внимания, что проливали свет на эти вопросы). Однако составить список левшей, посвятивших себя творчеству, — дело весьма полезное, что мы и хотим показать. Только подходить к нему надо, четко сформулировав методику отбора.

Художники

Среди левшей, прославившихся благодаря своей леворукости, значительное место занимают художники. Их способность творить прекрасное рукой, отвергаемой всеми, рукой, выполняющей самый низменный труд, вызывала изумление у окружающих. Мы уже приводили достаточно красноречивые тому свидетельства¹²².

С исторической точки зрения существует весьма интересный вопрос: как узнать, что художник был левшой?¹²³ Мы планируем разобрать в этой главе подробный анализ данных с совокупным списком, в котором будут содержаться все данные, собранные нами за последние несколько лет.

Рисунок правши
Луи Роланда Тренкесса (1745–1800)

Рисунок левши
Йоханна Хайнрица Фюссли
(1741–1825)

Поиск признаков леворукости художника должен вестись в нескольких направлениях одновременно: 1) биографические данные; 2) особенности графического произведения; 3) дополнительные признаки.

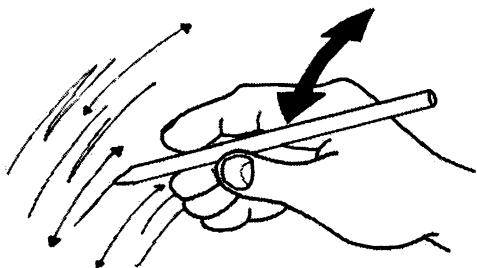
• *Первый критерий. Биографические данные.*

По степени значения источники занимают первое место в любом историческом исследовании. Их нужно тщательно сортировать и сопоставлять, чтобы найти в них нужную информацию. К этой группе относятся письменные свидетельства¹²⁴ и образные свидетельства (портреты написанные маслом, нарисованные и фотографии¹²⁵).

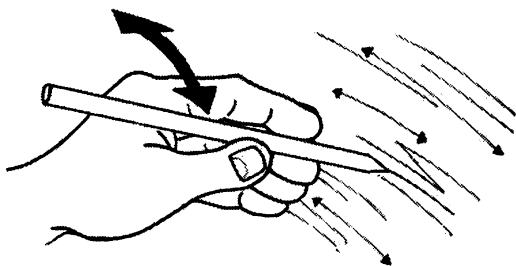
• *Второй критерий особенности графического изображения.*

Как о том первыми заметили Джованни Морелли и Бернар Беренсон¹²⁶, графика левши может значительным образом отличаться от графики правши.

Основное различие сводится к направлению штрихов, которые рисовальщик наносит в определенных частях рисунка, чтобы нанести тени и придать рисунку объем. Угол, который его графический инструмент (будь то карандаш, пастель, перо, уголь, сангвина и т.д.) составляет с поверхностью рисунка, зависит от того, правой или левой рукой он работает. Для правши естественно наносить штриховку по диагонали: верхний правый угол — нижний левый угол, и наоборот.

Для левши же более естественно вести линию из верхнего левого угла в нижний правый, и наоборот.

Конечно, в зависимости от рисунка (скат крыши, падение солнечных лучей, наклон объекта, угол падения света, графическое изображение ветра или дождя и т.д.), каждый волен, не прилагая особых усилий, изменить направление штриховки¹²⁷.

С этой точки зрения, штриховка не может рассматриваться как единственный показатель право- или леворукости в той степени, в коей направление черты не имеет семиотического значения. С того момента, как оно не имеет никакого отношения ни к форме, ни к структуре рассматриваемой детали рисунка, направление и наклон штриховки определяются движением, естественным для руки. В этом случае возникает фактически механическая зависимость между право- или леворукостью и графикой. Штриховка, всегда или практически всегда направленная сверху слева вниз направо, как у Леонардо да Винчи (1452–1519), Ханса Хольбейна (1498–1543), Раффаэло да Монтелупо (прибл. 1505–1566¹²⁸), Адольфа Менцеля (1815–1905), Джозефа Пеннелла¹²⁹ (1857–1926)¹³⁰ и многих других¹³¹, позволяет сделать вывод о леворукости автора.

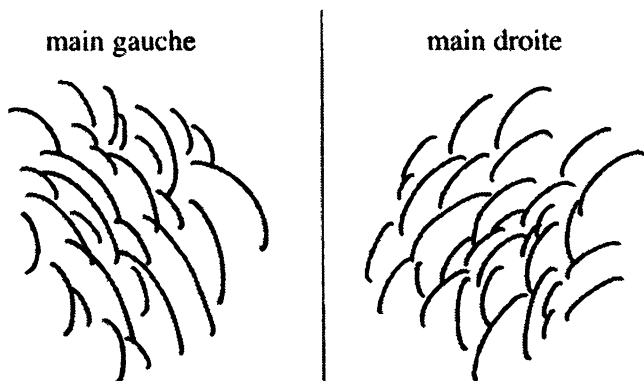

Ханс Болдунг Грин, «Эскизы голов», ок. 1505 г.
Перо и коричневые чернила (29×18 см), Париж, Музей Лувра

Однако существует и еще один нюанс. Ориентируясь только на направление штриховки, можно сильно опозориться. Ведь получится, что, например, все художники немецкого Возрождения были, как на подбор, левшами или амбидекстрами¹³². «Эскиз голов» Ханса Бальдунга Грина (1464—1545), находящийся в коллекции Лувра, — типичный тому пример — был приведен на рисунке. Как и во множестве других своих работ, штриховка имеет так называемое направление «левшей»¹³³. Однако если приглядеться внимательнее, то можно увидеть, что размах пера почти везде немного расширяется влево. Это явный признак рисунка правой рукой.

Когда вы быстрым движением руки проводите линию, она всегда будет слегка выгнута посередине.

Таким образом, штриховку левши можно узнать не только по ее направлению, слева направо, но и по тому, что она всега выгнута вправо. В свою очередь, черта, проведенная правой, будет слегка выгнута влево¹³⁴. В случае же, если направление штриховки противоречит

Искривления линий при рисунках правой и левой рукой

ее изгибу, как, например, в эскизе Бальдунга, превалирующее значение для определения латеральности будет иметь изгиб штриха. Скорее всего, в момент штриховки был повернут лист и/или сжат кулак¹³⁵.

Учитывая особенности каждого вида искусства, графические особенности левшей могут также прослеживаться в эскизах¹³⁶, мазках в картинах маслом¹³⁷ или гравюре¹³⁸.

• *Третий критерий. Дополнительные данные.*

Многие дополнительные детали могут помочь определить, был ли художник левшой или были ли верны и достаточны первый и/или второй критерии. К этой третьей группе относятся: автопортреты художника¹³⁹, манера письма, манера подписываться¹⁴⁰, располагать предметы на рисунке и ориентировать профили¹⁴¹, признаки второй руки¹⁴² и т.д.¹⁴³ Если другие аргументы отсутствуют, то мы останемся в области догадок, более или менее достоверных в зависимости от соответствия их изученным образцам, их повторяемости и общей сумме.

Определение леворукости художника является делом долгим и кропотливым, в большинстве случаев весьма ненадежным, учитывающим самые разнообразные детали и сопоставляющим самые разные критерии. Благоразумие требует, чтобы мы не делали поспешных выводов, как причисляя художника к списку левшей, так и вычеркивая его оттуда. Большую часть времени леворукость не проявляется чисто формальными признаками, ограничиваясь более или менее явно выраженной тенденцией, зачастую достаточно противоречивой, например, как бы это не было парадоксально, но присутствие в работах художника всех формальных признаков правши еще не значит, что он на самом деле правша. Не следует забывать о том, что ярко выраженных левшей, каких мы видим сейчас, в прошлом фактически не было. Как мы уже видели,

Штриховки Болдунга Грина, якобы нарисованные левой рукой. На самом же деле изгиб линий все равно остается, как при рисовании правой рукой.

социальное давление было настолько сильным, что левша становился правой или амбидекстром, т.е. левшой, в совершенстве владеющим обеими руками. Без сомнения такое часто случалось среди художников, чей род занятий, со всеми его условностями, традициями школ, строгим порядком в мастерских, требовал долгого учениче-

ства — подчас с ранних лет¹⁴⁴ — под строгим надзором учителя, который мало что позволял своему подопечному. Другими словами, вплоть до недавнего времени художник, даже если он был левшой, просто вынужден был обладать всеми навыками правши. Потому ничего удивительного, что и его работы (как, например, Жана Ресту, Яна ван Эйка, Иеронимуса Босха, Поля Делароша и некоторых других) имеют все характеристики картин, написанных правой рукой (странно ли, что левша пишет правой рукой?).

Поэтому описание признаков левшей можно свести к двойной таблице.

	ДОКАЗАННЫЕ	ВОЗМОЖНЫЕ	ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ
Ярко выраженный левша	Жорж Кларен (1843—1919)	Йорг Брей Старший (ок. 1475—1537)	Хидари Зингоро (XVII в.) Кай Фабий (IV в. до н.э.) Карел Фабрициус (XVII в.)
	Рауль Дюфи (1877—1953)	Шарль-Николя Кошен (1715—1790)	Антонио Трива (1626—1699)
	Морис Эшер (1898—1972)	Поль Деларош (1797—1856)	
	Ханс Хольбейн Младший (1498—1543)	Симон Гиллэн (1581—1658)	
	Поль Клее (1879—1940)	Винсент Лекербетъен (XVII в.) Ханц Шауфеляйн (ок. 1480—1540)	
	Амедей де Ла Пательер (1890—1932)	Турпилий (I в. н.э.)	
	Леонардо да Винчи (1452—1519)		
	Эмиль Луго (1840—1902)		
	Николя Миньяр (1606—1668)		
	Рафаэлло де Монте-лупо (1505—1566)		
	Анри Реньо (1843—1871)		

Вынужденный левша	<p>Жан Карлу (1900—1997) Генрих фон Хефнер-Альтенек (1811—1903) Жан Жовене (1644—1717) Жозеф Пеннел (1857—1926) Герхард Вильгельм фон Ройтерн (1794—1865) Йоханн Генрих Шенфельд (1609—1682) Даниэль Вьерж (1851—1904) Чарльз Уолч (1896—1948)</p>		<p>Анна Барлоу (1851—1916) Шуншо Катсукава (XVIII в.)</p>
Скрытый левша		<p>Микеланджело (1475—1564) Себастьяно дель Пиомбо (ок. 1485—1547)</p>	
Амбидекстр	<p>Амико Аспертини (ок. 1475—1552) Ханс Хаут Бальтасар (1890—1965) Генрих Фюссли (1741—1825) Грандвилль (1803—1847) Адольф Менцель (1815—1905) Доминик Папети (1815—1849) Чарльз Белл (1774—1842) Лукас Камбьязо (1527—1585)</p>	<p>Хоус Крэйвен (1825—1910) Ян ван Эйк (ок. 1400—1441) Хокусаи (1760—1849) Эдвин Ландсиэр (1769—1852) Мишель Серре (1658—1733) Уильям Телбин (1815—1873)</p>	<p>Альбрехт Дюрер (1471—1528) Жан Ресту (1692—1768) Ян Свари (1469—1535)</p>

Неопределенный тип	Франческо Борромини (1599–1667)	Эрхард Альддорфер (1480–1538)
	Чарльз Бюрхфилд (1893–1967)	Иеронимус Босх (ок. 1450–1516)
	Бернардино Кампи (ок. 1522 – ок. 1590)	А. фон дер Эмбде (1780–1862)
	Джампетрино (1493–1540)	Франциско ди Холланда (ок. 1519–1584)
	Юст де Ганд (ок. 1435 – ок. 1480)	Джокондо да Верона (1434–1525)
	Джордж Лукс (1867–1933)	Ян ван Гойен (1596–1666)
	Эдвард Мунк (1863–1944)	Амброзиус Хольбейн (ок. 1493–1525)
	Герман Сафтлевен (1609–1685)	Антон Моцарт (1573–1625)
	Аарон Драпер Шаттук (1832–1928)	Г.-М. Оппенорд (1672–1742)
	Мартен де Вос (1532–1603)	Жозе Ориант (ум. ок. 1689)
	Конрад Витц (ум. 1445)	Кристиан Рюль (1764–1842)
		Эрхард Шен (1491–1542)
		Виргилий Солис (1514–1562)
		Петер Вишер (1487–1528)

Во-первых, следует различать три степени достоверности:

1. **ДОКАЗАННЫЕ** – для тех случаев, когда присутствуют и первый и второй признаки.

2. **ВОЗМОЖНЫЕ** – когда присутствует либо первый, либо второй признак.

3. **ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ** – когда присутствует только третий критерий или когда первый или второй критерий присутствуют, но не в ярко выраженной форме. К этой же группе относятся и те художники, которые считаются левшами, однако источники этого не подтверждают.

Также следует выделить пять особых случаев:

1. **ЯРКО ВЫРАЖЕННЫЙ ЛЕВША** — левша, работающий левой рукой во всех случаях в течение всей своей карьеры художника.

2. **ВЫНУЖДЕННЫЙ ЛЕВША** — правша, ставший левшой вследствие одностороннего паралича¹⁴⁵.

1. **АМБИДЕКСТР** — левша, который вместе с тем пользуется и правой рукой.

2. **СКРЫТЫЙ ЛЕВША** — полностью подавляемые природные наклонности.

3. **НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ТИП** — наблюдаются признаки левши, однако недостаточно документированные для того, чтобы отнести художника к одной из вышеописанных категорий.

Подобная таблица учитывает не только все нюансы проявления наклонностей левши, но и все неопределенные моменты.

● *Пример доказанного левши: Никола Миньяр.*

Уроженец города Труа Никола Миньяр (1606—1668), которого Антуан Шнаппер описывает, как «одного из лучших художников своего времени»¹⁴⁶, без тени сомнения был настоящим левшой. Фелибиан, современник художника, отмечал:

У Никола Миньяра была удивительная особенность — он рисовал левой рукой, подобно римскому герою, о котором говорится в Истории¹⁴⁷. Будучи заядлым охотником, он и курок спускал левой рукой; он очень любил охоту, которая была основным его развлечением в годы, проведенные в Авиньоне¹⁴⁸.

К этому рассказу можно прибавить и свидетельство Поля Миньяра (1638—1691), сына и ученика Николая, который в 1672 г. нарисовал портрет своего отца-левши¹⁴⁹.

Наконец, когда двадцать лет назад был всплеск интереса к художнику, то при изучении его рисунков было вы-

явлено, что все они обладают характерными признаками техники левшей¹⁵⁰.

Таким образом, мы видим два основных критерия и можем без сомнений отнести имя Миньяра к числу явных левшей.

• *Пример возможного левши: Поль Деларош.*

Все рисунки Поля Делароша (1797–1856), казалось бы, свидетельствуют о том, что они нарисованы правой рукой. Тем не менее его современник и соотечественник Шарль Блан (1813–1882), удивительный эрудит и знаток искусства своего времени¹⁵¹, утверждает, что художник был левшой¹⁵². Это замечание подтверждает и портрет Луиса Ру, на котором он запечатлел мастерскую Делароша в 1855 г. и где некто, по всей видимости сам художник, рисует левой рукой¹⁵³.

• *Пример предположительного левши: Иероним Босх.*

Вопрос о том, был ли Иеронимус Босх (ок. 1450–1516) левшой, весьма спорен и вряд ли сможет быть решен однозначно. Потому он и представляет для нас особый интерес.

Первым к нему обратился Фритц Лугт в 1968 г. Этот выдающийся знаток графики отметил не без недоумения, что, если рисунки, приписываемые Босху, похоже, написаны правой рукой (направление штриховки справа налево), то в его эскизах зачастую явно проступают признаки, характерные для работ левшей¹⁵⁴. Лугт отметил этот «любопытный» феномен, однако не попытался дать ему объяснение¹⁵⁵.

Некоторое время спустя Мишеллин Сонкес¹⁵⁶ и Патрик Ройтерсверд¹⁵⁷ пришли к тому же выводу. В своем техническом анализе «Корабля дураков» Сонкес пишет:

...Все тени в рисунке прорисованы штриховкой из верхнего левого угла в нижний правый; <...> эта штриховка выдает

в нем [Босхе] левшу. Вся поверхность корабля заштрихована; в самых светлых частях штриховка сводится к отдельным маленьким черточкам. В той части, где корма отбрасывает тень, штриховка столь густая, что фактически сливается в черный фон. Она полностью закрывает некоторые фигуры — так затемнена фигура человека между монахиней и монахом. Также можно видеть и более короткие штрихи в том же направлении, которые придают объем фигурам, полностью остающимся в тени¹⁵⁸.

В 1973 г. вопрос о том, был ли левшой мастер из Буале-Дюк стал темой докторской работы, защищенной в одном американском университете¹⁵⁹. Автор, методично анализируя все эскизы к работам, в чьей подлинности не возникало сомнения, продемонстрировал, что «исполнение, характерное для левшей» составлял «один из важных аспектов работ Босха»¹⁶⁰, и не только нормальное направление штриховки (слева направо) выдает в нем левшу, но и то, в какую сторону выгнута обратная штриховка (которую некоторые поспешно относят к штриховке, характерной для правшей), выдает работу левой руки¹⁶¹.

На этом основании можно вывести две гипотезы¹⁶²:

1. Художник, от природы левша, стал амбидекстром. Он делал эскизы правой рукой, а рисовал левой (вполне возможный вариант).

2. Художник был левшой. Рисунки, нарисованные правой рукой, — это копии, подделки, работы мастерской¹⁶³.

За неимением письменных документов, подтверждающих ту или другую гипотезу, мы вносим имя Босха в список художников-левшей в графу «предположительных левшей» «неопределенного типа».

Как видно из приведенных примеров, был художник левшой или нет, важно для того, чтобы лучше понимать и разбираться в его работах. Усовершенствуя метод классификации, предложенный нами, уточняя и дополняя список художников-левшей, который мы составили, исто-

рия искусства получит весьма полезный инструмент научного исследования.

Гении

Платон, Цезарь, Леонардо да Винчи, Паскаль, Бонапарт, Франклин, Шопен, Фрейд, Эйнштейн, Пикассо. Если провести общественный опрос, чтобы определить, кто воплощает величайшие достижения человеческого разума, без всякого сомнения, эти имена попадут в список. Также фигурируют они и в списках известных левшей, о которых мы уже рассказывали. Что это, важная деталь, совпадение или фантазия? Наверное, третий вариант нам ближе.

На самом деле среди восьми перечисленных людей, только про одного можно со всей уверенностью сказать, что он был левшой — про Леонардо да Винчи. Фрейд, скорее всего, был одним из тех левшей, которые сами этого не осознают. Напротив, мы уверены, что ни Платон, ни Цезарь, ни Паскаль, ни Бонапарт, ни Франклин, ни Шопен, ни Эйнштейн левшами не были¹⁶⁴. Однако откуда взялось это распространенное заблуждение? Или можно поставить вопрос по-другому: почему люди так часто ассоциируют гениальность с леворукостью?

Скорее всего, дело в двух факторах. Во-первых, это так называемый «синдром Леонардо». В народном представлении Леонардо является не просто образцом гениальности, но и воплощением левши. Его могучий интеллект и тот факт, что он был левша, столь яркие и столь широко известные проявления индивидуальности, во многом явились причинами того, что в народном сознании между ними установилась причинно-следственная связь: Леонардо во всех смыслах был человеком, выходящим за рамки обыденного, и то, что он был левшой, только подтвер-

ждает чудо. Леворукость для него не просто превосходная степень, но неотъемлемая часть его гения. Путем обобщения, любой, обладающий творческим воображением и разумом столь же поразительным, будет автоматически заподозрен в том, что левша. Достаточно будет, как в случае с вышеперечисленными персоналиями, обычного предположения для того, чтобы родилась легенда и затмила историческую реальность.

Второй фактор гораздо менее лестен для левшей. Дело в том, что гения можно рассматривать как аномалию человеческой природы, своего рода чудовищную деформацию разума. В конце XIX в. эта теория была выдвинута Чезаре Ломброзо. В своей книге 1888 г. «L'Uomo di genio»¹⁶⁵, Ломброзо изучает то, что для него является одним из видов дегенерации — гениальность. Гениальный человек, пишет он, ничем не отличается от безумца. Просто за счет того, что он заключает свое безумие в стерильную и смертоносную систему мышления, он обладает способностью воплотить свое безумие в творчестве. Равно как и в анализе поведения преступников, Ломброзо разработал нозологическую таблицу гениев, другими словами, список симптомов гениальности. Особая физиология, специфическая «паталогия», отмечает Ломброзо, отличает гениев от обычных людей. Среди них мы видим «дегенеративные характеры», более или менее ярко выраженные, среди которых — и стоит ли удивляться? — неоднократно фигурирует предпочтение левой руки правой и повышенная чувствительность левой стороны (знаменитый «манчинизм» Ломброзо)¹⁶⁶. В этом случае леворукость рассматривается не как признак оригинальности, а как несмыслимая метка интеллектуального уродства, который называется гениальностью. Эта теория имела множество приверженцев в начале XX в. Те, кто был ярким противником левшей, зачастую прибегали к этой теории, чтобы оправдать свою неприязнь. Она как будто доказы-

вала, что предпочтение левой руки свидетельствовало о недоразвитости, ибо особая одаренность показала ненормальность этого предпочтения. Вернемся к теории Йотейко в 1916 г., которая предваряет вторую главу, «Презираемые левши»: левши отличаются в той или иной степени от обычных людей и входят в тот класс, которому Морель и Маньян¹⁶⁷ дали название «дегенератов», и Ломброзо присоединился к этому мнению в следующем виде: «Леворукость имеет атавистический и дегенеративный характер. Левши... обладают тяжелой наследственностью; леворукость зачастую сопровождается эпилепсией; она нередко встречается у сумасшедших, преступников... и, наконец, у гениев»¹⁶⁸.

В наши дни, когда прилагается столько усилий, чтобы составить список известных левшей, не отличающийся при этом особой точностью, пытаюсь за счет этой пристрастности восстановить справедливость после «манчизма» писем благородных семей («В семье сплошные уроды», — не без иронии писал один автор¹⁶⁹), сами того не зная, авторы возобновляют старую аргументацию благонамеренных правшей. Точнее, одни предубеждения заменены на другие. Левши в равной степени не должны быть ни предметом восхищения, ни объектом презрения. Они являются всего лишь одним из вариантов человеческой натуры, скажем так, категорией, у которой было достаточно проблем, прежде чем за ней признали право на существование. Теперь левшам нечего больше требовать кроме как оставить их в покое.

¹ Никола Миньяр (1606–1668), французский художник, брат известного художника Пьера Миньяра.

² Это выражение взято из заглавия цитируемой книги Д. Пиньона, «Дикая рука» (D. Pignon, «La Main sauvage»).

³ М. Бодуэн, «Зеркальные надписи в галло-романскую эпоху» (M. Baudouin, «Les inscriptions en miroir de l'époque gallo-romaine» // *Révue scientifique*, v. XX, № 10, 5 sent. 1903, p. 289–296).

⁴ Книга форматом в четвертую долю листа.

⁵ Это не единственный случай. Копия Овидия, хранящаяся в Британской библиотеке, подписана «per Mathiam quendam manu sinistra» («сделано Матфеем левой рукой»). Другой манускрипт на латыни, относящийся к XV в. (хранится в Сиднее, публичной библиотеке Нового Южного Уэльса), содержит надпись «Egbertus Naet, alias Trajecti, scripsit hunc librum manu sinistra» («Экберт Наэт, известный также как Траjecti, писал эту книгу левой рукой).

⁶ М.-С. Гаранд, «Ductus левшей» в сб. под ред. Р. Лежена и Ж. Декера «Клио и ее взгляд», p. 279–292 (M.-C. Garand, «Ductus de gaucher», R. Lejeune à J. Deckers, éd. «Clio et son regard», Liège, P. Margada, 1982).

⁷ «Жизнь Раффаэло ди Бартоломео Синибальди да Монтелупо», авторский текст («Vita di Raffaello di Bartolomeo Sinibaldi da Montelupo», Magliabechiana, cl. XVII, № 25), около 1560 г.; под ред. Г. Гайе в «Неизданные рукописи художников XIV, XV, XVI вв.» («Carteggio inedito d'artisti dei secoli XIV, XV, XVI», Florence, G. Molini, 1855, t. III, p. 581–594 (p. 582)).

⁸ Ibid, p. 583.

⁹ Микеланджело ди Лодовико Буонарроти Симони (1475–1564) – итальянский скульптор, художник, архитектор и поэт эпохи Возрождения, чье творчество оказало неоспоримое влияние на развитие западного искусства.

¹⁰ Прозвище Себастьяно Лучиани (1485–1547), итальянский художник, который в своих работах стремился сочетать богатые краски венецианской школы с монументальной формой римской школы.

¹¹ Ibid.

¹² Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский художник, скульптор, архитектор, инженер, чей гений более, чем какого-либо другого человека, олицетворяет собой гуманистические идеалы эпохи Возрождения.

¹³ Ханс Хольбейн Младший (1497/98–1543), немецкий художник, график, известный реализмом своих портретов.

¹⁴ Ян ван Эйк (1395–1441), фламандский художник, совершенствовавший незадолго до того изобретенную технику писания маслом.

¹⁵ Иеронимус Босх (1450–1516), талантливый и оригинальный художник позднего Средневековья, чьи работы отражают индивидуальный и неповторимый стиль.

¹⁶ Плиний Старший, «Естественная история», кн. XXXV:VII. Впрочем, если верить Джозефу Медеру («Рисунок рукой: его техники и развитие» (Joseph Meder, «Die Handzeichnung. Ihre technik und entwicklung», Vienne, 1919, p. 580), Плиний ошибался, называя Турпилия первым художником-левшой. Некий Кай Фабий Пиктор в IV в. до н.э. говорил о себе то же самое. Однако мы не проверяли эти данные.

¹⁷ Карел ван Мандер (1548–1606), нидерландский художник, поэт и писатель, прославившийся в основном благодаря биографической книге о жизни художников.

¹⁸ К. ван Мандер, «Книга о живописи» (C. van Mander, «Le Livre du peinture», éd. R. Genaille, Paris, Hermann, 1965, p. 117).

¹⁹ «Жизнь Раффаэло ди Бартоломео Синибальди да Монтелупо» («Vita di Raffaello di Bartolomeo Sinibaldi da Montelupo», ок. 1560, p. 586).

²⁰ В. Вуатюр, «Стихи» (V. Voiture, «Poésies», éd. H. Lafay, Paris, M. Didier, 1971, p. 26 и далее). Однако мы должны уточнить, что не смогли найти никаких формальных доказательств того, что Вуатюр был левшой. Многие современные авторы ссылаются на этот факт, возможно, в связи с его знаменитыми «Стансами, написанными левой рукой». Учитывая маловероятность подобных упражнений для правши, мы принимаем на веру эту гипотезу.

²¹ Конде, Людовик II де Бурбон (1621–1686), также прозванный Великим Конде, предводитель последних восстаний французской аристократии, известных, как Фронда (1648–1653). Позже стал одним из величайших полководцев короля Людовика XIV.

²² Леопольд II (1640–1705), император Священной Римской империи, во время долгого правления которого Австрия воспряла после

ряда сражений с турками и французами и стала великой европейской державой.

²³ Ж. де Колиньи, «Малые мемуары... написанные им самим на полях молитвенника в своей часовне в замке Ла-Мотт-Сэн-Жан» (J. de Coligny, «Petits mémoires... écrits par lui-même sur les marges du missel de sa chapelle au château de La Motte-Saint-Jean», 1685), в «Мемуарах графа Колиньи-Салиньи» («Mémoires du comte de Coligny-Saligny», éd. M. Monmerqué, Paris, Société de l'Histoire de France (31), 1844, p. XLIII). В «[Больших] мемуарах», написанных за несколько лет до того (1678), Колиньи описывает дуэль, в которой участвовал в 1641 г.: «Он [противник] нанес мне удар, который распорол мне живот; и, не увернись я вовремя, он пронзил бы мне сердце, так как я левша» (ibid, p.14).

²⁴ Р.А. Литгоу, «Леворукость» (R.A. Lithgow, «Left-handedness», p. 660).

²⁵ Левши (*исп.*).

²⁶ А. Бонье, «Воспоминания художника [Жоржа Клэрена]» (A. Beaunier, «Souvenirs d'un peintre [Georges Clairin]», Paris, E.Fasquelle, 1906, p. 81, см. также p. 84).

²⁷ М. Бризар в «Дискуссии по вопросу о левшах» (M. Brisard in «Discussion des communications sur les gauchers», p. 143).

²⁸ Дж Рубинович (J. Roubinovitch), ibid, p. 144 (см. нашу цитату на с. 78).

²⁹ Р. Пьеделевр, М. Деробер и М. Фуро, «Левши и правши» (R. Piédelièvre, M. Dérobert à M. Fourault, «Gauchers et droitiers», p. 922).

³⁰ Речь, без сомнения, идет о немецком ученом Густаве-Роберте Кирхоффе (1824—1887), который был членом-корреспондентом Академии Наук в Париже.

³¹ Э. Оливье в «Дискуссии по вопросу о левшах», p. 143—144.

³² В оригинале: «On le disait gaucher, mais désignant un défait, le nom lui convient mal car nul n'était plus adroit aux armes que lui».

³³ Французское имя Гоше созвучно слову gaucher (левша).

³⁴ Та же игра слов на латыни: scaevola-scaevus-dexter.

³⁵ Текст канонического перевода изменен. В каноническом переводе: «Из всего народа сего было семьсот человек отборных, кото-

рые были левши, и все сии, бросая из пращей камни в волос, не бросали мимо».

³⁶ Светоний, «Жизнеописание двенадцати Цезарей», в. II, р. 53.

³⁷ Густав Флобер (1821–1880), французский писатель.

³⁸ Г. Флобер, «Словарь общепринятых истин».

³⁹ Жан Нико, «Сокровищница французского языка» (Jean Nicot, «Thrésor de la langue francoyse», Paris, D.Doucer, 1606), статья «Левый» («Gauche»).

⁴⁰ Дени Дидро (1713–1784), французский философ и писатель, который с 1745 по 1772 г. являлся главным составителем «Энциклопедии», основного произведения эпохи Просвещения.

⁴¹ Жан ле Рон д'Аламбер (1717–1783), французский математик, философ и писатель, прославившийся как ученый и математик, прежде чем стать соавтором знаменитой «Энциклопедии».

⁴² «Энциклопедия», статья «Фехтование» («Замечания по поводу левшей»), в. XXI, 1765.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ А. Дюшен, «Об учениках амбидекстрах» (A. Duchesne, «Sur les élèves ambidextres»), р. 10–11.

⁴⁵ Р.А. Литгоу, «Леворукость» (R.A. Lithgow, «Left-handedness»), р. 660.

⁴⁶ Л. Майо, «Ибо левою дерусь» (L. Maillot, «Je sais m'servir de la main gauche, § 7).

⁴⁷ Малыш Билли, прозвище Уильяма Х. Бонни-Младшего (1860–1881), один из самых прославленных гангстеров Дикого Запада. Считается, что он убил 27 человек до того, как был застрелен в возрасте 21 года.

⁴⁸ Литтре, «Словарь французского языка», 1863–1872, статья «Левша» («Gaucher»).

⁴⁹ Так немецкий медик Лентилиус Розинус (1657–1733) указывал на наличие истерики «*quae autem sit ratio mirae scriptionis aliis hactenus inquirendum*» (Epheremides German., ann. VI, dec. II, р. 201), цитируется М. Бодуэном. «Зеркальные надписи» (M. Baudouin, «Les inscriptions en miroir», р. 289).

⁵⁰ Старые предубеждения на редкость живучи. Например, еще в начале века бытовало такое мнение: «Способность писать зеркально, справа налево, левой рукой, встречается только у недоразвитых и в целом в рамках течения большинства болезней, при которых умственные центры, пораженные в большей или меньшей степени, более не действуют» (А. Бертийон, «Рука левая и рука правая», в архивах криминальной антропологии, юридической медицины и нормальной и патологической физиологии, XXV (A. Bertillon, «Main gauche et main droite», Archives d'anthropologie criminelle, de médecine légale et de physiologie normale et pathologique, XXV, 1910, p. 88–90).

⁵¹ К. Вогт, «Письмо с точки зрения физиологии» в Ревю Съантифик (C. Vogt, «L'écriture considérée au point de vue physiologique», Revue scientifique, 52, 1880, p. 1221–1232 (p. 1229)). Тем не менее Бертийон уточняет, что «зеркальное письмо есть письмо, свойственное левой руке, предоставленной самой себе» («Рука левая и рука правая», с. 98).

⁵² Можно назвать: Дж. Балье, «Почерк Леонардо да Винчи. К вопросу о зеркальном письме» (G. Ballet, «L'écriture de Léonard de Vinci. Contribution à l'étude de l'écriture en miroir», Nouvelle iconographie de La Salpêtrière, XIII, 1900, p. 597–614); М. Баратта, «Почему Леонардо да Винчи писал «наоборот» (M. Baratta, «Perchè Leonardo da Vinci scriveva "a rovescio"», в Curiosità vinciane, Turin, Fratelli Bocca, 1905, p. 1–55); Л. Белтрами, «Правая рука» Леонардо да Винчи и ...» (L. Beltrami, «La "Destra mano" di Leonardo da Vinci e le lacune nella edizione del Codice Atlantico», Milan, Rome, Alfieri à Lacroix, 1919); Ibid, «Леонардо, Сецилия и «правая рука». К «Заметкам о да Винчи» проф. Антонио Фаваро» (Leonardo, «Cecilia e la "dextra mano". A proposito di una Nota Vinciana del Prof. Antonio Favaro», Milan, 1920); Дж. Фаваро, «Как писал Леонардо» (G. Favaro, «Como scriveva Leonardo», Rivista di storia delle scienze mediche e naturali, XXI, 11–12, nov.–dec. 1930, p. 330–334); Он же, «Левая» рука Леонардо» («La Mano "stanca" di Leonardo», Modène, Società tipografica modenese, 1930); Он же, «Леонардовское письмо» («Scrittura vinciana», Sapere, XVII, 15 dec. 1938, p. 423), А. Вентури, «Левая рука и рисунки и записки Леонардо да Винчи» (A. Venturi, «L'uso della mano sinistra nella scrittura e nei disegni di Leonardo da Vinci», l'Arte, vol. XLII, 1939, p. 167–173).

⁵³ Ж. Балье, «Почерк Леонардо да Винчи» (G. Ballet, «L'écriture de Léonard de Vinci», p. 614).

⁵⁴ «Scivesi ancora allo rovescia e mancina che non si posson leggere se non con lo specchio, ovvero guardando la carta del suo rovescio contro alla luce, come so m'intendi senz'altro dica, e come fa il nostri Leonardo da Vinci, lume della pittura, qu'al mancino, come piu volte et detto» (L. Pacioli, «De viribus quantitatis [1510]», Bologne, Biblioth. de l'Université, Codice 250 // Э. Мюнц, «Леонардо да Винчи» (E. Müntz, «Léonard di Vinci», p. 16).

⁵⁵ Джорджио Вазари (1511–1574) — итальянский художник и архитектор, известный благодаря написанным им биографиям художников эпохи Возрождения.

⁵⁶ Дж. Вазари, «Жизнеописания», v. 5, p. 41.

⁵⁷ «Soleva il Vinci scrivere alla mancina, secondo l'uso degli Ebrei... et essendo il carattere buono si leggeva assai facilmente mediante uno specchio grande», цит. по: Дж. Фаваро, «Левая» рука Леонардо» (G. Favaro, «La Mano "stanca" di Leonardo», p. 8).

⁵⁸ См.: Энрико ди Геймюллер (Enrico di Geymüller, «Cento disegni di architettura d'ornato e di figure di frà Giovanni Giocondo», Florence, 1882, p. 51–52); Он же, «Три альбома рисунков фра Джокондо» («Trois albums de dessins de fra Giocondo», Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'école française de Rome, XI, 1891, p. 22).

⁵⁹ Шарль Равэссон-Молльян, «Рукописи Леонардо да Винчи», (Charles Ravaisson-Mollien, «Les Manuscrits de Léonard de Vinci», Paris, 1881, v. I, p. 2); Дж. Фаваро, «Левая» рука Леонардо» (G. Favaro, «La Mano "stanca" di Leonardo», p. 7–8); Карло Макканьи, «Предварительные размышления о письме Леонардо» в «Леонардо и век разума» (Carlo Maccagni, «Considerazioni preliminari alla lettura di Leonardo», in «Leonardo e l'età della ragione», Milan, 1982, № 50, p. 62 à 67).

⁶⁰ Хольбейн подписал рисунок витража MVCIVSFEZ (Mucius Fec[it]), см.: О. Бэтшманн и П. Гринер, «Ханс Хольбейн» (O. Bättschmann à P. Griener, «Hans Holbein», Paris, Gallimard, 1997, p. 22–24). Имя Муция в данном случае весьма красноречиво: Муций Сцевола — это храбрый римский воин, который стал левшой, покалечив себе

руку в огне («*scaevola*» означает «левша» по-латыни, отсюда и его прозвище) (см. с. 186).

⁶¹ Г.Б. Палатино, «Новая книга обучения чистописи» (G.B.Palatino, «*Libro nuovo d'imparare a scrivere*», Rome, 1540). Гравюра воспроизведена в «Каллиграфии 1535–1885», Карла К. Марцони (Carla C. Marzoli, «*Calligraphy 1535–1885*», Milan, 1962, p. 37).

⁶² Согласно Д. Уилсону, «Правая рука: леворукость» (D. Wilson, «*The Right hand: left-handedness*», p. 144), герой мог писать одно и то же письмо, чередуя написание правой рукой, написание левой рукой и зеркальное письмо. См. биографическую заметку *infra* № 53.

⁶³ Анри Паризо, «Льюис Кэрролл» (Henri Parisot, «*Lewis Carroll*», Paris, Seghers, 1952, p. 11–12).

⁶⁴ См.: Жан Гаттеню, «Льюис Кэрролл: история жизни» (Jean Gattegno, «*Lewis Carroll: une vie*», Paris, Points/Seuil, 1974, глава «Закончико», p. 45–47).

⁶⁵ Фл.Б. Леннон, «Виктория в Зазеркалье. Жизнь Льюиса Кэрролла» (Fl.B. Lennon, «*Victoria through the looking-glass. The life of Lewis Carroll*», New York, 1945, p. 11–14, 174, 182 и в других местах).

⁶⁶ Как приводится Жаном Гаттеню, примечание «В Зазеркалье», в собрании сочинений Льюиса Кэрролла, Paris, Gallimard, NRF, коллекция «Плеяда», 1990, p. 1681–1682.

⁶⁷ *Ibid*, p. 1681.

⁶⁸ В. Гюго, «Отверженные», 1862, V:I:VII, II.

⁶⁹ См.: Л. Жобер, «Левши по сравнению с правшами» (L. Jobert, «*Les Gauchers comparés aux droitiers*», p. 25). Тем не менее следует отметить, что в целом военная жизнь мало благосклонна к левшам. С детства юный левша учится действовать противно его натуре, и, закончив ученичество и будучи призван в армию, он попадает в мир, который по определению не учитывает индивидуальные особенности человека, тем более такие. Военный устав всегда гласил, что оружие держат в правой руке. Стойка «смирно», приветствие, ружейные приемы, управление военными машинами – ежедневные солдатские упражнения, да и сам солдатский быт рассчитан на правшей (см.: Дж.М. Гулд, «Истоки праворукости» (G.M. Gould, «*The origin of right-handedness*», p. 588). Подобный регламент был необходим для пра-

вильного протекания военных операций. Так, нам известно, что леворукость осуждалась у гренадеров XVI–XVII вв., у этой солдатской элиты, которые были удостоены, перед штурмовым отрядом, коротким залпом смять ряды противника. Непредвиденное препятствие, которым мог стать гренадер-левша своему праворукому товарищу, могло стать смертельным для обоих, см.: Ж. Бледе, «Левши» (G. Blœdé, «Les gauchiers», p. 62). Закоснелый левша, оказавшийся в полку правой, всегда становился причиной бесчисленного числа неприятностей. Об этом свидетельствует художник Джорж Кларен, описывая, как он служил на войне 1870 г. вместе со своим приятелем Реньо. «Мы никогда не держали в руках ружье, нам не давался маневр «табакерка». В общем, мы оба были левшами. Наша неуклюжесть была смешной, комичной и весьма нас смущала» (А. Бонье, «Воспоминания художника [Жоржа Клэрена]» (A. Beaunier, «Souvenirs d'un peintre [Georges Clairin]», p. 149).

⁷⁰ Л. Христианс, П.-Р. Бизе и П. Морен, «Левши на работе» (L. Christiaens, P.-R. Bizé à P. Maurin, «Les gauchers au travail», p. 86–91 и далее).

⁷¹ Термин «*équimane*», более правильный чем амбидекстр, был предложен вышеупомянутыми авторами. Однако успеха он не имел.

⁷² Д. Уилсон, «Правая рука: Леворукость» (D. Wilson, «The Right hand: left-handedness», p. 147).

⁷³ Эдвард Сильвестр Морзе (1838–1925) – известный американский биолог, специалист по японской цивилизации. В 1876 г. был избран членом Академии наук, а через десять лет стал президентом Американской ассоциации за продвижение науки.

⁷⁴ Как пишет Д. Уилсон, «Правая рука: Леворукость» (D. Wilson, «The Right hand: left-handedness», p.142), Морзе сам говорил о том, что одинаково владеет обеими руками: «Мои учителя пытались отучить меня пользоваться левой рукой, но безуспешно. Единственное, чего они добились – я стал пользоваться и правой рукой. На малом расстоянии, я управляюсь правой рукой столь же ловко, что и левой. Напротив, если нужно бросить предмет на большое расстояние, я всегда пользуюсь левой рукой. Мне так удобнее. Только два действия недоступны моей правой руке – воткнуть гвоздь и порезаться ножом»

(Ibid, p. 143). Свидетельства подобного рода достаточно многочисленны, см.: Р.А. Литгоу, «Леворукость» (R.A. Lithgow, «Left-handedness», p. 660); О.-М. Ланнелонг «Леворукость и праворукость» (O.-M. Lan-nelongue, «Gaucherie et droiterie», p. 504); Ф. Тилни в «Архивах неврологии и психиатрии» (F. Tilney в «Archives of neurology and psychiatry», p. 897–898).

⁷⁵ Адольф Менцель (1815–1905) – прусский художник, прославившийся своими картинами патриотического содержания.

⁷⁶ См.: П. Ройтерсвэрд, «Леворукость в работах мастеров» (P. Reuterswärd, «Left-handedness in master drawings», Nationalmuseum bulletin, v. 17, № 2, 1993, p. 1–10 (p. 7).

⁷⁷ Согласно свидетельствам близких друзей А. Бальера (H. Ballière), «Henri Regnault», p. 3) и А. Казалиса (H. Cazalis, «Henri Régnault, sa vie et son œuvre», Paris, A. Lemerre, 1872, p. 16).

⁷⁸ Дж. Вазари, «Жизнеописания», «Жизнь Бартоломео де Баньякавальо и других романолюкских художников», v. 6, p. 201.

⁷⁹ Согласно свидетельству Ж.Б. Арменини, «Об истинных правилах искусства» (G.B. Armenini, «De' veri precetti della pittura», 1587, изд. М. Гоггері, Turin, G. Einaudi, 1988, p. 134).

⁸⁰ См.: Б. Сиуда Маннинг и У. Сиуда, «Лука Камбиазо. Жизнь и творчество» (B. Siuda Manning à W. Siuda, «Luca Cambiaso. La vita e l'opere», Milan, 1958, p. 190 и рис. p. 200).

⁸¹ П.-Ж. Мариетте, «Азбука» (P.-J. Mariette, «Abecedario», v. 5, p. 206).

⁸² Гранвилль (псевдоним Жана-Игнаса-Исидора Жерара) (1803–1847), французский карикатурист, большой оригинал, предшественник сюрреализма.

⁸³ Ш. Блан, «Грандвилль» (Ch. Blanc, «Grandville», Paris, G. Har-vard, 1855, p. 83). Эдуард Шартон, друг Грандвилля, говорил: «Работал Грандвилль болезненно. Не то, чтобы ему было сложно придумывать интересные сюжеты и рисовать быстро приятные глазу фигуры. Напротив, он наделен был неистощимым вдохновением, удивительным даром фантазии, и с удивительной живостью подчинялся карандаш всем его капризам. Он мог работать как правой, так и левой рукой, и мы видели, как он поочередно рисует то одной, то другой,

придумывая на ходу, и из под карандаша его рождаются бесчисленное множество героев и комичных сцен, к вящему развлечению друзей его и близких» («Грандвиль», «Журнал о живописи» («Grandville», «Magasin pittoresque», 23, 1855, p. 356).

⁸⁴ Фердинанд Сервиан, «Папети и его переписка, его работы и нравы его эпохи» (Ferdinand Servian, «Papety d'après son correspondance, ses œuvres et les mœurs de son temps», Marseille, P. Ruat, 1912, p. 27).

⁸⁵ Фредерик Джорж Стивенс, «Воспоминания сэра Эдвина Ландсиэра» (Frederick Georges Stephens, «Memories of Sir Edwin Landseer», Londres, G. Bell. 1874, p. 74). Однако похоже, что Ландсиэр все-таки был художником-правшой. Все его рисунки, которые нам довелось видеть, имеют правостороннюю штриховку. Сохранилась и фотография, на которой он запечатлен рисующим правой рукой (приводится у Ричарда Ормонда, «Сэр Эдвин Ландсиэр», каталог выставки, Музей Искусств, Филадельфия, 25 октября 1981 – 3 января 1982; галерея Тэйт, Лондон, 10 февраля – 12 апреля 1982, с. 1).

⁸⁶ Т. Карлейль, «Дневник», изд. Дж.А. Фруд, «Карлейль: его жизнь в Лондоне, 1834–1881» (J.A. Froude, «Carlyle: a history of his life in London, 1834–1881», v. II, London, Longmans, Green, 1884, p. 407). Однако именно этот случай приведет Карлейля к размышлениям подобного рода: «Любопытно превосходство правой руки среди всех людей; наверное, сие есть одна из древнейших общественных организаций человеческой жизни и самая необходимая для взаимодействия между личностями. Кто видел трех косарей, один из которых левша, работающих вместе и не был свидетелем природной неэффективности, которая омрачает любой вид деятельности человека, если он лишен возможности гармонично сочетать правую и левую руку. Часто я задумывался над этим, но никогда картина не была мне столь ясна, как сейчас, когда, несчастный и бессонный, блуждаю я солнечным и ветреным утром. Древнейшая общественная организация? Что я говорю! Она столь же стара, как и сам мир. Я задаюсь вопросом, существовал ли вообще когда-нибудь народ столь варварский, что не различал своих рук; или человечество всегда знало это различие. Для древних евреев, писавших справа налево, это было столь же очевид-

но, что и для нас сейчас. Однако же почему правая рука была избрана, вот в чем вопрос, на который нет ответа...» (Ibid, p. 407–408).

⁸⁷ Тит Ливий, «История Рима», II:12–13, Сенека, «Письма к Луцилию», Плутарх, «Жизнеописания», v. II.

⁸⁸ Плутарх, «Жизнеописания».

⁸⁹ Плиний Старший, «Естественная история», VII:104–106.

⁹⁰ Педро Мексия, «Разнообразные учения Петра Мессии, доброго человека из Севильи, содержащие чтение различных историй и другие знаменательные вещи» (Pedro Mexià, «Les Diverses leçons de Pierre Messie gentil homme de Séville, contenant la lecture de variables histoires, à autres choses mémorables», Paris, Lougis, 1552, f6224vò).

⁹¹ Гете, «Гетц фон Берлихинген», 1772.

⁹² А.-Ж. Дезалье д'Аржанвилль, «Краткие биографии самых известных художников», (A.-J. Dezallier d'Argenville, «Abrégé de la vie des plus fameux peintres», Paris, 1745–1752, éd. De Bure, Paris, 1762, v. IV, p. 209–210). Автор в определенной степени копирует рукописный текст неизвестного автора (опубликованный в сб.: Л. Дюсье и др., «Неизданные воспоминания о жизни и работах членов Королевской академии изобразительного искусства и скульптуры» (L. Dussieux à al., «Mémoires inédits sur la vie et les ouvrages des membres de l'Académie royale de peinture et de sculpture», Paris, J. Dumoulin, 1854, v. II, p. 23–32). См. также: Д.-П.-Ж. Папильон де ла Ферте, «Отрывки из разных работ о жизни художников» (D.-P.-J. Papillon de La Ferté, «Extraits des différents ouvrages publiés sur la vie des peintres», Paris, Ruault, 1776, v. II, p. 527).

⁹³ А.-Ж. Дезалье д'Аржанвилль, «Краткие биографии» (A.-J. Dezallier d'Argenville, «Abrégé»), см. ранее: v. IV, p. 210.

⁹⁴ Ibid, p. 211.

⁹⁵ Д.-П.-Ж. Папийон де ла Ферте, «Отрывки из разных работ» (D.-P.-J. Papillon de La Ferté, «Extraits des différents ouvrages», v. II, p. 527).

⁹⁶ Эта подпись была обнаружена на потолке руанского Парламента.

⁹⁷ А.-Ж. Дезалье д'Аржанвилль, «Краткие биографии» (A.-J. Dezallier d'Argenville, «Abrégé»), см. ранее: v. IV, p. 210.

⁹⁸ Ibid, p. 212.

⁹⁹ Дюбуа де Сэн-Желэ (?), «Воспоминание во славу Истории изобразительного искусства. Удивительная жизнь г-на Жовене» (Dubois de Saint-Gelais (?), «Mémoire pour servir l'Histoire de la Peinture. Vie de feu M. Jouvenet», *Mercure galant*, июль 1730, р. 1484–1494 (р. 1491–1492).

¹⁰⁰ «Энциклопедия», статья «Изобразительное искусство», v. XII, 1765. В XIX в. история Жовене все еще продолжает изумлять читателей популярных газет. Так, в одной из них говорится, что картина «Встреча Марии и Елизаветы» обязана своей репутацией именно тому факту, что художник нарисовал ее левой рукой (Газета молодых читателей (*Journal des jeunes personnes*), VII, 1840, р. 119–129).

¹⁰¹ А. Дюшен, «Об учениках амбидекстрах» (A. Duchesne, «Sur les élèves ambidextres», р. 6).

¹⁰² Ibid, р. 7. «Я получал от него множество писем, — продолжает автор. — Как приятно видеть их в зеркале! Я тщательнейшим образом их храню. Однажды в галерее Версаля случилось мне показать их господину маркизу де Мариньи. Он пробежал глазами несколько строк без видимых усилий и сказал: «Это написано левой рукой, и хорошо написано». «И хорошо прочитано», — ответил я. Тогда он рассказал мне, что в коллеже тренировался читать подобным образом перевернутое письмо».

¹⁰³ Ibid, р. 8. Автор утверждает, что «г-н Ресто, проведя несколько дней у меня в Версале, составил и переписал начисто свое «Краткое изложение грамматики французского языка».

¹⁰⁴ Свидетельство Пьера Жана Гросли в 1744 г. (цит. по кн.: Ф. Рено «Биологические объяснения праворукости» (F. Regnault, «Les explications biologiques de la droiterie», р. 1365).

¹⁰⁵ Приводится у Д. Шумачера, «Повседневный словарь левшей и иже с ними» (D. Choumatcher, «Dictionnaire à l'usage des gauchers et de leurs amis»), 1981, статья «Нельсон».

¹⁰⁶ См.: Ч. Рид, «Человек будущего» (Ch. Reade, «The coming man», р. 174); Дж. Джэксон, «Амбидекстрия» (J. Jackson, «Ambidexterity», р. 119), где приводятся образцы писем Нельсона до и после ампутации правой руки.

¹⁰⁷ Ж.-Б. Сальг, «Ошибки и предубеждения» (J.-B. Salgues, «Des erreurs et des préjugés»), цит. работа, р. 105.

¹⁰⁸ См.: Луис Шнайдер и Марсель Марешаль, «Шуман, его жизнь и его работы» (Louis Schneider à Marcel Mareschal, «Schumann, sa vie et ses œuvres», Paris, 1905, p. 79–73). Стоит отметить, что подобная же беда, однако по болезни, случилась и с Генделем (1685–1759)

¹⁰⁹ Приводится в книге Ж. Адама «Левши в судебной медицине», цит. произв. (J. Adam, «Les Gauchers en médecine légale», p. 46). На самом деле для того чтобы держать смычок в правой руке, нужна только гибкость в запястье и руке.

¹¹⁰ Ж. де Мартольд, «Даниэль Виерж, его жизнь, его работа» (J. De Marthold, «Daniel Vierge, sa vie, son oeuvre», Paris, Floury, 1906, p. 101).

¹¹¹ Подобная же история приключилась и с американским художником Джозефом Пеннелем (1857–1926), которому пришлось стать левшой из-за сломанной в молодости руки (см.: Е.Р. Пеннел, «Жизнь и письма Джозефа Пеннела» (E.R. Pennel, «The Life and letters of Joseph Pennel», v. I, p. 11).

¹¹² Рисунок воспроизведен на с. 153 в кн.: Кл. Лерой, «Рукой Сандрара» (Cl. Leroy, «La Main de Cendrars», Villeneuve-d'Ascq, Presses univ. Du Septentrion, 1996).

¹¹³ Об этом аспекте творчества Сандрара, см. замечательную работу Кл. Лерой, в особенности p. 113–151.

¹¹⁴ По крайней мере так считал Камиль Сен-Санс, как описано у Ф. Реньо «О праворукости с точки зрения социологии» (F. Regnault, «De la droiterie considérée au point de vue sociologique», La Presse médicale, № 54, 8 juillet 1931, p. 1035–1036 [p. 1035]), Сен-Санс утверждал, что повторяет композиторов-левшей в их манере исполнения, чтобы облегчить работу правой руки при игре на фортепиано. Мы не знаем, был ли кто-нибудь из великих музыкантов прошлого левшой. Иногда называют Карла Филиппа Эммануила Баха (1714–1788), Людвиг ван Бетховена (1770–1827), Никколо Паганини (1782–1840), Фредерика Шопена (1810–1849), Мориса Равеля (1875–1937), Сергея Рахманинова (1873–1943), однако никаких доказательств этому не существует. Например, легенда о том, что Равель был левшой, восходит к его «Концерту для левой руки».

¹¹⁵ См.: Алэн Парис, «Словарь исполнителей и музыкальных терминов» (Alain Paris, «Dictionnaire des interprètes et de l'interprétation musicale», Paris, R. Laffont, 1989, v. II, p. 888).

¹¹⁶ Ретроспектива Жана Карлу, Париж, Музей афиш, 26 ноября 1980—29 марта 1981 (без номеров страниц).

¹¹⁷ Адольф Мурон Кассандр (1901—1968), один из известнейших театральных дизайнеров и графиков своего времени

¹¹⁸ Поль Коленб (1892—1985), известный график.

¹¹⁹ Шарль Лупо (1892—1962), известный художник-плакатист.

¹²⁰ А. Винсено, «Левая рука достойна правой» (H. Vincenot, «La gauche vaut la droite», *La Vie du rail*, 7 janv. 1952, p. 13—14 (p. 13)).

¹²¹ Так, история Алберта Шарле осталась бы неузнанной, если бы в 1918 г. он не написал книгу под названием «Как писать левой рукой» («Pour écrire de la main gauche»), предназначенную военным, вернувшимся калеками с войны. В предисловии говорится о том, что сам он потерял правую руку в четырнадцать лет, однако, «твердо решивший не сдаваться перед лицом неудачи», он справился со своим несчастьем. «Я видел, как он учится в обычной — утверждает рецензент книги, который был там учителем, — и он не хуже своих товарищей справлялся со всеми заданиями, и даже был лучшим по рисованию», П.А. Гэ в кн.: А. Шарле, «Как писать левой рукой» (A. Charleux, «Pour écrire de la main gauche», p. 3—4).

¹²² Мы не можем отказать себе в удовольствии привести отрывок из современного текста о художнике Кареле Аппеле, который, будучи правой, рисовал и левой рукой. За ним видна ясная грань между прошлым, полным суеверий и запретов, и нашим временем, «современным миром», который убеждает в том, что истинная сущность вещей связана с отказом от ценностей прошлого: «Аппель рисует исключительно левой рукой... Вот именно, для Аппеля-колориста цвет — это результат действий дурной, проклятой руки. Отдавать предпочтение левой руке, даже если являешься правой и даже в нашем мире, который ориентирован на правшей, — является выбором фундаментальным, если не сказать онтологическим. Следы его проявляются во всех работах Аппеля. Предпочитать левую руку значит и отвергать общую манихейскую теорию, согласно которой позитивные ценности сознательно и добровольно предназначаются правой руке, а левая, согласно полярной символике, усиленной веками предубеждений, становится носительницей всего негативного. Соответственно даже в том случае, когда человек, как Аппель, направля-

ет свои силы на действие и результат, то довериться левой руке значит принять, согласиться с ее отрицательностью. Не для того, чтобы ускорить разложение искусства (самое распространенное мнение среди правшей), но для того, чтобы вызвать силы оживления, которые она несет с собой» (Жан-Кларанс Ламбер, «Аппель. Путь левой руки» (Jean-Clarence Lambert, «Appel. La voie de la main gauche», Colóquio, Artes, № 36, mars 1978, p. 16–23 [p. 17–18]).)

¹²³ Некоторые авторы уже рассматривали этот вопрос, хотя и весьма по-разному. В хронологическом порядке: Х. Мач, «Левши эпохи Ренессанса» (H. Marsch, «Linkshänder der Renaissance»), Maltechnik. Technische mitteilungen für malerei und bildpflege, 67–68, 1961–1962, p. 6–16); Рихард Юнг, «Об искусстве левшей от Леонардо до Клее: отличительные черты рисунка левшей как критерий определения авторства» (Richard Yung, «Über zeichnungen linkshändiger künstler von Leonardo bis Klee: linkshändermerkmale als zuschreibungskriterien», Semper attentus. Beiträge für Heinz Gotze Springer, Berlin, Heidelberg, 1977, p. 190–218); А. Монган, «О рисунке серебряным карандашом и левшах» (A. Mangan, «On silverpoint drawings and the subject of left-handedness», in Drawings defined, New York, 1987, p. 151–164); П. Ройтерсверд, «Леворукость в произведениях мастеров», цит. статья (P. Reuterswärd, «Left-handedness in master drawings»); J.E. von Borries, «Een hoog-duytse linkerhand». Johann Heinrich Schönfeld als linkshändiger zeichner», in B. Hamacher à C. Karnehm ed., Pinxit/sculpsit/fecit. Kunsthistorische studien, 1994, pp. 122–129; Ф. Лантони, «Художники левши» (Ph. Lanthony, «Les peintres gauchers», Revue neurologique, CLI, 3, 1995, p. 165–170).

¹²⁴ Другими словами, переписка артиста, его воспоминания, речи в его честь (академические или надгробные), биографии, написанные друзьями или близкими, газеты той эпохи, анекдоты о нем, самые разнообразные свидетельства. Стоит указать, что использование всех этих документов не всегда приводит к нужным результатам. Как бы предвзято не относились к леворукости, она всегда остается лишь второстепенной характеристикой художника, и многие не упоминают о ней. Например, хотя в тексте, написанном самим Раффаэлода Монтелупо, неоднократно повторяется, что он был левшой (и его

рисунки свидетельствуют о том же), его современник Вазари не упоминает об этом в той биографической заметке, которую он посвящает художнику. Также может возникнуть и другая трудность — в письменных свидетельствах художник описывается левшой, однако другие данные этому противоречат (рисунки явно сделаны правой, например). В этом случае достоверность свидетельства определяется серьезностью его автора (см. случай Поля Делароша).

¹²⁵ Примеры портретов художников левшей: 1. Портрет Бернардино Кампи, написан Софонисбой Ангиссолой (1528—1625), масло, холст, 111×109 см, Сиенна, Национальная Пинакотекка. 2. Портрет Николя Миньяра, написан Полем Миньяром (1638—1691), масло, холст, 155×123 см, Лион, Музей искусства. 3. Портрет Шарля Николя Кошена, написан Александром Росленом (1718—1793), Версаль, замок. 4. Портрет Жана Ресту, написан Жаном-Бернардом Ресту (1732—1797), масло, холст, 70×54 см, Версаль, замок. Примеры фотографий художников левшей: 5. Портрет Амедея де ла Пательера перед своим мольбертом, неизв., приводится в: Жан Алазар, «Амедей де ла Пательер» (Jean Alazard, «Amédée de la Patellière», Lausanne, 1953). 6. Портрет Адольфа Менцеля за рисунком, Дж. Хильсдорф, 1904 (приведено в каталоге экспозиции «Адольф Менцель 1815—1905. Между романтизмом и импрессионизмом», музей д'Орсэ, Париж, Национальная галерея, Вашингтон, Национальная галерея, Берлин). Не стоит делать поспешные выводы. Первые дагерротипы, например, зеркально отражали изображение. Даже в наши дни иллюстрации к книгам иногда печатаются обратной стороной. Сопоставления по мере возможностей с другими материалами помогут избежать ошибок.

¹²⁶ Джованни Морелли, «Об итальянской живописи» (Giovanni Morelli, «Della pittura italiana», Milan, 1897, p. 176); Бернхард Беренсон, «Работы флорентийских художников» (Bernhard Berenson, «The Drawings of florentine painters», Londres, 1903, t. 1, p. 149—150).

¹²⁷ Следует отметить, что если вы хотите получить обратную штриховку, то вам нужно лишь согнуть запястье, чтобы изменить угол соприкосновения между карандашом и бумагой, или, что еще проще, развернуть лист бумаги на 90° в ту или другую сторону. П. Ройтерсвэрд в книге «Леворукость в работах мастеров» (P. Reuterswärd, «Left-han-

dedness in master drawings») цитирует учебник рисования XIX в., в котором объясняется, как штриховать во всех направлениях.

¹²⁸ См.: Б. Беренсон, «Работы флорентийских художников» (B. Berenson, «The Drawings of florentine painters», p. 254–263); каталог «Рисунки Тосканы. Эпоха Микеланджело» («Zeichnungen aus der Toskana, Das zeitalter Michelangelos», Saarland Museum Saarbrücken, 28 sept. – 23 nov. 1997, Мьнич, Prestel-Verlag, 1997, № 75, p. 220); каталог «Микеланджело и его влияние. Рисунки Виндзорского замка» («Michelangelo and his influence. Drawings from Windsor Castle», Washington, G, 27 oct. 1996 – 5 janv., 1997, p. 43, 96); каталог «Рисунки итальянских художников из музея Конде в Шантиньи» («Dessins italiens du musée Condé à Chantilly», 4 oct. 1995 – 8 janv. 1996, p. 150).

¹²⁹ Американский художник.

¹³⁰ Рисунки Пеннела, сохранившиеся в большом количестве, – одни из самых ярких образцов творчества левшей. При анализе двухсот шестидесяти восьми рисунков, которые он передал музею Лувра в 1908 г., мы не обнаружили ни одной черты, характерной для рисунков, нарисованных правшами. Штриховка, покрывающая подчас всю поверхность рисунка, представляет собой либо очень тесное вертикальное плетение линий, либо более слабое, слева направо.

¹³¹ У Леонардо это проявляется столь четко, что не может случиться доказательством подлинности. Еще при жизни великого художника фальсификаторы и имитаторы научились подделывать его штриховку и, даже будучи правшами, обычно сохраняли наклон, чтобы сойти за левшей, см.: Б. Беренсон, «Работы флорентийских художников» (B. Berenson, «The Drawings of florentine painters», p. 149); Мишель Йаффе, «Девонширская коллекция рисунков итальянских художников. Венецианская и северная итальянские школы» (Michael Jaffé, «The Devonshire collection of italian paintings. Venetian and northern italian schools», Londres, Phaidon, 1994, № 892).

¹³² Анализ графических работ Альбрехта Дюрера, Ханса Леонарда Шлауффеляйна, Эрхарда Шена, Ханса Балдунга Грина, Альбрехта Альтдорфера, Йорга Бре, Виргилия Солиса, Августина Хиршвогеля, Никлауса Мануэля Дойча и т.д. выявил, что они часто использовали штриховку из верхнего левого в нижний правый угол.

¹³³ Деталь, которая по ошибке позволила А. Монгану («По... вопросу о леворукости») приписать Болдунга к левшам.

¹³⁴ По тому же механическому принципу быстро прорисованные вертикальные черты значительно отличаются, в зависимости от того, нарисованы они правой или левой рукой.

¹³⁵ Многие немецкие рисунки XVI в. характеризуются этой двойственностью — наклон, как у нарисованных левшой, изгиб, как у нарисованных правшой. Такой художник, как Августин Хиршфогель, например, пользовался исключительно такой штриховкой (см. Джейн С. Петерс «Ранние рисунки Августина Хиршфогеля» (Jane S. Peters, «Early drawings by Augustin Hirschvogel», *Master drawings*, XVII, 4, 1979, p. 359—392). Эта удивительная особенность немецких художников эпохи Ренессанса может объясняться и тем, что в большинстве своем они прежде всего были граверами, т.е. им было привычно вертеть пластинку для лучшего нанесения гравировки. Случай с Дюрером более сложен для диагностирования, так как он использовал все виды штрихов. На некоторых рисунках и наклон и изгиб свидетельствуют о нанесении их левой рукой, на других — правой. Эта двойность заставляет нас думать, что Дюрер был амбидекстром. Общепринятая же легенда, которая кочует из книги в книгу без всяких объяснений, говорит о том, что мастер из Нюрнберга был левшой.

¹³⁶ Набросок, т.е. рисунок, который делается на полотне до нанесения красок (иногда его неверно называют предварительным эскизом или *imprimatura*), априори должен бы был подвергаться тому же анализу, что и само произведение. Современные техники (инфракрасная обработка рефлектография) позволяют изначальному наброску проявиться. В течение последних десятилетий было предпринято множество важных для истории искусства и успешных действий в этой области. Тем не менее нужно соблюдать большую осторожность при вынесении суждения, зная, как работали в мастерских в прошлом. В современном мире принято считать, что все полотно до мельчайшего штриха есть творение единственного автора. Вплоть до второй половины XIX в., за исключением нескольких отдельно взятых случаев, фактически все полотна являются результатом совместной работы группы художников. Владелец мастерской поручал своим

помощникам задания, более или менее важные в зависимости от навыков и талантов каждого. Нам известно, что именно первоначальный набросок, который все равно потом будет закрашен, мастер чаще всего поручал ученику или подмастерью. В этом случае художник отдельно разрабатывал композицию, а ученик должен был перенести ее на полотно. Анализ показал, что над начальным наброском могли работать несколько рук. Потому авторство можно определить достаточно приблизительно и сложно делать выводы о том, был ли автор картины левшой или нет. Случай с Иеронимусом Босхом, который будет рассматриваться далее, является великолепным тому примером: изначальный рисунок на полотне обычно сделан левшой, однако ни один из рисунков на бумаге не был ему подобен.

¹³⁷ В определенной фазе художественного процесса художник-левша мог проявлять тенденцию, более или менее явную направлять кисть так, чтобы штрихи ложились в определенную сторону (иногда это можно увидеть и невооруженным глазом). Так, согласно П. Ройтерсвэрду (P. Reuterswärd, «Left-handedness in master drawings», p. 10), целый ряд полотен, приписываемых голландцу Фабрицию Карелю (XVII в.) и его окружению, характеризуется обилием коротких мазков с «левым» уклоном. Однако автор предполагает, что это результат применения муштабеля (mahlstick), палочки, на которую художник, вплоть до XIX в., опирал руку, держащую кисть (см. далее). Согласно ему, подобное положение полностью искажало направление мазков. Этим же аргументом он опровергал теорию того, что Босх был левшой. Стоит отметить, что если использование муштабеля, ограничивающего движения правой руки так, что она двигалась подобно левой, то следует признать тем самым, что штрихи, наносимые правой рукой, являются работой левой руки. Тогда можно было бы говорить о значительном количестве художников-левшей.

¹³⁸ При изучении гравюр возникает множество сложных вопросов. Учитывая, что техника этого искусства подразумевает, что результат будет являться зеркальным отражением задуманной автором композиции, казалось бы, достаточно найти «правосторонние» штрихи, чтобы найти автора-левшу. К несчастью, все гораздо сложнее. Прежде всего предпочтение той или иной руке фактически не сказывается

ся на итоговой гравюре по дереву или гравюре резцом, ограничительным техникам, но и очень тщательным, где спонтанность жеста сведена к минимуму. Так что изучать можно только эстампы, чья техника достаточно свободна и близка к рисунку. Таким образом, большинство художников, изначально зная, что их композиция будет зеркально перевернута при печати, специально наносит на металлическую пластину не изначальный рисунок, но его кальку (или его зеркальное отражение). Более того, во времена популярности эстампов (XVII и XVIII вв.) производство гравюр осуществлялось не только в несколько этапов, но и несколькими людьми. Зачастую под гравюрой стояло две подписи — того, кто ее нарисовал (*delineavit*), и того, кто ее сделал (*fecit* или *sculpsit*). Иногда к ним прибавляли и третью подпись — художника, работы которого вдохновили на создание гравюры (*invenit*). Кто же в таком случае будет левшой? Чья леворукость нашла свое отражение в произведении? Как видно, большое количество участников в процессе творчества делает гравюру весьма спорным способом для выявления левшей. В таком случае может быть лучше вообще не учитывать гравюры, за исключением, возможно, тех случаев, когда нужно лишь найти дополнительное подтверждение уже известному факту. Все несколько проще с литографией, которая является репродукцией за счет печати с камня. На практике художник сам создает от первого до последнего штриха свое произведение: сам рисует на камне, и его движения столь же свободны, а вдохновение столь же спонтанно, сколь и в рисунке. Таким образом, литографии с явно выраженными признаками рисунка «правши» будут, скорее всего, творением рук левши.

¹³⁹ Вплоть до изобретения фотографии в середине XIX в. зеркало являлось необходимым инструментом для рисования автопортрета. Как всем известно, зеркало обладает странной особенностью отражать предмет, меняя местами его стороны. Так, левая рука становится правой и наоборот. Таким же образом, художник-правша становится в зеркале левшой. Эти псевдолевши, или левши а *specchio*, зеркальные левши, не редкость в истории искусства: назовем, к примеру, автопортреты Пуссена (Берлин), Давида (Флоренция), Сезанна (Цюрих) или Модильяни (Сан-Паоло). Не изменяя зеркальную

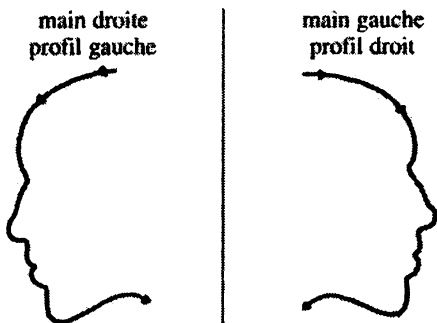
инверсию, художник проявляет свободу внутреннего восприятия. Автопортрет в виде левши должен не столько идеализировать социальный образ художника, сколько выдвинуть на первый план образ человека, который смотрит на себя и оценивает. Автопортрет в виде левши — это автопортрет без прикрас, без социальных условностей, без бахвальства. Это такой автопортрет, в котором отброшены условности, ради анализа души. Именно поэтому настоящие левши изображали себя правшами. Так, Ханс Хольбейн, доказанный левша, на многих полотнах изображает себя с кистью в правой руке. Тем не менее, именно основываясь на этом, некоторые исследователи, противореча сложившемуся мнению, доказывали, что Хольбейн не был левшой (см.: Дж. Крайтон-Браун, «Праворукость и наклон влево» (J. Crichton-Browne, «Dexterity and the bent sinister», p. 638). Если автопортрет а *specchio* не может быть достоверным критерием для того, чтобы определить, какой рукой рисовал художник, то таким критерием может выступить автопортрет *in assistenza* и скрытый автопортрет. В автопортрете *in assistenza* не изображает только себя, но целую сцену, в которой он принимает участие, как художник (см.: «Мастерская» Вермеера, «Менины» Веласкеса, «Портрет фратрии» Ле Нэна, «Семья инфанта дона Луиса де Бордона» Гойи, «Мастерская» Курбе, и это только самые известные). Соответственно, он рисует себя не таким, как видит в зеркале, даже если он его и использует при работе, но таким, какой он в жизни, т.е. левшой, если он левша. Так, около 1580 г. Лука Камбиазо нарисовал свой автопортрет, где он левша (масло, холст, 86,5×71, Флоренция). Как вполне справедливо заметил Даниэль Арас («Деталь. О сопоставительной истории искусства» (Daniel Arasse, «Le Détail. Pour une histoire rapprochée de la peinture», Paris, Flammarion, 1992, p. 221–222), нужно отдавать себе отчет, что эта работа «не автопортрет художника, который рисует себя, но автопортрет художника, который рисует своего отца»; его взгляд не обращен в себя, но на мир. Это взгляд на себя такого, как он виден миру. Камбиазо в определенной степени был левшой, это подтверждает анализ исторических источников и его рисунков (все восхищались тем, что он амбидекстр). Удивительно, но Арас не знает об этом факте из биографии Камбиазо и его анализ автопортрета из

Флоренции, основанный на том, что художник на нем держит кисть в левой руке, терпит неудачу. Скрытый автопортрет – портрет, вписанный в картину, либо в качестве второстепенного персонажа, либо в виде отражения. В этом случае снова сохраняется природная латеральность. Так, как нами было недавно установлено (П.-М. Бертран, «Портрет Ван Эйка» (P.-M. Bertrand, «Le portrait de Van Eyck», Paris, Neumann, 1997, p. 25–33), фламандец Ян ван Эйк (прибл. 1400–1441) дважды дает понять, что он был левшой. На переднем плане «Мадонна канцлера Ролена» (Лувр) фигура, которую обычно ассоциируют с ним, держит жезл в левой руке. В «Мадонне каноника ван дер Пале» (Брюгге) в сверкающем щите святого Георгия, словно в зеркале, отражается художник, поднимающий правую руку так, словно он держит в ней кисть (правая рука в отражении – левая рука на самом деле). Отметим все же немаловажную деталь, что эта игра с изображением рук ван Эйка противоречит тем немногим рисункам, которые ему приписываются, и изначальным наброскам на полотнах, которые свидетельствуют о том, что их рисовал правша. Этот парадокс позволил нам отнести художника к возможным амбидекстрам.

¹⁴⁰ Зеркальное письмо является той формой письма, которую мы уже описывали в этой книге и которая заключается в начертании букв зеркально их обычному написанию, словно их увидели в зеркале. Подобное написание естественно для левой руки. Зеркальное письмо в какой-то степени является левосторонней симметрией обычному написанию. Леонардо да Винчи, настоящий левша, писал так постоянно. Джокондо да Верона (1434–1525) прибегал к такому письму изредка, Ханс Хольбейн, по крайней мере, один раз расписался так на витраже, Ханс Зауг Бальтазар (1890–1965) прибегал к такому письму, чтобы подписывать рисунки, нарисованные одновременно обеими руками (см.: «Бальтазар. Рисунки из кабинета эстампов в Страсбурге», каталог Экспозиции, Шато де Роан, № 59).

¹⁴¹ Статистические исследования (Б. Йенсен, «Левая ориентация в профильном рисовании» (B. Jensen, «Left orientation in profile drawing», American journal of psychology, 601, 1952, p. 84–88; Рене Заззо, «Графический жест и структуризация пространства»), показали, что около 80% портретов, как в западном, так и в восточном ис-

кусстве, представляют изображение левого профиля (другими словами, человек смотрит влево и показывает нам левую щеку). Это происходит из-за того, что для правой руки естественно рисовать круг справа налево. Левая же рука тот же круг рисует в обратную сторону, по ходу часовой стрелки. В живописи этот феномен находит отражение следующим образом:

Правая рука. Левый профиль

Левая рука. Правый профиль

Таким образом, преобладание левых профилей отражает преобладание художников-правшей. Тем не менее мы согласны с психологом Рене Заззо, что это объяснение неполно. Если, с одной стороны, этот феномен объясняется чисто физиологическими причинами (вращательным движением запястья), то, с другой стороны, необходимо учитывать и визуальные требования, так как опыт показывает, что и правши, и левши чаще видят левосторонние профили в чернильных пятнах (речь идет о тестах, подобных тесту Роршаха). Наконец, в какой-то степени речь идет и об эстетическом факторе. Вплоть до 1870-х гг., т.е. до тех пор, пока механическая гравировка не получила распространение (фотогравюра, симилигравюра, гелиогравюра и т.д.), левый профиль на гравюре требовал правого профиля на рисунке художника. Статистика показывает, что на почтовых марках, на которых изображение почти всегда в профиль, левый профиль встре-

чается достаточно часто и до 1870-х гг. В то же время анализ фотографических портретов — искусство, лишенное ручного труда, — показывает те же предпочтения, что и графическое искусство. Отсюда Рене Заззо делает вывод, что если ориентация профилей и связана изначально «с нашими двигательными функциями» (имеется в виду, двигательными функциями правши), однако она «достаточно быстро превратилась в одну из форм проявления нашего восприятия» («Графический жест», р. 112). В 1965 г. Жан Шато пришел к тому же выводу. Этот автор также доказывает, что преобладание левого профиля объясняется не столько графическими особенностями, сколько общими культурными факторами. Свой анализ этого вопроса он завершает следующими словами: «Прежде всего, в этом случае, как и во многих других, в первую очередь следует обратить внимание на более или менее явное социальное влияние. В определенной степени общество обеспечивает преемственность человеческих индивидуумов и за счет этого акцентирует, уточняет, укрепляет то, что изначально было всего лишь неясной склонностью людей, превращая ее в стереотипов действий или мыслей. Как бы мы к этому не относились, но это стадное чувство, которое дало право первородства правшам» (Жан Шато, «Духовные и пространственные отношения в рисунке» (Jean Chateau, «Attitudes intellectuelles et spatiales dans le dessin», Paris, CNRS, 1965, р. 170). Того же мнения придерживается и Клод Симуне, «Право и лево в рисунках детей и взрослых» (Claude Simounet, «La droite et la gauche dans le dessin de l'enfant et de l'adulte», *Enfance*, 1, janv.-avril 1975, р. 46–67), и Р. Дейли и М. Москато, «Развитие функциональной асимметрии и латеральность у детей» (R. Daily à M. Moscato, «Latéralisation et latéralité chez l'enfant», Bruxelles, P. Margada, 1984). Таким образом, вычислить художников-левшей только по направлению рисуемого ими профиля представляется невозможным. Однако этот способ может использоваться для подтверждения уже установленного факта. Анализ тетрадей Леонардо да Винчи, например, показывает, что у него во множестве встречаются правые профили (см.: П. Ройтерсвэрд, «Леворукость в работах мастеров», р. 1). В любом случае «Леонардо да Винчи, самый известный левша, упор-

но отказывалась подчиняться условностям, которым следует большинство» (Давид Розан, «След художника» (David Rosand, «La Trace de l'artiste», Paris, Gallimard, 1993, p. 26).

¹⁴² Эти признаки достаточно распространены и их значение неодинаково. Например, можно верить Карелу ван Мандеру, который пишет, что «Хольбейн держал кисть в левой руке. <...> Однако если он и был левшой, то это нисколько не сказывалось на его творчестве, где он проявил себя сложившимся мастером» («Книга живописи» (1604), с. 117), Ему вторит и Андре Фелибиан: «Он был левшой и не мог творить правой рукой, что объединяет его с Турпилием, древним художником и римским воином, который вызывал восхищение своих современников» («Беседы о жизни и творчестве лучших древних и современных художников» («Entretiens sur les vies et les ouvrages des plus excellents peintres anciens et modernes», 1685–1688, 2e éd., Paris, P. Mariette, 1696–1706, t. 1, p. 578). О том, что Хольбейн был левшой, пишет и Д.-П.-Ж. Папильон де ла Фьерте: «Хотя Хольбейн и рисовал левой рукой, он преуспел в различных стилях, будь то миниатюра, живопись акварелью, темперой или маслом» («Отрывки из разных работ» («Extrait des différents ouvrages», t. II, p. 7). Также, учитывая достоверность записей Пьера-Жана Мариэтта (1694–1774), можно предположить, что и итальянский художник Антонио Трива (1626–1699) «обладал талантом... рисовать левой рукой» («Алфавитный указатель» («Abecedario», t. V, p. 349). Наконец, прозвище Manciola (Левша), которое в Италии дали Винценту Лекербетину (XVII в.), является очень важным непрямым свидетельством, которое не следует подвергать сомнению.

¹⁴³ Не стоит пренебрегать и направлением света. Приведем замечания одного любителя XVIII в.: «Размещение картин в кабинете требует неодинакового освещения для картин, висящих справа и слева от окон. Если окно находится слева от художника, то освещена правая сторона, а левая – затенена; картина лучше всего смотрится, когда дневной свет освещает ее правую, дневную сторону. Если вы поместите ее на противоположной стороне, то тень будет падать на дневную сторону и иллюзия пропадет. Те, кто занимается убранством

салона, жалуются, что почти все картины имеют правую дневную сторону, а картин с левой дневной стороной — нет. В чем же причина? Художнику неудобно помещать модели по правую руку во время работы; ибо в таком случае тень, отбрасываемая самим художником, будет падать и на них. Поэтому ему приходится располагать свои модели за собой, к тому же он сам находится в весьма скованном положении и рискует вывихнуть себе шею, постоянно оборачиваясь, чтобы взглянуть на свою модель. Этих неудобств можно было бы избежать, если бы художник рисовал левой рукой. Тогда свет падал бы справа и на модель, и треножник художника, и освещалась бы работающая левая рука. Модель находилась бы перед художником. Искусство перестало бы страдать от своей однорукости. У нас было бы достаточно картин, которые освещались бы и справа, и слева, и украшать кабинеты было бы проще» (А. Дюшен, «Об учениках амбидекстрах», 1786, р. 14–15).

¹⁴⁴ Документ из архивов, датируемый 1425 г., описывает учеников Хуберта ван Эйка в Генте «детьми» (kinderen).

¹⁴⁵ Мы включаем Чарльза Уолша в эту категорию, хотя, строго говоря, он к ней не принадлежит. Этот художник от рождения был лишен правой руки, или, по крайней мере, его правая рука была атрофирована (трудно сказать, чем он страдал в действительности; фотографии на этот счет столь же щепетильны, сколь и другие свидетельства, см.: «Наш друг Чарльз Уолш» («Notre ami Charles Walch», Saint-Jeoire, 1949, р. 8, 13, 15, 16, 26, 36, 42, 47 и далее).

¹⁴⁶ Антуан Шнаппер, каталог «Работы Николя Миньяра» (Antoine Schnapper, catalogue «Fonds Nicolas Mignard», Paris, Paul Proutém 1978, р. 2).

¹⁴⁷ Аллюзия на Турпилия.

¹⁴⁸ Фелибиан, «Разговоры», v. IV, р. 159–160. Ему вторит А.-Ж. Дезалье д'Аржанвилль, «Краткие биографии самых известных художников», v. IV, р. 67; Д.-П.-Ж. Папильон де ла Ферте, «Отрывки из разных работ о жизни художников», v. II, р. 470; и Шарль Блан, «Истории о художниках всех школ» (Ch. Blanc, «Histoires des peintres de toutes les écoles», Ecole française, t. I, Paris, 1865, р. 4).

¹⁴⁹ В 1934 г. Чарльз Стерлинг ошибочно считал, что речь идет о копии, сделанной Полем с автопортрета Николая. Он писал, что «отношение художника и его взгляд типичны для любого художника, который рисует, видя свое отражение в зеркале. Он держит кисть в левой руке; это еще одно свидетельство того, что это отражение» («Французские художники-реалисты в XVII в.», каталог выставки («Les Peintres de la réalité en France au XVIIe siècle», Paris, Musée de l'Orangerie, 1934, № 87, p. 124–125). Очевидно, Стерлинг не был знаком со свидетельством Фелибиана о том, что Миньяр был левшой.

¹⁵⁰ См.: Антуан Шнаппер «Миньяр в Авиньоне: 1606–1668», каталог выставки («Mignard d'Avignon (1606–1668)», Avignon, Palais des Papes, 25 juin – 15 oct., 1979), p. 124; Пьер Розенберг, «Французский рисунок коллекции прав. XVII–XVIII–XIX вв.», каталог выставки («Dessins français de la collection Prat XVII–XVIII–XIX siècles», Paris, Louvre, 26 avril – 24 juillet, 1995, p. 66); «Барочный рисунок в Лангедоке и Провансе» («Le dessin baroque en Languedoc et Provence», Toulouse, Musée Paul-Dupuy, 1992, № 4–11). Однако следует отметить, что у Миньяра встречаются и рисунки, характерные для правой (например, Лувр, RF 36901, 36908, 36916, 36917, 36924, 36925, 36928, 42615v). Мы придерживаемся точки зрения, что авторство некоторых рисунков следует пересмотреть.

¹⁵¹ Блан был гравером, критиком искусства, автором многих работ по истории искусства (например, «Художники моего времени», 1876), директор администрации искусств в 1848–1850 гг. и в 1870–1873 гг., основатель «Газеты изящных искусств» («Gazette des Beaux-Arts») в 1859 г., член Академии изящных искусств в 1869 г., профессор эстетики в Коллеж де Франс с 1876 г. и т.д.).

¹⁵² Шарль Блан, «Истории о художниках всех школ», статья о Жовене.

¹⁵³ Нахождение неизвестно; приводится в кн.: Стивен Банн, «Поль Деларош: живописная история» (Stephen Bann, «Paul Delaroche: History painted», Londres, 1997).

¹⁵⁴ Косая штриховка слева направо: «Корабль дураков», Лувр; «Блудный сын», Роттердам; «Смерть и скупец», Лувр; «Аллегория разврата и удовольствий», Нью-Хэвен; «Несение креста», Гент, и т.д.

¹⁵⁵ Фриц Люгт, «Музей Лувр. Общий список рисунков северных школ. Старые голландские мастера, родившиеся до 1550» («Musée du Louvre. Inventaire général des dessins des Ecoles du Nord. Maîtres des anciens Pays-Bas, nés avant 1550»), 1968, p. 25–26.

¹⁵⁶ М. Сонкес, «Набросок у фламандских примитивистов» (Micheline Sonkes, «Le dessin sous-jacent chez les Primitifs flamands», Bulletin de l'Institut royal du patrimoine artistique, XII, 1970, p. 195–220).

¹⁵⁷ Патрик Ройтерсвэрд, «Иеронимус Босх» (Patrick Reuterswärd, «Hieronymus Bosch», Stockholm, 1970, p. 163–164).

¹⁵⁸ М. Сонкес, «Набросок», p. 220.

¹⁵⁹ Дж.А. Сибесма, «Иеронимус Босх: анализ его набросков» (J.A. Sybesma, «Hieronymus Bosch: an investigation of his underdrawings», Bryn Mawr College, Ph. D., 1973).

¹⁶⁰ Ibid, p. 90.

¹⁶¹ Можно было бы принять за факт, что набросок, имеющий признаки нарисованного левшой, указывает на леворукость не самого художника, а одного из его помощников. Однако большинство специалистов с этим не согласны, так как, несмотря на разные манеры, видят одного автора на всех этапах работы над картиной (см. в частности: Поль Ванденброк, «Проблемы творчества Иеронимуса Босха: рисунок основы относительно аутентичности и хронологии» (Paul Vandebroek, «Problèmes concernant l'œuvre de Hieronymus Bosch; le dessin sous-jacent en relation avec l'authenticité et la chronologie», «Le Dessin sous-jacent dans la peinture», 4, actes de colloque, Univ. Catholique de Louvain, 1981, éd. R. Van Schoute à D. Hollanders-Favart, Louvain, 1983). Итак, левосторонняя «аномалия» может объясняться, как считает Ройтерсвэрд («Иеронимус Босх», с. 163, и «Леворукость в работах мастеров», с. 10), использованием муштабеля (mahlstick). По мнению автора, из-за этого инструмента, на который художники опирали руку с кистью, чтобы отдохнуть, движения кисти художника были ограничены таким образом, что направление мазка становилось противоположным. Художник правша, таким образом, наносил мазки, характерные для левши, и наоборот. Однако есть причины считать, что Ройтерсвэрд ошибается. Во-первых, нет доказательств того,

что использование муштабеля заставляет превращать левую диагональ в правую. Во-вторых, даже если это было бы и так, эта теория не объясняет, почему в работах Босха встречается как штриховка слева направо (характерная для левши), так и штриховка справа налево с изгибом, характерным для правой руки. И наконец, сложно представить, что рисунок основы всегда наносился только поднятой рукой (муштабель обычно использовался для выписывания мелких и тщательных деталей, чтобы избежать усталости и ненужного дрожания руки).

¹⁶² См.: А. Монган, «О рисунке серебряным карандашом и левшах», с. 160.

¹⁶³ Именно эту теорию разделяет Сибесма («Иеронимус Босх»). Как указывает Роджер Г. Марийниссен, «Иеронимус Босх. Все работы маслом и карандашом» (Roger H. Marijnissen, «Jérôme Bosch. Tout l'œuvre peint et dessiné», Paris, Albin Michel, 1987, p. 453–463), существуют большие сомнения в авторстве графических работ Босха, ни о каком рисунке нельзя сказать с точностью, чьей руке он принадлежит. Так, Брижит Гееринкс, «Иеронимус Босх: пересматривая вопрос об авторстве» (Brigitte Geerinckx, «Les Dessins de Jérôme Bosch. Révision des attributions»), дипломная работа 3-го года обучения, Louvain-la-Neuve, 1982) относит только два рисунка к творчеству Босха, а остальные отбрасывает по внешним критериям.

¹⁶⁴ Легенда о том, что они были левшами, связана с чрезмерным обобщением. Так, если Платона называют левшой, то только потому, что в «Законах» есть пассаж об амбидекстрах (иногда по той же причине левшой называют и Аристотеля). Франклина и Пикассо относят к левшам потому, что первый написал «Петицию левой руки», а второй создал гравюру «Левша» («Пикадор»). Что касается Цезаря, Наполеона, Паскаля, Шопена и Эйнштейна, то мы не смогли определить источника этих слухов. Может быть, то, что Наполеон имел обыкновение закладывать правую руку за край жилета, а Эйнштейн заикался, стало достаточным основанием для их причисления к сонму левшей.

¹⁶⁵ Гениальный человек (*ит.*).

¹⁶⁶ Ломброзо, «О гениальном человеке» (C. Lombroso, «L'Uomo di genio», 1888).

¹⁶⁷ Французский психиатр Б. Морель (1809–1872) полагал, что основной причиной психических расстройств является наследственная отягощенность. Идеи Мореля были развиты во Франции Маньяном (1835–1916), в Италии – Ч. Ломброзо (1836–1909). Эти ученые создали теорию вырождения, дегенерации, психически неполноценность людей, согласно которой все психические расстройства носят наследственный характер и обуславливают неспособность психически больных индивидуумов к выживанию (*примеч. пер.*).

¹⁶⁸ Х. Йотейко, «Психофизиологическая теория праворукости», с. 532.

¹⁶⁹ Ж.-П. Дюбуа, «Хвала левше в одноруком мире» (J.-P. Dubois, «Eloge du gaucher dans un monde manchot», Paris, Laffont, 1986, éd. Poche, p. 123).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Венера Милосская — образец идеальной нормальной красоты — она совершенно определенно правша»¹.

Эти слова принадлежат не юмористу и не сюрреалисту; и сказаны они были не в шутку. Их произнес в 1902 г. некий Этьен Ролле, доктор медицинских наук, прошедший конкурс профессор, хирург больницы Отель-де-Дье, кандидат в президенты Антропологического общества Лиона, и произнес совершенно серьезно. Мы не можем удержаться от искушения и не заметить, что, если бы Венера Милосская могла слышать подобный комплимент, у нее опустились бы обе руки от изумления.

Впрочем, если говорить серьезно, то какой бы нелепичей не звучала эта фраза, она заключает в себе целые века предрассудков и дискриминации. «Идеальный, нормальный, правша» — эти три слова вместе и есть тот неподъемный груз, который левшам пришлось нести на своих плечах всю их историю.

В рамках этой работы мы постарались объединить все наши источники в единое целое, чтобы выделить основные моменты отношения людей к левшам.

— Первенство правой руки — предрассудок, который оставил в нашем самосознании неизгладимый след. Куда ни посмотри — в религии и в миру, в науке и в простонародных суевериях, кого ни спроси — поэтов, писателей,

Венера Милосская. Мрамор, II в. до н.э., Париж, Лувр

моралистов, теологов или художников, — эта аксиома проявляется с удивительным постоянством. Правой руке достаются все почести, все привилегии, ей приписываются все достоинства, левой же руке остается лишь презрение, ей доверяют лишь второстепенные задачи, ее подозревают во всех злодеяниях.

Причина такого неравноправия по большей части кроется в религии. Видимо, именно христианство, увековечив в себе дуализм примитивных религий, сыграло решающую роль в том неприятии, которое выпало на долю левой руки в западном обществе. Библия назвала священной правую руку, все теологи покорно этому подчинились.

О блаженный Иисус! Оставайся всегда со стороны моей правой руки и никогда не покидай меня, ибо знаю я, что тогда никакая беда не случится со мной и никакая тревога не поднимется во мне. И... сколько бы ни осыпали меня оскорблениями и унижениями, я выставляю напоказ все, что несет в себе левая рука, если ты хранишь мою душу и остаешься на защите моей правой руки...²

Конечно, подобная философия во многом повлияла на повседневную жизнь. Мы видели, что множество законов, традиций, ритуалов, верований, табу и, в общем, правил, как жить, говорить и мыслить, вытекает из принципа: правая рука превосходит левую не только в ловкости, но и в благородстве. По большому счету можно даже говорить о том, что для старой системы мышления противостояние правой и левой руки стало своего рода категоремой, т.е. элементарным символическим противостоянием, способствующим организации общества за счет противоположностей, определяя значение и место каждой вещи и каждого человека. Западная цивилизация изначально стала декстрократией и сенестрофобией... заявляя, что Венера Милосская была «правшой, а значит, красотой идеальной и нормальной», Этьен Ролле всего лишь повторял старые общепринятые нормы.

— Именно в рамках этой символической системы, весьма плодотворной с социологической точки зрения, мы хотели рассмотреть историю левшей. Не только их физический облик отличается от человеческой нормы (а всем известно, насколько враждебно могут относиться люди к физическим недостаткам), но и «плохая», левая рука, которую они предпочитают правой, воплощает в себе все зло мира. Именно поэтому левши и вызывали такую неприязнь у остальных людей.

Однако все указывает на то, что эта неприязнь стала проявляться в принудительной форме достаточно поздно в истории человечества. Так, в Средние века, когда люди не отличались особой снисходительностью по отношению ко всему, что не укладывалось в общепринятые стандарты, к левшам относились с достаточной либеральностью. Конечно, у левшей была дурная слава. Однако, учитывая, что они не угрожали установившемуся порядку, они и не подвергались никаким репрессиям.

Только Новая история утверждает использование правой руки в качестве единственного возможного проявления хорошего тона и единственного инструмента письма. С этих пор леворукость становится нарушением общепринятых правил, ярко выраженным неподчинением и отсутствием манер, которое невозможно стерпеть. Те, кто предаются подобной практике, становятся объектом, если можно так выразиться, настоящей «охоты на ведьм».

Однако главное — не заходить слишком далеко. Во-первых, подавление леворукости — само по себе начинание нормативное — в течение долгого времени (по крайней мере до XVIII в.) остается феноменом элитарным, т.е. по большей части затрагивающим избранные слои общества, образованных людей, знакомых с правилами приличий и стремящихся их поддерживать или создавать видимость этого. Сила осуждения прямо пропорциональна уровню образования; простому человеку, в большинстве сво-

ем деревенским жителям, остающимся за бортом прогресса, декстрократия не указ. Во-вторых, участь скрытых левшей не следует рассматривать в том же ракурсе, что и участь тех, кто традиционно изгонялся из человеческого сообщества. Те преследования, с которыми они столкнулись (если само слово «преследования» не будет слишком сильным), не идут ни в какое сравнение с тем, что пришлось пережить людям, которые подвергались гонениям по религиозным, этническим или политическим причинам. К тому же леворукость считалась странностью, нарушением приличий, патологией, распушенностью или недисциплинированностью, но мы не знаем, были ли левши жертвами Инквизиции или нацизма. Тем не менее они удивительным образом выступили катализатором обскурантистских фантазий, фанатичности и лютой ненависти, которые справедливо можно отнести к разновидностям ксенофобии (греческий корень «ксенон» означает «странный, непонятный»). Об этом красноречиво свидетельствует неумолимый приговор, который вынес левшам Франциско Кеведо в 1608 г. и который мы вынесли в подзаголовок этой работы:

Все левши – народ, что все делает шиворот-навыворот. <...> Здесь мы никак понять не можем, люди они или что другое. <...> Да что говорить – народ этот сделан шиворот-навыворот, в толк не возьмешь, люди это или нет...³

За исключением нескольких переходных периодов, с течением времени нелюбовь к «людям шиворот-навыворот» усиливается, как по интенсивности, так и по распространению, в том смысле, что она охватывает все более широкие слои населения. В Европе она достигает своей кульминации в период между 1860 г. и Первой мировой войной. Именно в это время мнения становятся все более радикальными. Левшей воспринимают как «недолюдей», и они вызывают отвращение у праворукого большинства, самодовольно наделяющего себя всеми прерогативами.

Следует признать, что это ослепление разделяют и врачи, демонстрирующие те же проблески «здорового смысла», что и моралисты:

Высшие расы редко вынашивают в своей среде левшей. Напротив, леворукость часто встречается у некоторых низших рас⁴.

Теория леворукости, которую я называю патологической, лучше демонстрирует существующие отношения между этой физической аномалией и расстройствами ментального характера, как то преступность, безумие, эпилепсия и слабоумие, которым она часто сопутствует. <...> В корне того, что люди с опаской относятся к левшам и обращаются с ними, как с вестниками несчастья, следует видеть реальный факт, исследовать и подтвердить который можно только путем длительного наблюдения⁵.

— К счастью, не всегда картина была столь мрачной. При внимательном изучении мы пришли к выводу, что презрение и отторжение левшей было не повсеместным и не постоянным, как представляется.

Левши, которые могли выделиться в той или иной области жизнедеятельности, вызывали особое восхищение, даже в самые черные для них времена. Несколько десятков исторических личностей, в их числе и величайшие гении, были живым свидетельством того, что левша вполне может обладать талантами. Более того, что леворукость в какой-то степени сродни гениальности. Так, художники-левши, способные творить красоту той рукой, которую старые поговорки столь охотно связывали с уродством, во многом содействовали восстановлению репутации своих «товарищей по несчастью». Однако именно сцеволы, «левши поневоле», больше всех послужили делу левшей. Совершая «плохой рукой» то, что ранее они творили рукой «хорошей», они демонстрировали, что презрительное отношение к левой руке не имеет под собой реальных оснований.

Смягчили ли известные левши и сцеволы суровое мнение праворукого большинства о леворуком меньшинстве? Укротили ли ненависть? Не дали ли проявиться неприязни самым жестоким образом? Вполне может быть. В хоре привычных обвинений иногда слышны и более сдержанные суждения. Вторая половина XVIII в. и первая треть XIX в. были особенно благоприятны в этом отношении. Ясные умы эпохи Просвещения выступали против абсурдности праворукого образования и перевоспитания левшей в правшей. Во Франции, например, существовало две противоположные школы: школа руссоистов, которая ратовала за гармоничное сотрудничество обеих рук, и ласальенская, представленная Жаном-Батистом Ла Саллем, который наиболее рьяно протестовал, чтобы левую руку возвели на равный, если можно так выразиться, пьедестал с правой рукой. Этот спор между двумя школами, одно из самых интересных собранных нами свидетельств, закончился победой декстерократов. В 1810 г., как нам уже известно, Жак-Бартельми Сальг, тщательно проанализировавший аргументы обеих сторон, пришел к пессимистичному выводу:

Я не сомневаюсь, что еще долгое время наставники, аббаты и гувернеры будут заставлять своих учеников держать ложку в правой руке⁶.

Необходимо было дождаться конца XIX в., когда, как ни странно, неприязнь к левшам переживала свой пик, чтобы спор о легитимности праворукости вновь был вынесен на повестку дня и печальная судьба скрытых левшей стала вызывать сочувствие. Утопия о равенстве обеих рук, эта удивительная мода, которая распространилась в Европе и Соединенных Штатах на стыке двух веков, вновь обращает внимание на неизвестные достоинства «плохой руки». Англо-саксонские страны, более чувствительные к свободе личности, чем романские страны⁷, первыми отменяют диктатуру правой руки. Конечно, не

обойдется без потерь и возвратов к старому, споры будут разгораться снова и снова, однако с 1930-х гг. вопрос можно считать решенным.

Во Франции, на родине прав человека, эволюция в сознании потребовала больших усилий. Настоящая эмансипация левшей, наметившаяся в 1914–1918 гг., в какой-то степени благодаря тому, что многие были искалечены во время войны, свершилась только в 1960-х гг. Однако удивительно, насколько святая догма «первородства» правой руки все еще пассивно оказывает воздействие на нас. Никто уже не будет бросать камней в тех, кто, ссылаясь на традиции, доказывает тяжкое оскорбление прав левшей. Ведь у них есть на то веские причины. В конце концов, разве Венера Милосская не правша?

¹ Э. Ролле «Левша и правша» (E. Rollet, «L'Homme droit et l'Homme gauche», Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique », t. 17, 1902, p. 177–183 (p. 178)), Вполне может быть, что автор ссылается на исследование К. Гассе, которое мы не смогли, к сожалению, изучить («Ueber gesichts-asymmetrien», Archiv für anatomie und physiologie, 1887).

² Бернар Клервосский, *Sermo 7 in Psalmum «Qui habitat»*, 15.

³ Франсиско де Кеведа, «Сновидения и рассуждения об истинах, обличающих злоупотребления, пороки и обманы во всех профессиях и состояниях нашего века».

⁴ Г. Делонэ, «О леворукости», с. 213.

⁵ О.-М. Ланьлонг, «Леворукость и праворукость», с. 213.

⁶ Ж.-Б. Сальг, «Ошибки и предрассудки», с. 108.

⁷ У нас нет данных по северным странам, которые считаются более терпимыми в вопросах нравов.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
------------------	---

Часть первая

ХОРОШАЯ РУКА И ПЛОХАЯ РУКА

I. Почему люди стали правшами?	14
Обычай воинов	14
Путь солнца по небосклону	15
Закон полярных противоположностей	18
Идеал праворукости	20
II. Правила праворукократии	21
Религиозные предрассудки	21
Язык	30
Правый	31
Левый	32
Ритуалы и верования повседневной жизни	37
III. Подрывная деятельность левой руки	46

Часть вторая

ПРЕЗИРАЕМЫЕ ЛЕВШИ

I. Леворукость как аномалия	74
Несоответствие	75
Своеобразная болезнь	80
II. Стигматы леворукости	82
«Левша» — позорный эпитет	83
Атрибут монстра	88
Ужасная наследственность	90

III. Характеристики недолоудей	93
Признак дегенерации или принадлежности к низшей расе	93
Криминогенный фактор	100
Отклонение	106
IV. Пик нетерпимости	110
V. Преследуемая леворукость	113
Вернуть праворукость	114
Муки скрытого левши	118

Часть третья

ЛЕВШИ, КОТОРЫХ ТЕРПЕЛИ

I. Золотой век Средневековья	149
До того как появились правила хорошего тона	152
До того как появились правила письма	159
Прогрессивные изменения	161
II. Долгая дорога к сегодняшней свободе	165
Первопроходцы	166
Грядущая революция	175
Пример Франции	178
Первые признаки	178
Роль великой войны	180
Крестовый поход Веры Коварски	182
Поворотные шестидесятые	185
III. Миф о двух правых руках	185
Утопия старая, как мир	186
Культура амбидекстрии	187
Амбидекстрия и освобождение левшей	193

Часть четвертая

ЛЕВШИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ВОСХИЩЕНИЕ

I. Превосходство левшей	216
«Левша – и горжусь этим»	216
Необычные таланты	223

СОДЕРЖАНИЕ

Образцовые левши-«сцеволы»	234
II. Пантеон левшей	244
Художники	245
Гении	259
Заключение	292

Пьер-Мишель Бертран
ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЛЮДИ
История левшей

Редактор
О.А. Прохоров
Дизайнер книги
С. Тихонов
Корректор
Н.А. Смирнова
Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

**ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»**

Адрес издательства:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84x108¹/₃₂
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 9,5. Тираж 2000. Заказ № 328

Отпечатано в типографии «Типография «Миттель Пресс»
Адрес: 127254, г. Москва, ул. Руставели, д.14, стр. 6.

Книга французского исследователя **Пьера-Мишеля Бертрана** посвящена левшам. Поразительно, что это, казалось бы, элементарное свойство вызывало у окружающих самые разные, подчас прямо противоположные эмоции — от страха и отвращения до уважения и восхищения. Небыстрый процесс либерализации леворукости находился в постоянном колебании, знал как взлеты и падения, так и периоды застоя. Бертран рассматривает культурно-исторический процесс от античности до современности в необычном ракурсе — с точки зрения взаимоотношения правой и левой.

ЛЕВОРУКОСТЬ ИНТЕРЕСУЕТ АВТОРА
ПРЕЖДЕ ВСЕГО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
СЕГОДНЯ ОНА СЧИТАЕТСЯ ВПОЛНЕ ОБЫЧНЫМ
ЯВЛЕНИЕМ И НЕ ВЫЗЫВАЕТ ОСОБОГО УДИВЛЕНИЯ.
НО ВСЕГДА ЛИ ДУМАЛИ ТАК?
КАК ОТНОСИЛИСЬ К ЛЕВОРУКОСТИ
(СЧИТАЙ МЕНЬШИНСТВУ) В ЭПОХИ,
КОГДА ЦАРИЛИ ОСТРАКИЗМ,
ИЗОЛЯЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ПРИНУЖДЕНИЕ?

ISBN 978-5-444-80534-3

9 785444 805343